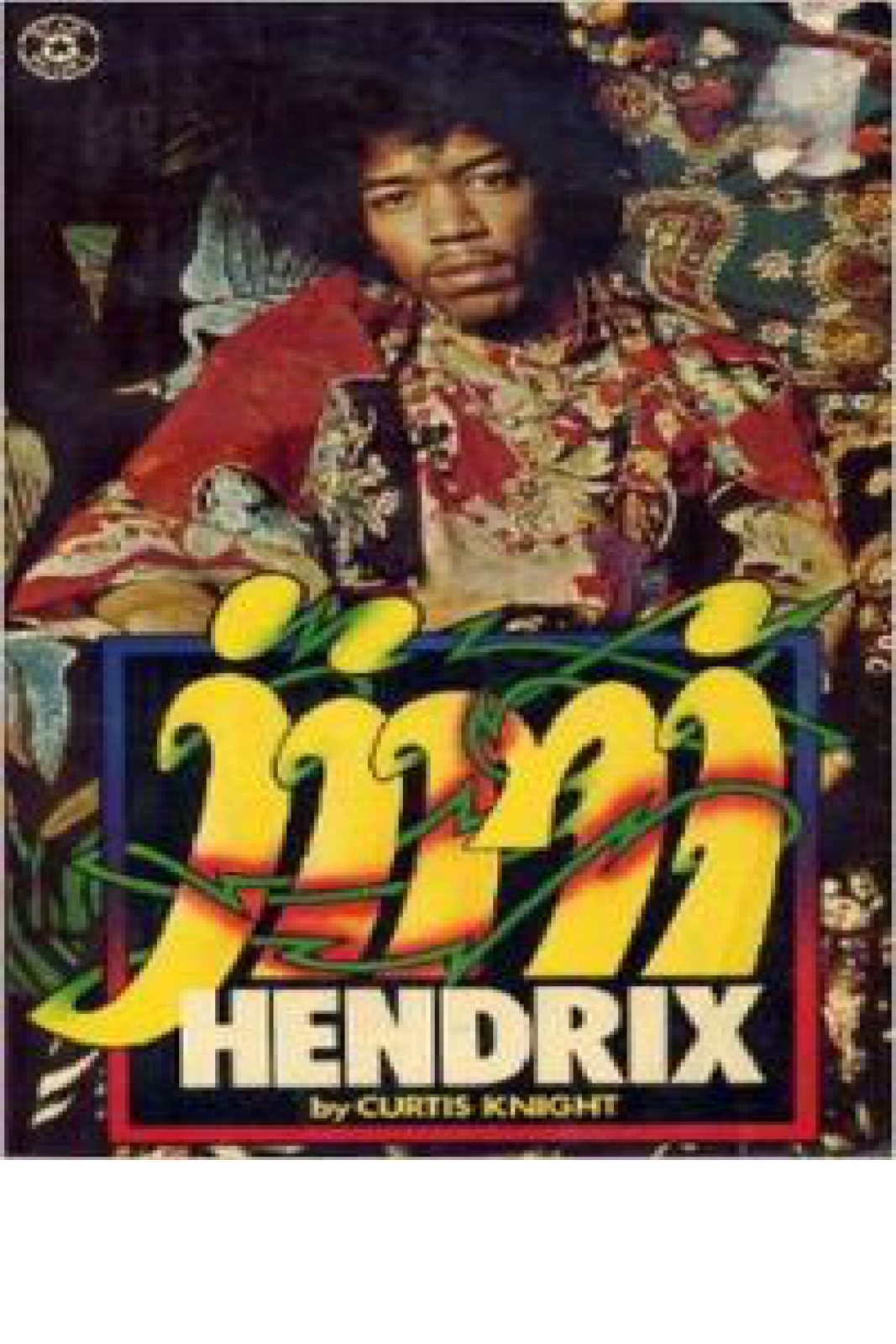

jimi

HENDRIX

by CURTIS KNIGHT

Annotation

Об авторе: 1929 года рождения, наполовину негр, наполовину индеец сиксика (черноногие), Куртис Найт до 8-ми летнего возраста жил в индейской резервации. Очень рано его вдохновила к сочинению песен его мать, она писала не только отличные стихи, но и хорошие песни и музыку. После окончания школы он переехал в Калифорнию, там было несравненно больше возможностей для расширения музыкального кругозора. Затем автобус, проделав путь в три тысячи миль, привёз его в Нью-Йорк, где он встретил одного агента, занимающегося подбором групп для созданных им целой сети клубов на Восточном Побережье. Здесь, в Нью-Йорке, Куртис Найт познакомился с Джими Хендриком. Они понравились друг другу с первого взгляда и сразу же стали играть вместе. Многие из сделанных ими записей уже изданы во всём мире.

От переводчика: Подзаголовок *An Intimate Biography of Jimi Hendrix* появился на обложке американского (третьего по счёту) издания, в моём экземпляре он набран мелким шрифтом на титульном листе. На месте издателей, я бы не стал выносить его на обложку, потому что это и не биография и, тем более, не интимная биография. Это скорее философское размышление о роли Случая в человеческой жизни. От многих я слышал дурные отзывы об этой книге, особенно в связи со скандалом, который затеяла Кати Этчингем (Куртис приводит (на десяти страницах) выдержки из первого в её жизни интервью, данного старому другу её первого мужа). На самом деле, весь свой гнев она обратила на книгу Хендерсона, активиста левого крыла движения за права чёрных американцев. Может быть, именно поэтому из моего экземпляра были вырваны именно эти десять страниц и, может быть, именно поэтому они были выложены в сети. При переводе я старался передать манеру и лексикон всех действующих лиц, начиная от невероятно витиеватой речи журнальных статей и бессвязных реплик группиз до размеренной и ясной рабочих сцены и роуд-менеджеров. Я более чем уверен, что всё время, находясь в тесном кругу нескольких человек, музыка их речи и словарный запас не могли не отразиться ни на лирике, ни на музыке Джими Хендрикса.

- [Джими Хендрикс](#)

- ☐ [Предисловие переводчика](#)

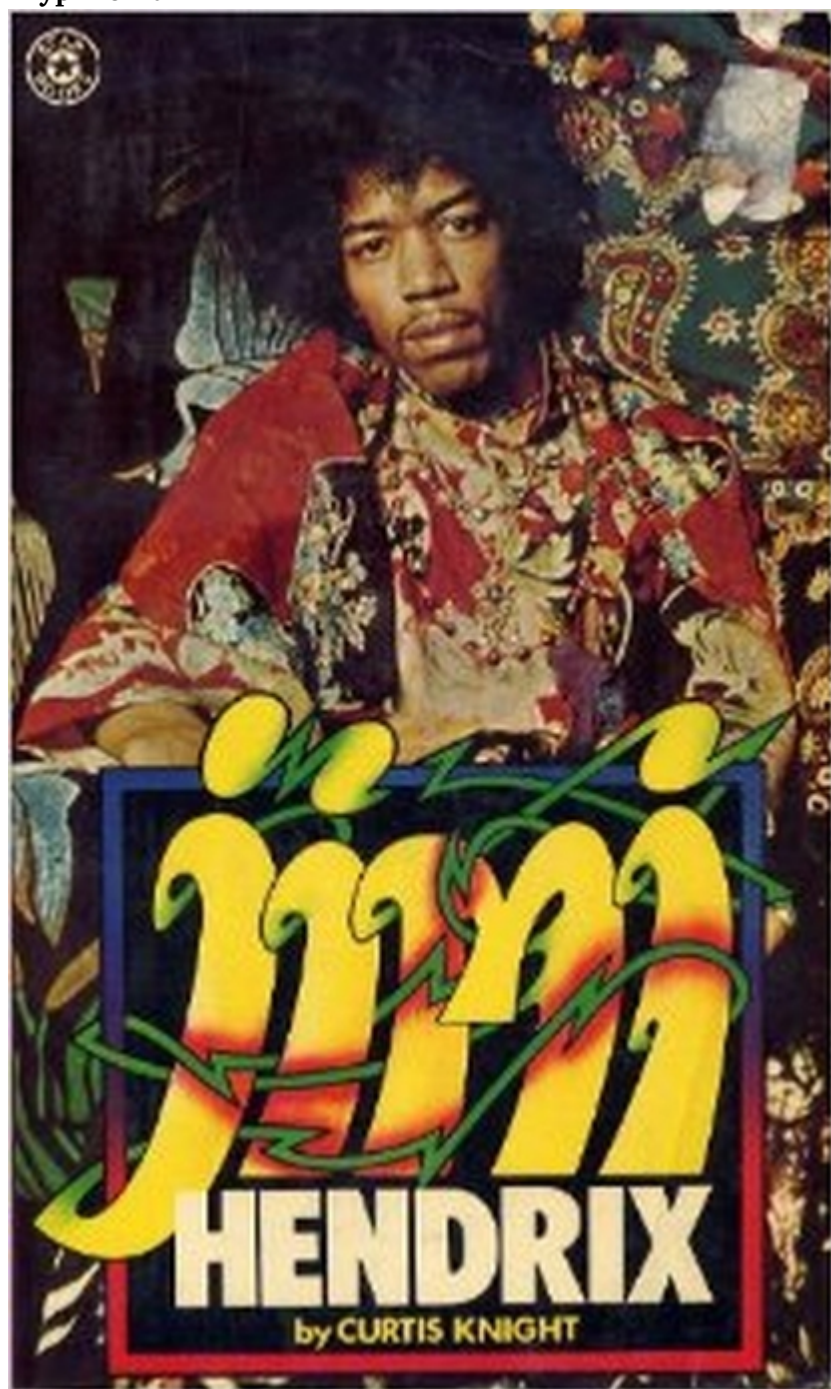

- ☐ [Об авторе](#)

- Глава 1. Появление гения
- Глава 2. Перипетии моей жизни
- Глава 3. Большое яблоко
- Глава 4. Лондонский мост
- Глава 6. Любовь и смятение
- Глава 7. О том, как из рук красных мундиров ускользнула добыча
- Глава 8. Разожги ночник
- Глава 9. Последний акт
- Глава 10. После грозы
- Приложение 1. Кошмарное турне 1968 года
- Приложение 2. Рассказывает Эрик Барретт, менеджер по оборудованию
- Приложение 3. Рассказывает Эйч, роуд-менеджер
- Приложение 4. Рассказывает Джерри Стикеллз, роуд-менеджер
- Приложение 5. Регенерированные записи Джими Хендрикса
- Приложение 6. Интервью с Девон Вильсон
- Приложение 7. Эд и Сэм Чалпины
- Приложение 8. О том, как Эд Чалпин пытается продать на аукционе права, которых у него нет
- Приложение 9. Вечный огонь Джими Хендрикса
- Приложение 10. Заключительное, но не последнее слово
- notes
  - 1
  - 2

Джими Хендрикс

Куртис Найт

Предисловие переводчика

Первое издание карманного формата в мягком переплёте, с которого я делал перевод, досталось мне в начале 80-х, потрёпанное с недостающими страницами и вырванными иллюстрациями, ещё тогда я начал её переводить, открыв посередине и... потерял. Совсем недавно, работая над восстановлением концерта Джими на Вудстоке, я в задумчивости подошёл к книжному шкафу, открыл его и с верхней полки соскользнул мне на голову бумажный свёрток, в котором оказалась эта книга. Я знал, что в ней не хватало шести последних страниц. Это меня не очень расстраивало, так как, судя по оглавлению, три из них приходились на дискографию. Но когда, я вдруг обнаружил, что в конце последней (но не «Последней главы») главы недостаёт десяти страниц (10!), я сник. Но меня не покидало ощущение, что я совсем недавно уже переводил текст, написанный в похожей манере. Порывшись в бумагах, я нашёл объёмистое интервью с Кати Этчингем, сосчитав знаки на странице в моём экземпляре и знаки в интервью и поделив количество последних на 10, оказалось, что числа совпали. Судьба, немного со мной пошалив, подарила мне с помощью интернета вырванные из моего экземпляра 10 страниц.

При переводе я старался передать манеру и лексикон всех действующих лиц, начиная от невероятно витиеватой речи журнальных статей и бессвязных реплик группиз до размеренной и ясной рабочих сцены и роуд-менеджеров.

Я более чем уверен, что всё время, находясь в тесном кругу нескольких человек, музыка их речи и словарный запас не могли не отразиться ни на лирике, ни на музыке Джими Хендрикса.

Монтрё, 12 сентября 2013 года.

Об авторе

1929 года рождения, наполовину негр, наполовину индеец сиксика (черноногие), Куртис Найт до 8-ми летнего возраста жил в индейской резервации. Очень рано его вдохновила к сочинению песен его мать, она писала не только отличные стихи, но и хорошие песни и музыку. После окончания школы он переехал в Калифорнию, там было несравненно больше возможностей для расширения музыкального кругозора. Затем автобус, проделав путь в три тысячи миль, привёз его в Нью-Йорк, где он встретил одного агента, занимающегося подбором групп для созданных им целой сети клубов на Восточном Побережье. Здесь, в Нью-Йорке, Куртис Найт познакомился с Джимми Хендриксом. Они понравились друг другу с первого взгляда и сразу же стали играть вместе. Многие из сделанных ими записей уже изданы во всём мире.

Сейчас (в 1975) Куртис Найт живёт в Лондоне и у него своя группа, названная им Curtis Knight Zeus. Они собираются в ближайшем будущем посетить с гастролями Германию и другие страны Европы. Последняя их запись — сорокопятка «Новые горизонты» выйдет скоро одновременно с долгоиграющей пластинкой.

Глава 1. Появление гения

Джими Хендрикс был посланцем иных миров. Гениальный гитарист прибыл из другого времени и измерения к нам с посланием Любви, Мира и Свободы. Мне посчастливилось знать его, любить и быть ему близким другом. Возможно, я сыграл какую-то небольшую роль в его судьбе.

Джеймс Маршалл Хендрикс родился 27 ноября 1942 в Сиэтле, штат Вашингтон, городе с полумиллионным населением. Его отец, Джеймс Аллен Хендрикс, был вольнонаёмным садовником и в его ведении был небольшой грузовик, газонокосилка, разные шланги и ножницы для стрижки кустарника и обрезания сучьев на деревьях. Его жизнь зависела не только от погоды, но и от его сноровки и профессионального умения. Кругом было много не менее умелых и ловких садовников предлагающих меньшую цену за свои услуги. Не жизнь, а сплошная погоня за клиентами.

Рискованное занятие для такого мягкого, внимательного и тактичного человека, как отец Джими Хендрикса, человека невысокого роста, но полного любви, терпения и понимания. Такое же рискованное, как семейная жизнь. Мать Джими, полнокровная чероки, была чуть ли не противоположностью своему мужу.

Как-то однажды Джими сказал: «Моя мать часто ссорилась с папой. Папа был очень религиозен и ограничен, а матери нравилось весело проводить время и всё время наряжаться. Она никогда не заботилась о себе и много пила. Она умерла, когда мне исполнилось десять лет, но она была по-своему нежной матерью.»

Так, уже в очень раннем возрасте Джими испытал чувство одиночества в доме с матерью, проводившей большую часть времени вне дома. Очень может быть, что он рассуждал именно так: мама любит меня, рада всегда меня видеть, но у неё часто бывают обстоятельства, поэтому она редко бывает дома. Он рассказывал мне:

— Я был слишком мал, чтобы понять, что происходило между моими мамой и папой — мне кажется ты понимаешь, почему у не было нежности на подушке — понял я это позже, уже после смерти матери, что иногда, если два человека не могут быть вместе, то лучшее, что они могут сделать, это расстаться.

Потом были другие родители, давшие жизнь музыкальной мессии XX века. И ни желание менеджера, ни мановение волшебной палочки, а предначертание Судьбы сделало его великим.

Одна из его тёток описывает, как она вспоминает его малышом: «Джими был очень скромным и нерешительным, но с большим желанием постичь всё, что происходит вокруг него. Мальчиком он казался слишком мечтательным и сторонился сверстников, его не увлекали их идеалы. Он отстаивал свои убеждения и научился не бояться одиночества с ранних лет. Настоящий Стрелец.»

Наружностью он тоже выделялся, только не смейтесь — за его необыкновенно короткую стрижку. Много позже его, ставшего знаменитым, часто спрашивали, почему у него такие длинные волосы, на что Джими отвечал: «Я думаю, что может быть, я отрастил их такими длинными потому, что в детстве отец стриг меня под ошипанного цыплёнка, и все мои друзья звали меня Скользящим Бобом (Slick Bean).»

Очень значительное событие, послужившее возрастанию самоуверенности Джими, произошло, когда ему было 8 лет. Каждое воскресенье он посещал баптистскую церковь Dunlan в Сиэтле и всю неделю с нетерпением ждал момента, когда снова услышит пение церковного хора.

Мне запомнились слова Джими:

— Эта музыка, казалось, поглощала меня и вела меня за собой куда-то прочь. Она пронизывала меня с головы до ног. А когда проповедник начинал обволакивать всех своим гипнотическим волшебным распевным голосом, я просто сходил с ума.

Если вам когда-нибудь приходилось бывать в баптистской церкви, вы поймёте, о чём он говорил: барабаны отбивают ритм, в такт им стучат сотни ног — даже тех, кто не знает языка или пришёл туда из праздного любопытства — кругом счастливые крики и вращающиеся тела. Всё это не поддаётся описанию. И когда, наконец, наступило это роковое воскресенье, он никак этого не ожидал. Вот как сам Джими объяснял мне, как всегда с растерянностью и раздражением, когда приходилось вспоминать прошлое.

— Они вышвырнули меня из этой holy-roller церкви, а мне было всего восемь лет! Они сказали мне, что я несоответствующе одет! Что ты скажешь на это?! Я шёл в полном замешательстве — проповедник сочинил целую проповедь из этого эпизода. Показуха и игра. И я сказал себе, пока я жив ноги моей не будет в этой церкви.

Но тот музыкальный опыт, который он приобрёл при посещении церкви, не стал началом его музыкального образования. Джими было всего три или четыре года, когда у него начал проявляться интерес к музыке. Отец подогревал его, играя

на ложках и расчёске.

В наши дни игра на ложках вызывает в памяти времена рабства в Америке, когда у рабов не было ничего, кроме пения духовных гимнов и слушания одноногого проповедника, рассказывающего им о светлом будущем. Но у них была сверхъестественная способность к музыкальным импровизациям. Басовые инструменты они делали из старых, вышедших из употребления хозяйских оловянных тазов, проделав в центре таза отверстие, в него продевалась верёвка, к другому концу которой привязывали палку. Прижимая одной рукой такую струну к разным местам на палке, можно извлечь очень красивые низкие звуки.

Ложки пришли из этой же импровизаторской эры. Случалось, рабы бежали с плантаций, прихватив с собой что-нибудь из столового серебра, особенно ценились ложки, их отбирали по возрасту, размеру и звуку, который они могли издать. В искусных пальцах какого-нибудь виртуоза они издавали разные и интересные звуки.

Отца Джими очень увлекала игра на ложках и однажды двух-трёхлетнего Джими привлекли эти звуки, глазёнки его наполнились любопытством и он стал с интересом слушать. Вот это, да ещё расчёска — а играют на ней, как многим известно, прикладывая к зубцам полоску газеты и дуя — вот самое начало музыкального образования Джими.

С тех пор это продолжалось и, немного времени спустя после того изгнания из церкви, дядя подарил Джими гитару, он видел, как тот подбирал палку или метлу, или ещё какой-нибудь похожий предмет и, представляя, что в руках гитара, играл на нём.

Гитара тут же заняла всю его жизнь, вытеснив все другие занятия, как например, необыкновенную игру в мяч, так Джими называл те часы, когда он, пятилетний, оставался наедине с младшим братом Леоном.

— Мне здорово попадало, когда толстый Леон катался по полу, как резиновый мяч.

Не расставаясь с гитарой, он проводил почти всё время, вслушиваясь в блюзовые пластинки. Полностью поглощённый волшебством Muddy Waters, Howling Wolf, Lightning Hopkins, B.B. King, Arthur (Big Boy) Crudup и Роберта Джонсона — старых блюзовых великанов из Южных Штатов.

Все члены его семьи говорят о неестественно-гениальном, почти мгновенном умении Джими схватывать мелодию.

— Стоило Джими послушать какую-нибудь из записей и через несколько минут он уже играл её, усовершенствуя по-

своему.

Чутьё с самого начала подсказало ему играть левой рукой — в этом даже был некий шик — и, так как он продолжал по-своему жить и играть, гитара стала его единственным способом общения.

Он не был увлечён уроками, чем дальше от школы он был, тем больше она ему нравилась. Хорошо помню его слова:

— После того, как я выучился читать и писать, я представил себе, что больше ничего нет, что они могли бы мне показать. Меня всё время интересовало нечто другое, чем то, о чём они говорили, в особенности мне не нравилось, как они всё это понимали.

Итак, неизменно, гитара Джими продолжала занимать почти всё его время. И, в конце концов, по школе поползли слухи, что играет он потрясающе. Он говорил мне о приятной стороне этого дела — о премии с пришедшей популярностью как музыканта.

— Девчонок, ходивших прежде задрав нос и от задницы до плеч смеявшихся надо мной, теперь я мог взять с собою в парк или аллею для того, чтобы ввернуть им, так же легко как нарвать вишен с дерева.

— Я вспоминаю свой первый секс, — рассказывал он мне, — это было с той девчонкой, эх, кажется, её звали Мэри, или что-то вроде того. Мне было не то двенадцать, не то тринадцать, и, я полагаю, ей тоже было около этого. Я толком не знал, что делать, но мне приходилось слышать, как взрослые парни говорили об этом, и я вспомнил всё, что слышал. Думаю, у неё это тоже был первый раз, потому что я не мог никак попасть — но когда, наконец, это произошло, это было та-а-а-ак здорово и, слушай, когда же я расколол свой орех, я не знал, что случилось со мной. Это был огромный взрыв внутри меня, и в то же время — крик цыплёнка.

Джими продолжал:

— Я был безрассудно смел и без разбору завязывал знакомства, но особенно мне нравились разноцветные блестящие одежды — даже когда я был ребёнком. Но ведь мой отец был садовником и не мог позволить себе дать мне денег, чтобы я купил себе то, что нравится, и был только один способ — это проникнуть через заднее окно на склад одежды.

Вдруг он внезапно перескочил на другую тему:

— Мне было пятнадцать, когда меня выгнали из школы из-за одной очень озабоченной учительницы, за то, что я держал одну белую цыпочку за лапку. Я знал, что учительница подумала, но вот что она сказала: «Класс не место для амурных дел!» На что я ответил: «А что случилось? Вы разве ревнуете?» Как я вылетел!

— После этого случая я занялся трудом, выручая отца, в это

время года с работой было трудно, ведь не было травы, которую можно было стричь. Часто буфет оставался пуст, хотя знал, что папа делает всё, что в его силах.

— Но мне уже ничего не было нужно, когда я стал играть с небольшими группами. Мы были вместе и мы были заняты собой, мы ничего не делали, кроме того, что играли в парках и на танцплощадках для таких же подростков какими были сами. Я помню наше первое выступление, мы сняли учебный полигон, он скорее был похож на какой-то загон. В итоге я остался с пятьюдесятью центами в кармане.

Я попросил рассказать Джими, какую музыку он играл в те дни.

— Мы играли ритм-и-блюз и всё, что было популярного тогда по радио. Но мне не удавалось сыграть соло, потому что все парни были самовлюблёнными дураками, а я стоял позади них.

И когда бы Джими не рассказывал мне о своём детстве, говорил он всегда с пониманием, о тех днях, которые его так потрепали.

— Вот самый ужасный случай, — говорил он, — происшедший со мной в детстве. Друзья мои были парни очень нервные — один из них, который всегда старался выглядеть таким... ну, ты понимаешь, о чём я хочу сказать. Так вот, однажды он подъехал к моему дому на роскошной «шине» и спросил, не хочу ли я прокатиться. Я подпрыгнул и согласился. Он сказал, что это автомобиль дяди и что он разрешил. Мне бы чуточку подумать, ведь у них в доме даже не было ночного горшка, или окна, из которого его выплеснуть. Так или иначе, мы гоняли взад и вперёд, смеялись и болтали, крутили радио, болтали о цыпочках, с которыми знакомились и брали в парк немного подвинтить их, как вдруг разлетелись в пух и прах. Меня продержали семь дней в каталажке, прежде чем этот парень, который угнал машину, признался им, что я не виноват в том, что машину разбили и что я даже не знал, что она угнана. Я никогда прежде не видел моего родителя такими сердитыми. Отец был ещё долго холоден со мной, хотя и узнал, что это не я угнал машину.

В те года в Америке каждый мужчина по достижении восемнадцатилетнего возраста должен был пройти военную регистрацию, и каждый попадал под изощрённую классификацию. Зловещее облако неопределённости нависало над головой каждого молодого американца. В местных приписных пунктах существовало множество отмазок и способов для хорошо обеспеченных родителей уберечь своих отпрысков от двухгодичной службы в правительственных войсках. Это было

типично американская штучка, что призывалась главным образом молодёжь из чёрного населения и малообеспеченных белых семей. Теперь если вы хотите продолжить обучение в университете или колледже вы получаете отсрочку. Это значит, что вы можете стать военным позже — хотя, если понадобится, вас призовут в любое время — для них вы всё равно остаётесь потенциальным военнотружущим, но уже более высокого ранга.

Так как у Джими Хендрикса не было ни малейшего желания продолжить образование, он понял, что пойдёт на военную службу, когда ему станет восемнадцать. И он решил, что лучшее для него из военной службы это армия. Парней из американской армии в шутку называли «земледавами» (Ground Pounders), должно быть за их вечное шатание повсюду. Никакой романтики в том, чтобы стать одним из земледавов, Джими не увидел. Но зато испытал непреодолимое желание дать им по морде.

И с разрешения отца, а оно необходимо в семнадцать лет, Джими записался парашютистом в воздушно-десантные войска. Шёл 1961 год и его признали годным и зачислили в 101-й Воздушно—Десантный полк.

По ошибке он оставил свою гитару дома.

— Я чувствовал, — рассказывал он мне, — словно потерял часть себя, когда забыл мой томагавк дома, — так он называл иногда свою гитару. — Я написал отцу, чтобы он выслал мне её туда. Когда, наконец, я получил её, будто воссоединились две половинки одного целого. Причём она была главной частью моей половинки.

Нигде в другом месте он не мог встретить Билли Кокса, как находясь в Форт—Кемпбелл, штат Кентукки. Он уже всю играл в гарнизонных клубах, находя время после выматывающей службы. Его можно было встретить играющим и в окрестных городках Форт—Брэгга на Западном Побережье, и на окраинах Рэли, штат Сев.Каролина, на Восточном Побережье.

Конечно же, Джими играл и в городке близ их военной базы и приобрёл там известность.

Экономическая жизнь Рэли, как и любого другого города, выросшего поблизости с военными базами, разбросанными по всей Америке, основана на надирании молодых одиноких козлят, заманиваемых на военную службу — козлят, по большей части впервые убежавших из дому.

Вот как Джими вспоминает Рэли:

— Там было полно продажных цыпочек и за пять самцов можно получить всё наспех, в какой-нибудь закоптелой комнате, где, если вам удастся, удерживая одной рукой брюки, проделать всё это с той цыпочкой. Можно также обмануть своё

изголодавшееся тело с помощью волшебной ручки, просунутой в так удачно вырезанную дырку в стене. Я не забуду эти сомнительные бары, своими неоновыми вывесками зазывающие одиноких сосунков вроде нас, и благоухающие мочой скамьи, на которых тебя обнимает какая-нибудь шлюшка, происходящая по прямой линии от самого Сатаны, и купленная тобой за выпивку, одной рукой достающая твоего джека, а другой шаря в твоём бумажнике.

— После тренировки совершался обязательный ритуал: ты сам укладываешь свой парашют.

— Это делалось для того, — пояснил Джими, — чтобы, если он не раскроется во время прыжка, ты не мог винить никого кроме себя!

Мы посмеялись над этим, и он продолжал:

— Прошёл уже год, а я всё ещё вопил: а-а-а-а! и па-а-а-да-а-а-ю! каждый раз, вместо того, чтобы кричать: «Джеронимо!» В конце концов, я сломал себе лодыжку и повредил позвоночник. Прыжки с парашютом приносят незабываемое чувство. Прыгнув, тебе вдруг приходит мысль, что он не раскроется. И как только чувствуешь рывок за воротник, и появляется огромный белый купол у тебя над головой, воздух, проходя мимо твоих ушей, делает так: ш-ш-ш! Словно ты начинаешь разговаривать сам с собой.

Всего Джими совершил 25 прыжков.

— Покинув это поле деятельности, — продолжал Джими, — я решил отнестись серьёзнее к своей первой любви — музыке.

Он рассказывал об этом решающем моменте в своей жизни с каким-то необычным игривым выражением на лице, которое появлялось у него всякий раз, когда он переживал какой-нибудь период своей жизни очень ярко.

— Я присоединился к одной группе, когда продул всю капусту, оставшуюся после демобилизации. Я продул — как ты догадываешься — «вино, женщины и песни», дословно, в лучших традициях — все флаги на башни!

Следующий этап жизни Джими я бы назвал самым типичным для него:

— Мы колесили по Южным Штатам, сегодня здесь — завтра там, и я встретил этакую рыжую цыпочку! — сексуальную до мозга костей — и провёл бессонную ночь с ней. И, гммммм, я понял тогда, что погода не единственная штука, которая согревает, даже если на дворе лето. Что ещё нужно — мы превратились в двух диких животных, рабов любви. Это было, в самом деле, нечто такое! Когда, наконец, мы впали в сон, солнце стояло уже высоко. Мне было на всё наплевать и к тому времени,

когда я, наконец, выспался, ребята уехали без меня. Я проснулся, её уже не было — может быть, она вернулась к своему мужу получить взбучку и, может быть, в эту самую минуту он её сверлит.

Имя группы, которая бросила Джими Хендрикса, в строго географическом смысле, было The Flames^[1]. Ему пришлось выкручиваться в одиночку.

— Итак, я сидел на мели в каком-то захолустном южном городишке, без денег, но со своей гитарой. Доехав стопом до ближайшего крупного города, я вписался на работу в один небольшой клуб. Из всех развлечений там стоял только танцевальный дурак.

Он нашёл ещё несколько работ подобного рода, но для Хендрикса это был настоящий крах.

Спустя совсем немного времени по городу расклеили афиши, на афишах стояли имена: Биби Кинг, Сэм Кук, Чак Джонсон, Соломон Бёрк, Джаки Вильсон и Хэнк Боллард. Джими снова был в работе.

— Все ночи я проводил, разучивая на гитаре обьедки, оставшиеся после пиршества всех этих имён. Затем в Атланте, штат Джорджия, я услышал Литл-Ричарда, подыграл ему на одном из выступлений и уже не покидал его, пока мы не исколесили всю Америку.

Но и тут Джими не избежал трудностей, дело в том, что ему и ещё одному члену группы надоели застиранные и протёртые сценические костюмы, которые было необходимо одевать, и они решили купить модные рубашки. Но не таков был Малыш Ричард, чтобы стерпеть это. В тот злополучный вечер он, как обычно, выскочил на сцену, ожидая встречи достойной короля, разодетый в своё любимое третье измерение блестяще-цветного портняжьего вдохновения. И вдруг, он замер, уставившись на двух выскочек, решивших нарушить традицию. Он выкрикнул через микрофон все эпитеты, которые может придумать, кто угодно только не сын бога, имея в виду Джими Хендрикса и его приятеля. В этот вечер Джими Хендрикс получил записку, в которой говорилось, что в шоу Литл—Ричарда может быть только один сногшибательный парень, и этот парень — Литл—Ричард!

Стоит добавить, что он всё же остался в группе, но ненадолго, и ушёл из-за множества разногласий.

— Я ушёл, — как сам он объясняет, — из-за «денежного непонимания» и, осев в Лос—Анжелесе, стал играть с Ike and Tina Turner. С ними, наконец-то, я смог расслабиться.

Но крушение надежд и неопределённость положения преследовали его. Это тяготило его больше, чем отсутствие денег

и одежды, и не покидало даже на сцене.

— Меня распирали идеи, мозг взрывался от звуков в голове, но всё время приходилось играть какую-то чужую музыку и это приносило невыносимую боль. Меня поджаривали, и я готов был сорваться хоть в огонь с этой сковороды.

И снова Джими сорвался, на этот раз в Нью-Йорк, где его ждало ещё большее крушение надежд, несмотря на то, что работы там хватало.

— Однажды меня услышал один из братьев Айли и перелистнул страницу моей жизни. Ночевать в тех трущобах был сущий ад — крысы носились по тебе, когда ты спал, тараканы съедали твою последнюю корку хлеба. Но я играл и нас записывали.

Годами позже, когда Джими был уже на вершине, я встретился с братьями, и спросил каково их мнение. На что Ронни мне ответил:

— Особенно мне запомнилось, что Джими сходу запоминал все наши песни, ему не требовалось репетиций. Джими на сцене воспроизводил в точности те звуки, какие были записаны на пластинках. С ним было очень легко работать, он играл именно то, что мы ожидали от него услышать. Казалось, музыка исходила из него самого, казалось, ему не нужно было прикладывать никаких усилий.

Рудольф, самый весёлый из братьев, сказал:

— Однажды, когда мы забрали Джими к себе домой в Теапек, в Нью-Джерси... — а надо сказать, что это самый престижный район, почти недоступный для чёрных, — хорошо помню, как Джими сказал тогда, что настанет день и он позволит себе такое же, и мы верили, что это не хвастовство Джими, а истинная правда.

Но братья сошлись в том, что он произвёл на них сильное впечатление и что они до сих пор находятся под впечатлением, и более всего он поразил их своею индивидуальностью. И, в конечном счёте...

Ясно было, что его индивидуальность когда-нибудь как-то проявится, он чувствовал постоянное стеснение, находясь в рамках их группы.

— Помню, мне никак не удавалась эта злополучная фа, — рассказал он мне много позже, — мне всё время мешал мой белый шерстяной пиджак и лакированные туфли.

А вот воспоминания ещё одного музыканта о своей игре с Джими. Позднее они встретятся снова на студии в 1967 году на записи с моим участием. Звали его Рэй Лукас. Он был моим другом, через меня познакомился с Джими, играл он на ударных

у ставшего потом знаменитым Кинга Куртиса.

Вот как он вспоминает свою первую встречу с Джими:

— Мы играли в гарлемском клубе Smalls Paradise с Кингом Куртисом, и наш гитарист то ли заболел, то ли попал в тюрьму, то ли вообще пропал. О Джими я уже был наслышан, но не видел и не слышал его в деле, поэтому сказать, что я подо мной разверзлась земля, это ничего не сказать. В тот вечер у нас даже не было времени на репетицию, большинство наших песен Джими просто не мог знать и наш бас-гитарист успел шепнуть ему пару аккордов. За всю мою никчёмную жизнь я не встречал человека, так врубающегося в музыку. Я получил истинное наслаждение, играя с ним. И, без дураков, не было ещё на свете такого гитариста, он был лучший. Но то, что он мог стать всемирно известной звездой, у меня и в мыслях не было. Ведь для нас, чёрных братьев, не было будущего, как хороши мы бы ни были.

Джими был действительно в трудном положении, не то что бы он не знал чем заняться, он не знал куда приткнуться.

Джими оставался среди этих многоквартирных домов и нью-йоркских тараканов, пока не решил, сколько бы ему это ни стоило, переехать в дешёвый отель. Для человека, чьи мозги лопались от множества музыкальных идей, это оказалось высокой ценой. Его гитара — сначала он её заложил, а затем продал.

Вот в такой момент наши пути и пересеклись.

Глава 2. Перипетии моей жизни

Я родился в Форт—Скотт, штат Канзас, в индейской резервации, наполовину чёрный, наполовину индеец из племени сиксика (черноногих). Мои предки до сих пор живут в резервации недалеко от Бэггса, штат Оклахома.

Самые яркие впечатления детства связаны с церковью, совсем как у Джими. Я очень рано начал петь в церковном хоре и оказалось, что унаследовал от матери талант писать стихи.

Вся жизнь матери прошла в стенах церкви и в любви к людям. Бывало, часто проснётся среди ночи и пишет стихи или целые поэмы.

Ей нравилось наблюдать за людьми, хорошо помню, как мы с ней приезжали на нашей старой разбитой машине в город и часами сидели на центральной площади. Я слушал её рассказы о людях, проходящих мимо нас, она сочиняла их тут же. Мы оставались в машине, мысленно сортируя людские характеры.

Меня захватывали её рассказы и думаю, в будущем, именно благодаря им, я стал так легко разбираться в людях и верить своему первому впечатлению.

После Канзаса, мы ещё жили в Колорадо и Аризоне. Известие о смерти матери застало меня в Фениксе, когда я готовил себе завтрак перед школой. Она умерла во время простой операции аппендицита: кто-то забыл принести запасной кислородный баллон в учебную аудиторию, где проходила операция перед студентами—медиками. Но когда его принесли, мать уже перестала дышать.

Это случилось за год до окончания школы. У меня было около двадцати предложений от разных университетских спортивных обществ, но по некоторым соображениям, и к огромному неудовольствию моей тёти, выраженному в очень резких словах в мой адрес, я решил «отправить гореть их в ад вместе с университетом».

Передо мной замаячил призрак службы в армии, к чему я был совершенно не расположен — бесконечные тревоги, ползание на животе и спанье в грязи. Спасибо, но это не для меня.

Оставалось наняться добровольцем и я записался в Американские ВВС. Так я попал в Северную Африку, Европу и Японию. Я так увлёкся этой страной, что выучил японский. И когда попал в самую глубь Японии, с лёгкостью общался с простым населением этой удивительной страны.

Демобилизация застала меня в Калифорнии, я сидел и представлял себе, что мне делать дальше.

Я пел в одной группе, мы участвовали в съёмках низкобюджетного фильма, если мне не изменяет память, назывался он Pop Girl. Конечно, он никуда не номинировался, но съёмки проходили весело. Работая в группе, у меня была крыша над головой и еда на столе, бобы по 16 центов за фунт. Это длилось неделями. Эти бобы до сих пор мне снятся.

В те годы шикарно не жили. Полиция Лос—Анжелеса была достаточно строга, прогулка по улице после 10—ти вечера была гарантией, что тебя заберут. И при этом тебе не нужно было прикладывать усилие, просто быть там и быть чёрным. Вот они на своей машине, вот они заметили двух чёрных парней и, бац, они уже здесь, едут по тротуару прямо на тебя. Их набирали, в основном, из Южных Штатов и они не церемонились с чёрнокожими. Мне они очень напоминали отряды СС.

Это приводило меня в уныние, будто со всех сторон на тебя смотрят плакаты «В Калифорнии у тебя нет будущего». И я, расстав по карманам остатки денег после покупки билета на грейхаунд, отправился в Нью—Йорк. Описать поезду на автобусе в 3 тысячи миль нет возможности, я до сих пор не понимаю, как я её осилил.

Было самое начало 1963, когда я добрался до города, устроившись в YMCA (христианском центре) вместе со своей повидавшей виды гитарой и ещё теплящейся где—то в глубине моего сердца надеждой. Плата за ночлег была мизерная, что спасло меня от ночей в Центральном парке, но со временем, когда деньги покинули мои карманы, я всё же, стал жителем парка.

Я начал кружить по клубам и другим местам, где мог бы встретить подходящих музыкантов для своей группы. Так я встретил одного, затем другого, с кем бы я мог сыгаться. Встретив агента, мне удалось заинтересовать его своим проектом и убедить его в жизнеспособности моей группы.

Я окунулся в музыкальные эксперименты и, замешивая индийскую музыку на блюзах, а религиозную скрещивая с рок—музыкой, пытался найти свежее звучание. Народу нравилось, что мы делали, и группа быстро приобрела популярность не только в городе, но и в штате. Работы хватало.

Где—то в это время один приятель сказал мне, что Эд Чалпин ищет певцов. Я наудачу отправился к нему на студию, спел ему пару своих песен, он спросил, не хочу ли я записать их, и подписали контракт.

В эти дни у него появилась своя собственная студия с современным 10—ти канальным магнитофоном, в доме 1650 по Бродвею, на углу 51—й улицы и Бродвея. Это здание все звали

«Домом музыки», потому что в нём было несметное количество всякого рода записывающих компаний и музыкальных издательств, распахивающих друг друга локтями.

И вдруг, как если бы всеми моими действиями и помыслами руководила неизвестная мне сила, предопределив моё будущее, со мной произошло следующее...

Глава 3. Большое яблоко

И случилось это в 1964 году. Джими также как и я нарисовался в Нью-Йорке, в этом Большом Яблоке, с гниловатой сердцевинкой, но очень обаятельным. Как и у меня его денег не хватило бы и на три дня, и чтобы снять номер в самом дешёвом отеле ему пришлось заложить единственную свою вещь, свою первую любовь, свою гитару.

Этот самый дешёвый отель, ныне снесённый и заменённый многоэтажным паркингом, находился на углу 47-й улицы и Таймс—Сквер. Этот отель был выбран Судьбой нам встретиться.

В отеле была звукозаписывающая студия, на том же этаже, где лобби, и однажды ноги мои привели меня туда. Стоя на эскалаторе, я вдруг услышал самые прекраснейшие звуки, когда-либо слышанные мною, звуки гитары Джими Хендрикса.

Меня не покидало чувство, что я уже когда-то был там и слышал эти звуки. И это верно так же, как если бы вся моя прошлая жизнь сфокусировалась в тот момент. Я подошёл к нему, привет, как дела, чем занимаешься?

— Играю на гитаре, — услышал я, — но у меня её нет. Плохи дела. Сначала заложил её, потом пришлось продать, чтобы как-то жить и заплатить за квартиру, хотя я уже снова должен уйму денег.

Для тех, кто не знаком с неразборчивыми владельцами нью-йоркских отелей, расскажу, о том, что они называют «блокировкой». Они применяют её к вашей входной двери в том случае, если вы задолжали с оплатой. Это просто часть ключа, которую они вставляют в замочную скважину, чтобы открыть, нужна другая половинка ключа, но вопрос в том, у кого она. В девяти из десяти случаев это игра в кошки-мышки с законом. По закону никто не имеет права ставить такую «блокировку» пока вы внутри, но коридорный, подлый проныра, прячущийся в закоулках коридора, в ожидании того момента как вы выйдете из комнаты, тут же бросается, как ястреб, к вашей замочной скважине, чтобы её заблокировать. И если у вас остались там вещи, вы спускаетесь к портю и слышите в ответ на ваше недовольство ультиматум: плати или забудь про свои шмотки.

Вот в таком состоянии были дела Джими в тот день, как я его встретил впервые.

Он сказал мне, что даже зная, что коридорный может заблокировать замок, он всё же спустился к портю, который его зачем-то вызвал.

У меня на тот момент было две гитары, я только что купил

вторую у друга, ему не хватало на билет до Калифорнии. Он собирался покинуть Большое Яблоко, в точности как я покинул Калифорнию. И я предложил Джими подождать меня у себя в номере, пока я не принесу гитары и усилитель, и тогда я бы послушал его игру. Надо сказать, жил он на седьмом этаже, и если нас двоих добавить к этому числу, то получится девять, цифра очень символичная в жизни и смерти Джими.

Я даже тогда почувствовал, что-то значительное в этом. И тут же выбежал к своей машине. Секунду спустя вбежал обратно, нагруженный гитарами и усилителем, под изумлённым взглядом портье, недоумевающим, почему я гитары вношу, а не выношу из гостиницы. Думаю, он был уверен, что они только что украдены.

Я был совершенно не готов к тому, что увидел и услышал после того, как постучался в его дверь и вошёл. На широкой кровати расположилась великолепная цыпочка лет девятнадцати, с которой он меня тут же познакомил. Так я впервые увидел Фей Приджен.

Джими подключил гитару к усилителю и через мгновение мы стали закадычными друзьями на всю жизнь. Переставив струны под левую руку, Джими заиграл.

Через пару минут я был поражён, он вытворял с нею такое, что я даже не смог бы вообразить.

После того, как я предложил ему продолжить, он вовлёк меня в нескончаемое путешествие, и мы понеслись в небесную высь. В итоге, я сказал, что дарю ему эту гитару и спросил, не хочет ли он играть в моей группе. Он посмотрел на меня, и в глазах его я увидел такую глубину и понимание, какую ни у кого не встречал до тех пор. Вот начало моих счастливых часов, недель, месяцев, проведённых вместе с Джими Хендриксом, личностью, посланцем других миров, пришельцем из другого времени, принёсшим всем нам послание любви, мира и свободы.

Мы вошли в полное взаимопонимание: у нас была прекрасная музыка и замечательные стихи, сам Джими писать стал много позднее, мои стихи его вдохновляли к сочинению музыки и аранжировке. Стихи рождались во мне, как ветер в море, также легко, как и у моей матери. Покинув меня, она оставила мне стихи и музыку, которые всегда рождаются во мне, когда я чувствую её присутствие. Спустя два дня после нашей встречи, я, преисполненный радости, вбежал к нему и сообщил, что его проблемы с оплатой беру в свои руки. И угроза блокировки развеялась, как утренний туман.

Я ворвался к нему в комнату, готовый взорваться от нетерпения. В руках я держал только что написанную песню — отражение глубочайшего чувства моего угнетённого племени —

первая чёрная рок-баллада, первая песня протеста. Первая, как я думаю. Песню назвал «How would you feel?», а слова в ней такие:

Ты в кафе, в кармане деньги
Вот дверь, в которую вошёл
Осталось право выйти вон.
Скажи, что чувствовал бы ты?
В твоей руке рука ребёнка
Идёт он в первый класс
Задам один вопрос:
Скажи, в ответе ль дети
За грехи всех этих дураков?
Скажи, что чувствовал бы ты?
За углом есть остановка
Автобуса открыта дверь
Ты улыбаешься, вот твой билет
Но слышишь, эй, пройди назад
Тебе там место!
Скажи, что чувствовал бы ты?
Вот, что скажу ещё тебе!
В руках твоих газета
Прочёл ты в ней:
В далёкой стороне война
Война за право быть людьми.
Скажи, что чувствовал бы ты?

Это первая песня, написанная мною, после знакомства с Джими.

— Эй, Джими, послушай вот это.

Он тут же схватил гитару и начал играть, играл так, как если бы уже давно её знал. Это ещё один из многих мистических совпадений, которые постоянно происходили между нами.

Нас обоих буквально трясло от того, что получилось у нас совместными усилиями, и оба одновременно решили, что её необходимо немедленно записать.

Прихватив Джими, я отправился к Эду Чалпину, показать ему нечто совершенно новое, в надежде на то, что он решит её записать. Эд Чалпин тут же составил с Джими контракт, первый в жизни Джими, и мы вошли в студию.

Впервые Джими была предоставлена полная свобода. Я был поражён его музыкальным чутьём и непосредственностью. Джими играл на всех инструментах, кроме барабанов. Все аранжировки — его, он даже спел на подпевке со мной и ещё одним другом. Запись прошла успешно, особенно удалась нам How would you

feel?

Мы решили её выпустить сорокопяткой. Граммофонная компания сочла, что она будет иметь успех, так как это была первая рок-баллада протеста. Однако при попытке проиграть пластинку по радио, компания столкнулась с непредвиденными трудностями, поскольку совет директоров радиостанций посчитал её «слишком спорной». Вот так, до сих пор, в Штатах, её толком никто не слышал.

Тем временем наша популярность росла, наши эксперименты в поисках нового звучания нашли отклик на всём Восточном Побережье.

Хорошо помню тот клуб, в котором мы проводили всё своё время. Местечко называлось George's Club-20, там всегда набивалось столько, что мы с трудом добирались до крошечной сцены в углу, после 20-ти минутного перерыва на еду. Где мы включались снова, несмотря на дым в зале и смрад, доносящийся с кухни. Эти цыплята были чересчур жирны, а рёбрышки пережарены, но они хорошо укладывались в наших желудках, после нескольких часов борьбы с готовыми умереть в любую минуту усилителями.

Как всегда, Джими собирал вокруг себя самых красивых цыпочек, плотным кольцом обступающих нашу сцену. Они пожирали его глазами, а он выкидывал свои бесконечные трюки, играя то зубами, то языком, или проделывая с гитарой такие же чувственные движения, какие они ежедневно совершают, снимая с себя платье.

Не счесть сколько раз я слышал от него после окончания работы:

— Слушай, Куртис, ты прости, тебе придётся поехать домой одному, меня тут пригласили позавтракать.

Где-то в это время Джими впервые встретил великую в будущем Девон. Высокая чувственная красавица, Девон была первой из супергруппиз, с которой сошёлся Джими. Она, также как и он, родилась в Сиэтле, но встретились они в Нью-Йорке.

Немногие группиз выдерживают конкуренцию, взбираясь на вершину, и Девон была как раз из тех — яркая личность с сильным характером.

Среди того, что Джими привлекало в Девон, надо отметить её магнетизм. Но не лишне будет сказать и о её безумной сексуальности — её фантазии не имели границ, вокруг неё всегда вилась стая лисичек. Джими нашёл в ней прекрасного, умного собеседника, а знания её о том, где, как и что о наркотиках были просто непостижимы:

— Со мной Джими впервые отправился в путешествие по

кислотному раю и ему там понравилось. Мы тогда здорово перевозбудились и повеселились. Ещё он пробовал нюхать кокаин, но у него не было никакого желания попробовать героин, он знал, что это дорога в никуда.

Судьба разыграла с ней жестокую шутку, Девон умерла от передозировки героина во время съёмок фильма о героиновой зависимости.

— Для меня Джими был огненно-красной розой, — вспоминает Девон начало их знакомства. — Хотя он не был тогда так знаменит, чувствовался его флёр — и волосы у него длиннее других чёрных музыкантов, и стиль его игры особенный, и сам Звёздный Потенциал подписался под всеми его музыкальными способностями.

Мы начали играть в более лучших клубах, а затем постоянно в одном из клубов на Манхэттене. Место было так крепко упаковано, что если бы мы начали играть с него, нам бы ничего не осталось желать лучшего. Мы выкладывались полностью, и по глазам людей видели, что они принимают наши души.

Джими всегда оставлял глубокий след в душах людей. Он не был замкнутым эгоистом и всегда находил время поболтать, если, конечно, тема касалась музыки или около того.

Джими полюбил Гринвич—Виллидж, мы часто там бывали, иногда просто гуляли, иногда вели долгие беседы с замечательными людьми, которые, как и мы, приходили туда отдохнуть и поговорить.

Многие из этих замечательных людей находили в Джими прекрасного собеседника. Приведу воспоминания Майлза Дэвиса о том времени, когда он познакомился с Джими.

С Майлзом я увиделся шесть лет спустя, сразу после смерти Джими, и вот, что он мне рассказал:

— Впервые игру Джими я увидел в 1965 году в клубе The Lighthouse. (В этом клубе мы тогда очень часто выступали.) Место это было в двух минутах от моего дома, и я часто заходил туда выпить. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что играет музыкальный гений. Меня поразило то, что он вытворяет на сцене, ведь в то время даже рок-группы вели себя на сцене очень скромно. Это входило в полный контраст с тем, что он играл. Джаз, к примеру, всегда отличается очень сдержанным поведением музыкантов. Вот я, например.

— Но многое у нас было общее, ну хотя бы непредсказуемость, за которую меня часто ругали музыкальные критики и, благодаря которой, возросла моя популярность, что доказывает ещё и ещё, что публике нравятся противоречивые, контрастные и талантливые натуры. Так что невидимая ниточка

связала нас вместе. Бесспорно, он был талантлив.

И этот талант рос день ото дня.

В итоге мы стали постоянно играть в клубе Cheetah (Гепард), который находился тогда на углу Бродвея и 53-й, и был признан всеми самым-самым в Нью-Йорке. Это отразилось на наших заработках, но многие группы стремились занять там место.

Чтобы попасть туда, надо было пройти прослушивание. Владельцами Гепарда были французы, теперь у них самая известная дискотека в Нью-Йорке.

Они были современно настроены, но я не думаю, что они были готовы что-то для нас сделать, после того как прослушали шесть групп подряд.

Я играл на ритм-гитаре и пел, у нас ещё были органист, бас и ударные, мы уже здорово сработались. И когда мы исполнили первую вещь, они понимающе качали головами, на середине второй Джими стал играть зубами, языком, поворачивая гитару за спину и между ног. Я же пританцовывал и ноги мои летали. Они остановили нас на середине и произнесли:

— Мы вас берём на постоянную работу.

Клуб сам по себе был огромен, с лестницами наверх, с лестницами вниз, отдельно музыкальный зал, отдельно кабинеты, с невероятными интерьерами курительные комнаты и туалеты. Диваны, кресла, стены, всё было обито тканью под гепарда. Специальная подсветка создавала ощущение космоса. Собирались люди разных возрастов, приходили потанцевать, и одеты они все были очень экстравагантно. Клуб никогда не пустовал.

Мы с Джими решили, нам необходимо обновить гардероб, в Деревне нашли подходящую ткань и сшили из неё себе рубашки и пиджаки, и если добавить к этому наши белые клёшы, мы выглядели, только что сошедшими с рекламных плакатов.

К этому времени нами было уже написано много новой музыки, мы разработали такой стиль, какого ещё никто никогда не слышал. Джими иногда тоже пел, но в основном пел я, так как Джими предпочитал только играть. Так ему было легче сосредоточиться, к тому же он не считал, что его голос хорош.

Тогда же он начал экспериментировать с лёгкими наркотиками: кальян, кокаин, разные порошки, но ничего сильнодействующего.

Ему всё было интересно, всё обо всём всегда спрашивал, везде находил для себя что-то новое, но ничего не мог удержать, запомнить, казалось, всё проходило мимо его сознания. В итоге он решил, что трава и кокаин ему подходят и на этом остановился.

Мог говорить часами о нумерологии, о других планетах, где

люди при желании могут жить девять жизней. Джими приходил в восторг от теории реинкарнации и часто мне рассказывал, что бывал здесь уже, но в другом теле и в другое время.

Однажды мне приснился сон, всё было так реально, хотя всё, что снилось, происходило в будущем. Мне показали будущее Джими. В розово-лиловых тонах я увидел Джими, прекрасного и безмятежного. Полностью успокоенного. Увидел его дух. Ничего подобного я прежде не видел, и представить не мог. Во сне я увидел, что Джими выполнил свою миссию, и его лицо светилось от счастья.

Как только я проснулся, я тут же отправился к Джими, и рассказал ему свой сон. Он посмотрел на меня как-то по-особенному, долго ничего не говорил, а затем произнёс:

— Куртис, знаешь, хочу тебе сказать, сейчас 1965 год, и меня не станет через пять лет. Все эти годы я буду много путешествовать и умру, как только моё послание любви, мира и свободы распространится между людьми всего мира. Так надо.

Никогда прежде передо мной не выстраивалась цепь событий, рассказанная тихим спокойным голосом и, вдруг, в одно мгновение, в моей голове зазвучали стихи новой песни с такой силой, как будто я знал её всю свою жизнь.

Стоял сентябрь 1965 года — ровно через пять лет почти день в день Джими не станет, песню, которая тогда родилась, я назвал «Баллада о Джими» и слова в ней такие:

эта песня
посвящается памяти
моего лучшего друга
его имя было
Джими
как-то однажды
шли мы по жизненному пути
думая вслух
как бы встретить
любовь
обоим нам
в мечтах
о жизни без презрения
о жизни
полной любви
в тот день, он впервые
взял в руки мою гитару
и я узнал
его путь не близок

не далёк
к его родной звезде
много испытаний
ему успеть пройти
в его
короткий срок
но почему?
за что?
нам грустно
без него
но он
оставил нам
что время не сотрёт
любим он
всеми нами
вот мой рассказ
но конца ему нет
вот Джими ушёл
но с нами он
мы помним его
как сейчас
вот его лисички
с ним на век
хотя все
чувствуем боль
пять лет
он сказал
но он не ушёл
а всего лишь умер

Как только я пропел последнюю строчку, Джими впал в такой восторг, что тут же потребовал, чтобы мы отправились на студию. Он захотел сам играть на всех инструментах. Накладывая разные инструменты, он добился того звучания, которого хотел. В итоге при записи он играл на всех инструментах, кроме ударной установки. Даже пел со мной дуэтом.

В Штатах запись не издана до сих пор. Зато успешно растиражирована в Европе — в Англии, Германии, Голландии и Италии, её издали даже в Австралии. Несколько дней спустя его смерти граммофонная компания Пате Маркони пригласила меня в Париж спеть Балладу о Джими по французскому телевидению в программе, посвящённой моему другу Хендриксу.

В Англии сорокопятка вышла уже после его смерти, и многие

музыкальные критики вместе с поклонниками Хендрикса посчитали, что я написал её в память о нём в коммерческих целях. Не придумать более фантастического заявления, чем это, ведь видно, что поёт и играет сам Джими.

Многое из того, о чём Джими со мной говорил тогда, в 1965, я не понимал. О каком-то послании, и что прибыл он с ним из других миров. О том, сколько мы должны выстрадать прежде, чем наш дух возвысится и обретёт своё место в каком-то другом мире. Однако я видел, что какие-то силы помимо моей воли управляют нашей судьбой. С нами происходило столько невероятных совпадений, что я, в конце концов, уверился, что Джими совершенно необыкновенная личность.

Мы продолжали работать в самых известных клубах Нью-Йорка и однажды мы обнаружили, что находимся снова на прослушивании.

Одним из самых посещаемых мест с конца 1965 и в 1966 был клуб Ondines на Ист-59-й улице.

Его облюбовали английские группы, которые тогда начали приезжать на гастроли в Штаты, и их становилось всё больше и больше. Одну из этих многочисленных групп звали The Animals, это была английская супер-группа, приобретающая популярность и у нас в Америке тоже.

Всё чаще я стал замечать, что люди начали с восхищением обсуждать игру Джими. Честно говоря, было на что посмотреть и что послушать, но ребята из The Animals как-то по-особенному внимательно за ним наблюдали. В эти дни мы работали в Ундинах, и они стали приходить каждый вечер и о чём-то толковать с Джими за столиком в дальнем углу.

Я почувствовал что-то нехорошее, так как каждый раз как мне приходилось проходить мимо их столика, где с ними сидел Джими, он замолкал, или видно было, что только что сменили тему разговора. Это продолжалось всё время пока мы работали в Ундинах.

Отыграв в Ундинах, у нас намечался трёхдневный отдых, после которого мы должны были вернуться в Гепард. Но внезапно Джими исчез. Из отеля, где жил, выехал, никто из его многочисленных подружек его больше не видел. Словно растворился в воздухе.

Только несколько месяцев спустя я случайно прочёл о нём в одной из газет. В новостях писали о феноменальном гитаристе, появившемся в Европе со своей группой.

Джими уговорили отправиться в Европу, обещали славу, деньги и всё остальное. Но он всё ещё числился в составе моей группы и у него был заключён длительный контракт с Эдом

Чалпиным. Но он исчез, не сказав ни слова, ни мне, ни кому-
нибудь, кого я знал.

Глава 4. Лондонский мост

«В Нью-Йорке, когда я стал играть у Джой Ди, ... не поверишь, это такая запредельная группа, а денег хватало — листик мяты пожевать, я и ушёл от них. Стал играть на танцах, хватало уже на сэндвич: два куса хлеба и между ними что-то напоминающее мясо. Приехал в Англию. Два отличных музыканта встретились мне: Ноэл Реддинг из группы The Loving Kind и ударник Мич Мичелл из группы Blue Flames. С ними сформировал Jimi Hendrix Experience. Теперь я могу делать что-то определённое и крепко стою на ногах.» ДЖИМИ ХЕНДРИКС.

Все об этом наслышаны, но это не просто цепь событий.

Джими прибыл в Лондон во второй половине 1966 года, это знают все, менее известно, что огненный вихрь рок-музыки завертел его сначала в Англии, затем в Европе, и уже только после в Америке и на всей оставшейся части планеты. Своими действиями он доказывал справедливость прозвища «The Wild Man of Pop», которым его наградили одновременно и критики и поклонники: буквально каждый, кто столкнулся с этим феноменом XXI века, мог подтвердить его правоту.

Сам Джими, хотя и мог предвидеть нечто такое, не думал о такой перспективе. Ясно одно, он очень нервничал, как его примут здесь. Он совсем не был уверен, что его манера игры, его музыкальные идеи найдут отклик в британских сердцах.

Опасения его понятны, в контексте всего того, что происходило в Америке в то время и в музыке и в обществе. Хаос на музыкальной сцене 1966 года усложнял расизм. Поляризация была следствием многих лет безуспешной борьбы за интеграцию школ. Вот ситуация, в которой оказался Джими — либо дома и принять всё как есть, либо неизвестность будущего на незнакомых берегах.

Однако у Час Чандлера сомнений не было. Чандлер начинал свою карьеру в Ньюкасле бас-гитаристом в группе The Animals и как только он увидел Джими Хендрикса в нью-йоркском клубе Ундины, он понял, чьим менеджером он сможет стать. (Сегодня он менеджер группы Slade и определённо у него есть зёрнышко таланта.) С самого начала Чандлер был убеждён, если Хендрикс начнёт с Британии, при правильном раскладе и в группе с другими музыкантами, нет видимых причин, препятствующих успеху Хендрикса в будущем.

Итак, Чандлер оказался в непривычной для себя роли менеджера, без финансовой поддержки, но вооружённый безграничным талантом Джими Хендрикса и верой, что он

сможет зажечь этот талант — верой, что самое сложное это только начало, а там, впереди, Джими взлетит высоко над землёй.

Будучи ещё в Нью-Йорке, Чандлер позвонил своим друзьям из музыкального бизнеса, что везёт в Лондон Хендрикса, тем самым подготовив почву и заранее пробудив интерес к новому исполнителю.

После самолёта, как только он прошёл паспортный контроль, Джими отвезли на квартиру к одному из друзей Чандлера — Зут Мани, где немедленно устроили долгий джем. Годы спустя Джими, вспоминая этот день с огромным удовольствием, говорил мне, как он благодарен Чандлеру, за идею провести джем-сейшн в первый же день. Всё было так естественно и неформально, прямо с самолёта, такая поддержка в вере в счастливый случай и возможность показать себя с лучшей стороны, а именно, свою гитару!

— Настоящее «добро пожаловать» в Англию, — сказал Джими.

После джема Чандлер и Джими отправились в отель Гайд—Парк—Тауэрс и заселились в нём. Осталось совсем немного — начать собирать всё воедино.

Во-первых, найти пару взрывных парней для будущей группы. Вот как объяснил мне Ноэл Реддинг при встрече в Нью-Йорке в 1967 году, в их первый приезд в Штаты, как он попал в группу:

— Мне было 19. Прихватив свою гитару, я отправился в Лондон в надежде найти там работу. Не помню сколько, но 10 бобов у меня было на кармане. В газете ММ я прочёл объявление, что the Animals ищут гитариста и представил, что ищут они именно меня.

— Прослушивание было в клубе с названием «Телефонная будка», во всяком случае, позже мне приходилось там бывать и играть. Но в это раз я опоздал, место уже было занято. Но там был Джими, он спросил меня, не смог бы я играть на басу и показал несколько аккордов песни, прежде я её никогда не слышал. Песня называлась Neu Joe.

— Помню, был ужасно голоден и Джими купил мне выпить и угостил какой-то конфетой. Не уверен, но думаю, он сунул мне бобов десять. Мы сыграли эту мелодию, я был счастлив потому что, казалось, ему понравилась моя игра, и он сказал, чтобы я пришёл завтра. Вот так я получил работу. Я подумал, что даже хорошо, что мне пришлось играть на басу — я не мог представить ещё одного гитариста, играющим с этим чёрным парнем в группе.

Джими был очень придирчив, особенно в выборе ударника. Он рассказал мне:

— Ни один, из тех, кого пришлось мне прослушать, не играл

так, как мне хотелось. Я хотел услышать такую игру, какую мне подсказывал кто-то внутри меня. Мне нужны были именно те вибрации.

Поговаривали, что Мич Мичелл — один из лучших приглашённых молодых ударников Англии того времени. И он только что покинул группу Джорджи Фейма — The Blue Flames. Вам это может показаться игрой слов, но Судьба именно Джорджи Фейма сделает одним из первых и самых ярких обожателей Опытов Джими Хендрикса.

У Мичелла был потенциал и он смог показать именно то, что искал Хендрикс. Он обладал оттеночным свободной формы стилем, структурированным так, как это себе представлял Джими. У Мичелла было огромное преимущество, у него не только была своя собственная ударная установка дабл-сет, но он в совершенстве на ней играл, и она стала не только украшением группы, но и залогом мощного звучания.

Я попросил Мича рассказать мне, как он попал в группу, когда мы разговорились за кулисами на поп-фестивале Росопо в Филадельфии (проходящем недалеко от частного тренировочного комплекса Мухаммеда Али). Мич сказал, что совсем ничего не помнит.

— Всё что я помню, это то, что я услышал, что какой-то, никому неизвестный чёрный гитарист из Америки устраивает прослушивание. Ну, я и решил поучаствовать.

Но Джими запомнил заметно больше и описал это во всех подробностях.

Рассказывая мне, на его лице отразилось то состояние шока и восхищения, в которое он впал, когда впервые увидел Мичелла:

— Слушай, когда я увидел это художавого молодого щёголя, сидящего за своей двойной ударной установкой, мне показалось, что он даже не сможет дотянуться до тарелок! Но когда он начал играть, я понял, что нашёл, что искал. Он не только обладал той мощью, которую я искал, но у него был необычный стиль, очень подходящий к моему.

— Он играл густо и разными стилями и я подумал, именно это необходимо для трио. Я не собирался вводить четвёртый инструмент, — сказал Джими, — тогда бы пришлось делать аранжировку для той музыки, которая звучала в моей голове. Мне был нужен достаточно дисциплинированный басист, который бы не уходил от той линии, которую я бы предложил. В этом и заключается труд басиста — держать группу вместе, в то время как барабанщик и я играли бы в свободном стиле внутри всей структуры. Так что нужен был бас с простым ритмом, чтобы мы смогли отходить и возвращаться, в музыкальном смысле, а ритм

оставался бы на месте.

Я спросил Джими, оказались ли одной из причин рыжие волосы Ноэла Реддинга. Я знал любовь Джими ко всему цветному и яркому и к разным визуальным эффектам. Но он ответил «нет» и привёл два соображения, почему выбор пал именно на Ноэла:

— Во-первых, его игра была уже готовым материалом, а во-вторых, мне было легко объяснить Ноэлу, что от него требовалось для того, чтобы группа не разваливалась.

Вот так утвердился состав Jimi Hendrix Experience, и при первом же удобном случае их игра стала многообещающей: они проиграли целых четыре часа ни разу не прерываясь. Выбор оказался верным, невероятно верным.

Mitch Mitchell

Born — John Mitchell, Ealing, London, 9 June 1947.

Appearance — 5'8» tall; brown hair; light brown eyes.

Family — parents Phyllis and Jack Mitchell; no brothers or sisters.

Education — Ealing College; Corona Academy.

TV Debut — Jennings at School, 1960.

Other Work Done — Ovaltine advertisement, 1967.

Instruments played — drums; congas; percussion.

Previous groups — The Riot Squad; George Fame's Blue Flames.

Noel Redding

Born — Noel David Redding, 25 December 1945.

Appearance — 5'9» tall; red hair; brown eyes.

Family — parents Anthony and Vicki Redding; no brothers or sisters.

Education — Folkestone Grammar School; Folkestone College of Art.

TV Debut — Ready Steady Go, December 1966.

Instruments Played — bass; guitar; violine; babjo.

Previous groups — The Loving Kind.

При встрече со мной год спустя, вот как описывает Эрик Бёрдон эту первую встречу будущих музыкантов группы Experience:

— Я прослушивал музыкантов для своей новой группы, и Джими всё время был где-то рядом — ему всё было интересно. Пришёл гитарист, он искал работу, поиграл для меня и я произнёс казённую фразу: «Мы свяжемся с вами». Он собрался было уходить, но Хендрикс окликнул его и спросил, смог ли он играть на басу, если есть желание, конечно. Этого парня звали Ноэл Реддинг.

— Тут же они стали играть, играли вдвоём. Здесь я впервые услышал игру Джими. (Надо сказать, что всё это происходило в

подвальном этаже.)

Мне было интересно, какое первое впечатление произвёл Джими на Эрика, и он сказал:

— Первым впечатлением стал жар, исходящий от него. Я хочу сказать, слишком самодостаточен, слишком прост он был, чтобы находиться рядом с ним. Мне было достаточно одного взгляда на него, одного аккорда, чтобы осознать родство наших душ. Все вокруг, знаешь, сразу зажужжали, запищали от восторга, такой силы талант. И вместе с Часом, моим бывшим басистом, а теперь менеджером Джими, наши дороги много раз будут пересекаться, как на этой вечеринке, так и впредь.

— Естественно, Час предложил мне стать партнёрами и вдвоём быть его менеджерами. Но я, ну ты понимаешь, у меня своя музыка. Я был занят, работал как раз в это время над новым альбомом. Да и Джими, он же просто дьявол, а заботиться о таком как он... Знаешь, нужно быть готовым к тому, чтобы сидеть с ним 24 часа в сутки, и это не мой поезд.

— Я ходил взад-вперёд, наблюдая за его работой, в итоге, мы сделали совместную запись в тот вечер, так и проиграли всю ночь после закрытия Speakeasy, когда все уже разошлись.

Ещё я спросил Эрика, с первого ли раза было видно, что Джими станет такой большой звездой, какой он стал в будущем.

— О, да, — сказал Эрик. — Я был полностью согласен с теми цыпочками, которые его слышали до этого. Я впервые слышал такую музыку. Моя подруга, да и цыпочки вокруг сошлись во мнении, что он намного опередил время. Все высказывались, как умели. Цыпочки просто — типа «Вау, этот парень — да таких нет на свете». А моя подруга, многозначительно: «Из всей этой музыки, пришедшей с эрой рок-изобилия, у Хендрикса не музыка, а заклинание духов, такое бы мне хотелось слушать ещё и ещё». Так она сказала мне и я подумал, а ведь она права. Он действительно проник, понимаешь, о чём я?

И Эрик продолжил:

— Итак, как я уже сказал, я свалил с самого начала и не стал особенно вникать в его дела, слишком это для меня было бы хлопотно. Позже, когда Чандлер принёс мне только что сведённые плёнки его первого альбома и когда мы их все прослушали, слушай, я, ну, э... я утёрся потом.

Час Чандлер, конечно, «утёрся потом» ещё раньше, в первую же репетицию новой группы. Уже тогда он понял, что победа в кармане.

После всего трёх репетиционных дней, с ограниченным репертуаром, Experience вынужден был дать своё первое выступление: из ниоткуда, и сразу в парижской Олимпии. Как-то

вечером Джими играл с Брайеном Огером в лондонском клубе «У Блейзи» и его услышал, такой же, как и Клифф Ричард, завсегдатай Франции — Джонни Холлидей. Как и всех кругом, кто в то время хоть раз видел Хендрикса, Холлидея поразил этот парень и он сказал, что на днях хочет устроить им выступление в Олимпии.

— Нам предстояло взять с собой наше оборудование, — объяснил Джими. — Но мы не могли позволить себе нанять роуди. Нас никто не знал, мы разучили мало песен. Мне ничего не оставалось, как затягивать соло. Но к счастью, всегда возвращался в оставленное место в песне. Для меня стало неожиданностью, что всё кончилось так хорошо, мы же совсем не репетировали.

После парижского дебюта Опыты вернулись в Англию, продолжить репетиции и подобрать больший репертуар. Одновременно шли поиски мест для новых выступлений и возможных записей, чтобы группу отправить в большое плавание.

Но дело продвигалось очень медленно, несмотря на фанатичную веру Час Чандлера в то, что он делает. Как позже вспоминает Хендрикс:

— У курицы больше зубов, чем мы дали тогда концертов, а деньги Часа таяли быстрее, чем хотелось. Он уже продал почти все свои гитары, чтобы мы успели что-то сделать.

Проблема денег и связей встала перед Чандлером очень остро, и чтобы её решить, он пожертвовал своей «долей участия» в Хендриксе. Он привлёк к своему проекту деньги и связи Майка Джеффриса, выделив ему львиную долю менеджмента.

Это оказалось очень кстати, так как было необходимо срочно записать и выпустить пластинку. И опять всё было сделано руками Чандлера, Джими мне говорил, что Майка Джеффриса не было в это время рядом. Возможно, это и было началом, но определённо наступившим сразу, разногласия между Джеффрисом и Чандлером. В будущем выросшего до таких размеров, что Чандлер вынужден был продать свои 50% Джеффрису и удалиться.

Возвращаясь в первые дни Опытов, именно Чандлер вместе с Хендриксом работали вместе, между ними установилось взаимопонимание, которое со временем переросло в дружбу, очень пригодившуюся в будущем.

Примером такого взаимопонимания стал выбор Hey Joe в качестве первой записи группы Jimi Hendrix Experience. Чандлер ещё в Америке снял копию с записи, сделанной Tim Hardin, хотя первоначально она была записана вокальной группой The Leaves. Он привёз её с собой домой, с намерением записать её в Англии.

Ничего не зная об этом, у Джими уже была подготовлена своя версия этой песни с аранжировкой, сильно отличающейся от оригинала, и он также собирался выбрать её для своей первой пластинки.

— Я подумал и решил, что нужно записать одну песню, она называется *Neu Joe*, — сказали они друг другу.

Вот так они пришли к обоюдному согласию.

Чандлер решил, что пришло время снять студию для Джими, Мича и Ноэла и спродюсировать запись самому. Он был уверен, что у них получится, и ещё он был уверен, что с лёгкостью продаст запись одной из ведущих граммофонных компаний.

На счёт первого он был, безусловно, прав, но ошибся во втором. Запись прошла успешно, презентация без проблем. Оба, и Чандлер, и Джими были в высшей степени удовлетворены. Но их взаимное убеждение, что они сделали отличную, потенциально коммерческую запись, не разделила первая же из ведущих компаний, которой Чандлер предложил плёнку.

Компания *Decca Records*, отвергшая в своё время Битлов, также отвернулась и от Хендрикса.

— Они сказали, — рассказал мне Джими, с наигранной серьёзностью вспоминая прошлое, — они сказали, что она недостаточно коммерческая. Ещё они сказали, что я недостаточно коммерческий.

Всех лучших сначала отвергали. Джордж Мартин увидел потенциал в Битлах, а Декка им показала на дверь; Джон Хаммонд разглядел что-то особенное в 20-летнем парнишке по имени Боб Дилан после того, как Авангард отклонил предложение заключить с ним контракт; подобно этому, когда Декка отвернулась от Джими Хендрикса, Кит Ламберт взял его к себе.

Это произошло именно в тот день, когда Джими впервые встретился с Питом Таунзендом из *The Who*. Вот как Таунзенд рассказал мне о своей с ним первой встрече:

— Наш менеджер, Кит Ламберт, сказал однажды, что собирается привести на нашу студию одного парня и уверен, что мне его игра понравится, так как считает, что между нами много общего. Так вот, мы писались на Ай—Би—Эм и терзали какой-то инструментальный номер, а Джими слонялся там и выглядел так необычно, настолько необычно, что Кит Мун, находящийся в отвратительном настроении, произнёс: «Кто сюда привёл эту обезьяну?» Я хочу сказать, что он выглядел действительно несколько диковато, да и одет был очень неряшливо. Во всяком случае, когда мы прощались, то было что-то вроде тепловатого рукопожатия и больше я некоторое время его не видел. Я ничего про него не знал и не слышал его игры, до тех пор, пока не попал

на одно из его выступлений.

Неряшливо ли он был одет или нет, но Кит Ламберт разглядел в нём нечто такое, что Хендрикса напечатали на Полидоре, а потом и на собственной дочерней Трэк—Рекордс.

Удивительно ещё одно совпадение, именно Полидор и именно в это же время оказался в центре переговоров с Эдом Чалпиным, моим менеджером и всё ещё обладателем действующего контракта с Джими, по поводу издания первой песни, записанной нами, Джими и мною, в октябре 1965 года: *How would you feel?*

(Меня часто спрашивают, как я себя чувствовал — как я чувствовал из-за Джими Хендрикса. Ведь я помог ему тогда финансово и был не только ему другом. По контракту Джими оставался моим лидер-гитаристом и он получил, с моей помощью, контракт на запись в Нью-Йорке. Ну, и как, по вашему, я себя должен чувствовать, после того, как он исчез, не сказав ни слова, забыв о своём американском контракте и обещаниях?)

Могу ответить только, что я никогда не смотрел на это с такой точки зрения. Я никогда не считал, что это я «открыл» Джими Хендрикса, и знаю, что успеха он добился без моей помощи. Я никогда ни в малейшей степени не собирался ни ограничивать, ни обязывать его какими-либо обещаниями. Я понимал, что хотя он и был просто моим другом, его судьба была быть для многих идиолом и закон был внутри него самого.

Как бы там ни было, мы с Джими позже снова объединили свои усилия и это произошло по его желанию. Возвратившись в Штаты, после победы над Британией и приобретя звёздный статус, он позвонил мне и спросил, не хочу ли я снова записываться с ним вместе. Вот так, оказались мы снова в студии, снова писали, смеялись, болтали и обменивались хорошими новостями. Вот так, Джими рассказал мне многое из того, что я не знал наверняка, потому что меня не было рядом в тот период его жизни. Многое, очень многое мне пришлось сопоставить с тем, что я слышал, что про него говорили. И всё укладывалось ясно в моей голове для того, чтобы в будущем донести это с помощью этой книги до вас, его обожателей.)

Поэтому совершенно очевидно, почему Полидор, напечатав *Hey Joe*, тихо забыл о *How would you feel?*, даже несмотря на то, что при записи *How would you feel?* на всех инструментах играл Хендрикс, за исключением барабанов. Барабанщиком был Bernard 'Pretty' Purdie, который в настоящее время во всём мире известен как сессионный музыкант с экстраординарным стилем, одновременно являясь музыкальным руководителем Ареты Франклин.

После того как все дела с записью были улажены, Чандлер увидел, что разрозненные кусочки начинают складываться в реальную картину — Джими и его Опыты делают максимум в кратчайшие сроки. Хорошо ориентируясь на британской сцене, Чандлер был уверен, что Хендрикс сокрушит установленный порядок на звёздном небосклоне, неизбежно влияющий на сердца окружающих, и станет самостоятельной звездой, уже не теряя столько времени.

Так и произошло. Как сказал мне Пит Таунсенд, «Джими изящно завоевал Лондон», и все часто посещаемые лондонские клубы, специализирующиеся в этом направлении, стали отчислять дивиденды беспрецедентным шквалом газетных статей, начиная с декабря 1966 года.

«А теперь слушайте, — написал один из журналистов, посетив выступление Хендрикса в клубе Bag O'Neils, выступление, в которое Чандлер вложил все свои последние деньги. — И слушайте внимательно. Вы — один из тех, кто думает, что уже ничего нового не может произойти на музыкальной поп-сцене? Ладно, но теперь мы хотим, чтобы вы обратили своё внимание на нового исполнителя, новую загорающуюся звезду, и мы предсказываем в скором будущем торнадо в деловых музыкальных кругах».

Статья озаглавлена «Мистер Феномен» и была напичкана хвалебными длиннотами типа:

«Имя ему — Джими Хендрикс, род занятий — гитарист, певец, композитор, шоумен, дервиш, подлинный... и т. д., и т. п.»

«Джими летал по сцене, кружась как какой-то демон, вращая своей гитарой любыми мыслимыми и немыслимыми способами. Этот 20-летний Джеймс Браун (соул-брат номер один) ошеломил всех. Наши глаза он приковал к своей технике игры на гитаре: перебирая струны зубами, играя локтем, мечась по всей сцене — а наши уши ласкал отбойным молотком своей виртуозной игры. Он обладатель поразительной техникой игры.»

Ясно, что и на музыкантов он произвёл большое впечатление. Пит Таунсенд и Эрик Клаптон, два великана гитары, по возможности не пропустили ни одного выступления Хендрикса. Они следовали за ним как тени, так впечатлены они были им и обеспокоены реальным претендентом на их короны. Пит Таунсенд рассказал мне:

— Впервые увидел его в клубе «У Блейзи». В дверях, я столкнулся с выходящим оттуда Джеффом Бэком. Джефф остановил меня, и говорит: «Он лупит по усилителям гитарой так же как ты, скажи ему, что это твой приём.» Я вошёл внутрь и стал слушать, да, многое он делал так же, как и я, например, крушил

гитарой всё вокруг и пользовал мощный фидбэк. Но играл он так, с лёгкостью меняя стили, что я даже мысленно не мог за ним уследить. Знаешь, для меня он стал воплощением мечты. Знаешь, впервые мы с Эриком стали ходить всюду вместе, мы же с ним как разные стороны одной монеты, Эрик с одной стороны, я с другой, а тут мы вместе, ходим, смотрим на Джими, в котором в одном уместились наши такие разные стили игры.

— Он лепил как скульптор. Не знаю, получу ли я ещё такое удовольствие, присутствуя на чьём-либо концерте, какое получал я, наблюдая за игрой Джими. Я чувствовал освобождение, просто смотря на него. У меня такое было только с Чарли Паркером. Мне понравилась его музыка. Я ощущал, как свобода проникала в меня, всего лишь слушая его, ведь он сам был в свободном полёте и увлекал слушателей за собой ввысь.

— Джими сыграл в каждом из лондонских клубов, не пропустив ни один за эти десять дней. Мы с Эриком были на всех его выступлениях, кроме двух — мы просто не смогли протиснуться внутрь. Через неделю его знал весь Лондон. Он совершил своего рода блиц-бросок.

— Конечно, для всех это было очень и очень, и очень неожиданно. Знаешь, все знают, сколько невероятно талантливых чёрных групп в Штатах. Да взять хотя бы, этого парня с заднего двора, Литл—Ричарда, а сколько там ещё таких, о которых никто никогда не узнает. Знаешь, ждёшь какого-то чуда, но одновременно понимаешь, что они так и останутся на заднем дворе. Но сейчас, с приездом Джими, прорвана система подавления, либо просто пришло время треснуть этим предубеждениям, а может быть это и не предубеждения, а обстоятельства так надавили на него, что он в одночасье взорвал всё к чертям. Это как если бы на тебе сфокусировались всё твоё честолюбие, вся твоя энергия и, знаешь, все обстоятельства. И это всё в какие-то чёртовы десять дней. Я разве тебе не сказал, за день он успевал сыграть в трёх клубах.

— Думаю, то, что он чёрный, только помогло его «штурму». Нельзя вечно сдерживать энергию взрыва. Всех ошарашило, то есть, я хочу сказать до них, наконец, дошло. Со мной по-другому. В какой-то момент я готов был сдаться и сказать: «Это конец, ничего лучше него и быть не может», в другой раз у меня возникало чувство, что он ничего нового же не делает, это же всё мои приёмы. Но, в конечном счёте, всё-таки, думаю, это один из самых общепризнанных музыкантов, причём признанных самими музыкантами, и думаю потому, что он использовал всё, что только возможно.

Рок-газеты были вдоль и поперёк испещрены статьями о нём.

Сплошь одни хвалебные отзывы, бессвязные, кричащие о его виртуозности и визуальном восприятии его игры. Отзывы, создающие на ходу имидж артиста, нового, из ряда выходящего исполнителя:

«Этот человек, для описания которого подобрали слово «дикарь», сразил нас наповал, — писал один из обозревателей. — Хендрикс, человек-гитара, подобный взрыву на сцене, который заставил тех, кто думает, что поп-музыка умирает, застыть с разинутыми ртами. Арестуйте немедленно этого вооружённого гитарой человека — он опасен!»

Всё это показывает, что каждый открыл для себя, насколько хорош Хендрикс. Вот, например, выдержки из одного из первых отзывов, на появление его в Bromley, графство Кент, озаглавленного 'Sex and Gimmicks and Jimi':

«Две электрогитары продолжали издавать жалобные звуки, уже после того как, Джими покинул сцену в отеле «Королевский двор в Бромли». Принимая во внимание количество повреждений инструментов, пострадавших в предыдущие сорок пять минут, я не удивился бы если бы они встали и сказали бы речь в свою защиту.»

«Слухи добрались до Кента задолго до Хендрикса, и большая часть публики пришла посмотреть, о каких таких трюках все говорят. Один из обозревателей сказал: «Многое из того что он делает мы уже видели у ранних The Who, когда Пит Таунсенд был наиболее яростен. Не будем на это обращать внимание, а посмотрим, чем это всё кончится...»

В ранних интервью Джими чувствовалось, что он хотел бы сдержатъ этот снежный ком, катящийся перед ним. Скажем так, вокруг него была какая-то тайна, чувствовалась в нём какая-то уверенность, и, естественно, он обрастал слухами.

«В Лондоне я всего три месяца, — объяснял Хендрикс журналистам, — но Англия мне очень понравилась». И ещё: «Нам не хотелось бы попадать под какую-нибудь классификацию. Но если так уж необходим этот ярлык, я бы предпочёл назвать этот раздел так: «Свобода ощущений» — этакая смесь Rock Freak Out, Blues и Rave music.»

— Больно ли играть зубами на гитаре?

— О, нет, нисколько, — отвечал Джими, — теперь нет необходимости чистить зубы три раза в день.

— Правда ли, что вы больше полагаетесь на сексуальный акцент своих выступлений?

— О, нет, нисколько, — отвечал Джими снова и снова. — Но, думаю, что-то сексуальное в этом всё же есть, но от этого никому не больно. Я делаю только то, что чувствую в данный момент.

— А ваши приёмчики?

— О, конечно. Специально ничего не выдумываем: мы просто не мешаем им проявляться.

Продолжая, он вспомнил, что обычно говорил английским журналистам:

— Я говорил им: «Хорошо помню, когда у меня появилась моя первая гитара, я целый месяц хотел присоединиться к какой-нибудь группе.» И снова: «Хорошо помню, когда демобилизовался, играл по всему Югу и Западному Побережью. Затем Вашингтон. У нас в Штатах парни играли это 10 лет назад, сейчас так играют ваши группы, и вы называете это психоделией!»

Одновременно Час Чандлер также давал интервью музыкальной прессе, но на правах его менеджера говорил более рекламно.

«Мы все заинтересованы в полноценном концерте, — объяснял Чандлер, — и теперь мы надеемся выйти на большую сцену с соответствующей программой. Посетите семь из семи его концертов и ни один не будет похож на другой. С ним вы забудете, что такое скучать... Поверьте, Джими — это нечто новое и очень позитивное. Мы полагаем, он будет иметь сенсационный успех... У него уникальное сценическое мастерство и он в совершенстве владеет инструментом.»

Конечно же, Чандлер безусловно был прав. А Хендрикс, по большому счёту, ошибался: ошибался, говоря, что британская сцена отстаёт на 10 лет. И напротив, Чандлер, привезя Хендрикса в Англию, был уверен, что Джими с его манерой игры и техникой был бы понят и принят именно в Англии, но не у себя дома.

Определённо, его уверенность подтвердилась. К тому же он оказался азартным. Тем более что игроки были достойными — звёзды тех лет. Дело пошло, но не так быстро как хотелось бы Чандлеру и Хендриксу. Даже несмотря на то, что Новые Animals взяли их группой поддержки на гастроли и Опыты стал зарабатывать по 25 фунтов за вечер. Что особенно важно в этом соединении, это внимание звёзд (не меньше, чем внимание прессы) — ну и, конечно же, продвижение записи *Hey Joe*.

Издание осуществил Полидор. Сорокопятка вышла в декабре 1966 года и уже 14 января взлетела на 24 место британского горячего списка, вопреки редкому, ничтожно малому появлению в эфире. А в это время Джими продолжал своё победное шествие по лондонским клубам. Выступления в клубе *Bag O'Neils* стали началом, приносящим ощутимый доход, вот что писали газеты в январе 1967 года:

«На прошедшей неделе Джими взбудоражил все лондонские клубные подмостки и своими представлениями опрокинул

громкие поп-имена, наступая им на пятки. Завсегдатаями клуба Bag O'Neils, превратив его в самый посещаемый клуб города, стали все звёзды небосклона. Перечислим некоторых из них: битлы Пол и Ринго во главе с Брайеном Эпштайном, роллинг Билл Вайман, холлисы Алан Кларк и Бобби Эллиот, Пит Таунсенд из тех-кто с Джоном Энтвистлом, Эрик Клаптон, Лулу, the Small Faces в полном составе, Донован, энимал Эрик Бёрдон, Джорджи Фейм, Джино Вашингтон, Тони Холл и экс-Moody Blues Денни Лейн... etc.»

«То, что делал Джими, вывело его на самую вершину небосклона 1967 года.»

А как же иначе.

Январь встретил Хей Джо, взбирающуюся на вершину списка и привлекающую всё большее и большее количество «нужных» людей.

«Вне сцены, — пишет одна из газет от 28 января, — это нервный, стеснительный и очень милый человек; но на сцене, Джими Хендрикс — самая из дичайших вещей на лондонских клубных подмостках. Самое главное, что о Хендриксе можно сказать это то, что он не старается понравиться и не только своей неразбавленной бит-музыкой. Нет такой силы, которая бы его остановила, чтобы не поставить мир поп-музыки на уши. Восприимчивый ко всему мистер Джаггер бросает все дела, чтобы только послушать его великолепный гитарный гротеск, мистер МакКартни приглашает Джими на небольшой званый ужин в кругу друзей с Джоном Майаллом и Марианной Фейтфулл. Скажем коротко, Опыты Джимми Хендрикса — событие на лондонской клубной сцене.» (На самом деле организовала эту вечеринку Марианна Фейтфулл.)

По мере того как Хей Джо взбиралась на вершину списка, начинал расти интерес публики к тому, что это за явление — Хендрикс. Откуда он «вообще взялся». И, как всегда, газеты были готовы ответить на любой вопрос своих читателей. И Джими без кривляний заполнил анкету, ещё больше увеличив интерес к своей персоне.

Вот что напечатал Disc в 1967 году:

Предпочтения Джими:

Дом. Квартиру я делю с Час Чандлером. Это квартира Ринго. Ему пришлось только вынести ударную установку. Там есть стерео, очень кучерявая ванная комната и ещё множество зеркал.

Любимая еда. Спагетти, пирог с земляникой и взбитыми сливками, банановую шарлотку. Мне нравится обыкновенная вегетарианская еда: всякая зелень и рис.

Любимые напитки. Я по-прежнему предпочитаю молоко.

Скотч с кокой, ром с кокой и отечественное американское пиво.

Домашние животные. Мне нравятся животные, особенно олени и лошади. В детстве у меня всегда были собаки и кошки — каждый вечер я приносил домой с улицы кого-нибудь, пока однажды па не разрешил мне оставить щенка. С виду он был ужасен! Настоящий Принц Хендрикс, но звали мы его просто «Собакой»!

Автомобили. С вашим левосторонним движением я бы и ста метров не проехал. Дома у меня была машина, но её разбила одна моя подружка, она въехала прямо в гамбургерную стойку. С тех пор я предпочитаю кататься со своей музыкой, чем с девчонками.

Планы на будущее. Хочу узнать, как добиться некоего особенного звучания. Я бы хотел, чтобы моя музыка была узнаваема также как, например, музыка Чак Берри.

Пластинки. Очень нравятся мотауновские пластинки, но всё же блюз меня затягивает больше, но слушать его я могу только в одиночестве. Мне нравится Элмор Джонс, Роберт Джонсон, его мне не с кем даже сравнить, ещё нравится ранний Muddy Waters. Их музыка несёт некое послание, и делают они это очень доходчиво.

Страхи. Засядешь здесь — завязнешь, и вечность пройдёт мимо тебя, надеюсь, мои выступления будут продолжаться. Я бы хотел, чтобы они перетекали одно в другое. Пишу я обычно в три-четыре утра и меня угнетает ожидание услышать, как они звучат. Часто мне не хватает терпения, дождаться остальных музыкантов. Это своего рода зависимость, но зависимость от музыки. Музыка для меня, особенно на сцене, это как для других наркотики, и это — чистая правда.

Женитьба. Я почти что женился, но в тот день мы разбили машину. Занимаясь музыкой, нет времени ни на что другое. Можно сказать, я женат на моей музыке. Однажды одна совершенно обезумевшая кошка хотела выйти за меня. Она умудрилась засунуть локон своих волос в мой ботинок, так после мне даже пришлось обратиться к врачу. Вам даже не представить, как они иногда поступают, и я не могу описать насколько это страшно, когда такое происходит.

Хобби. В школьные годы мне нравилось рисовать. Меня всё время поправляли, говорили, что на рисунке должно быть, по крайней мере, три сюжета. Но мне всегда нравилась абстрактная живопись, вроде «Заката на Марсе», не верите?

Политика. О ней я знаю только по газетам. И мне всё равно, успею ли я заработать денег, прежде чем они сбросят бомбу!

Курение. Если бы я не курил, то растолстел бы как свинья. Мои нервы ни к чёрту. Предпочитаю обычные сигареты, но иногда

курю с ментолом — выкуривая обычно полторы пачки в день.

Религия. В мире так много религий, это какой-то феномен. Конечно, я посещал Воскресную школу, но единственное во что я теперь верю, это музыка.

Одежда. Мне не нравится одеваться как все и одну и ту же вещь не ношу долго. И никогда больше не надену галстук. С меня довольно блестящих пиджаков и лакированных туфель, какие мне приходилось надевать, когда я играл в ритм-и-блюзовой группе. Такая одежда уничтожает индивидуальность, ты становишься одним из всех.

Нравится. Гроза. Особенно когда она в поле, мне нравится наблюдать за молниями. Ещё мне нравится сажать цветы.

Научная фантастика. Только это я и читаю. И ещё я читаю всё про Боб Дилана, что могу найти.

Не нравится. Пустые люди и пустая болтовня.

Любимые цвета. Чёрный и голубой.

Все ведущие музыкальные критики тех лет сходились во мнении, что до появления Хендрикса в Англии, ничего подобного не было ни в Европе, ни тем более в Америке. И это, то самое, нечто особенное, что может дать новые силы, показать новые пути от общего замешательства в бесконечные дали. И что капитаном этого космического корабля может стать только Джими Хендрикс.

Он наиболее сценический, чувственный и зажигательный исполнитель из всех со времён Эдвиса—Пелвиса, способный изменить ситуацию, создавшуюся в поп-музыке. Он владел пятым измерением в полном объёме. Опыты быстро приобрели признание, за свою всёсокрушаемую мощь, которую обеспечивал необычный замысел космической музыки Джими с её импульсивностью и спецэффектами. Итак, Хендрикс, превратив себя в Хендрикса, завоевал также уважение и Пита Таунзенда, признанного мастера фидбэка.

Все эти составляющие приобретения популярности и успеха, плюс сорокопятка Неу Джо, ставшая боевиком, вынесли группу на концертную деятельность по всей Британии. Имя группы появилось на второй или третьей строчке афиш и началось возведение их культового значения.

Дебют Опытов Джими Хендрикса состоялся в феврале, уже не на клубных подмостках, а в театре Севиль одним воскресным вечером. Афишу возглавляли The Who. Имя Хендрикса было набрано крупным шрифтом с громким эпитетом — «новооткрытая звезда».

«От игры Джими слетела крыша» — таков был заголовок хвалебной статьи в одной из газет:

«По слухам, The Who собирались разрушить до основания театр Севиль, возглавив концерт, состоявшийся в прошедшее воскресенье. К счастью, это им не удалось, было бы ужасно потерять такое прекрасное место. Но, несмотря на это, крыша всё же, была близка к тому, чтобы слететь на землю. Виной тому стал сногшибательный Джими Хендрикс...»

«Джими — несомненный музыкальный феномен нашего времени. Всего несколько выступлений, сообщение в теленовостях, необычная сорокопятка и разговоры, разговоры, но его популярность ракетой прорвала на редкость ровный небосклон поп-музыки.»

«Это музыкант до мозга костей, гений гитары, играющий с невероятным чувством и жаром. Даже если у него никогда больше не будет ни одной пластинки, его сценическое мастерство, его дикие электронные упражнения на сцене вынесут его из страны забвения в вечность.»

«Несмотря на неисправности усилителя и микрофона в самом начале, это стал его вечер, всё, от Rock me Baby до сражающей наповал Like a Rolling Stone, от Hey Joe до его интерпретации Wild Thing...»

«Даже невероятные Who, подлинные лидеры звука, показались лилипутами рядом с этим великаном с взъерошенными волосами.»

Конечно же, я попросил Таунзенда поделиться со мной своими впечатлениями. Вот что он мне сказал:

— В Севиле я чувствовал себя превосходно, всё шло хорошо, но одно меня сильно беспокоило. И я сказал об этом нашему менеджеру, Киту Ламберту: «Кто угодно, но только не мы должны играть вместе с исполнителем такого класса. Нам нужна была группа поддержки. Нам вовсе не нужно, чтобы меня сравнивали с ним — а нас сравнили!»

В это время, как рассказывал мне позже Джими, распутывать все узлы запутанного менеджмента пришлось одному Час Чандлеру: Майка Джеффриса даже поблизости не было.

Чандлер очень бережно относился к Хендриксу. После громкого успеха в Севиле, он посчитал целесообразным для Опытов выступить перед разной аудиторией, перед тем, как отправить их в первые гастроли по Британии. Решением стали пятидневные гастроли по Бельгии, которые оказались не менее успешными.

Чандлеру предстоял выбор из четырёх разных туров по Британии. Один из них, в который он вписал Хендрикса, был проект, опять-таки, с The Who. Отклонив предложения Дика Каца, а затем агентства Гарольда Дэвисона, он выбрал для Джими

гастроли, в которых участвовали ведущие секс-идолы Британии — the Walker Brothers. Вместе с ними были заявлены Кэт Стивенс и Энгельберт Хампердинк.

Чандлер считал их наиболее выгодными, поскольку ходили упорные слухи о распаде группы the Walker Brothers и на все дни билеты были уже раскуплены, поэтому шанс для Джими украсть свет рампы у более успешных и более театральных The Who был велик.

Это первые серьёзные гастроли Джими и его группы. Шутка Судьбы заключалась в том, что больше в его жизни не будет таких «серьёзных» гастролей, в которых участвовали бы звёзды на все вкусы поп-аудитории. И совершенно понятно, почему Чандлер выбрал именно такие гастроли.

— Я с трудом их дождался, — сказал Джими и сравнил своё участие в гастролях с братьями Walker с «чаепитием хиппи у папы римского».

Джими старался шутить, чтобы заглушить в себе сомнения и опасения.

— На самом деле, я очень волновался, — признался Джими, — что за люди придут на наши выступления. Посмотрев братьев Walker, останутся ли они, чтобы послушать нас. На что я очень надеялся.

Ну, будут они уходить, Джими представлял себе, он всё равно будет продолжать играть. Да, многим может не понравится его музыка, но определённо она будет нравиться ему.

— Если они во время моего выступления будут визжать, требуя вернуть им братьев, я не стану на них обращать никакого внимания и буду играть для себя.

Не в первый раз Джими пришлось участвовать в так «упакованных» гастролях. В Штатах он уже играл в связке с большими именами. И не раз организаторы гастролей соединяли вместе несочетаемые и несопоставимые выступления.

— Ну, чем не совместные гастроли The Beach Boys и Джеймса Брауна! — вспоминал Джими.

Чандлер, напротив, был уверен, что вся эта смесь исполнительских направлений на гастролях с Волкерами только ускорит бросок. «Находясь за кулисами, в то время как на сцене выступают другие, заговаривайте со всеми, спорьте, старайтесь, чтобы вас запомнили», — инструктировал он ребят накануне — и был совершенно прав.

25-дневный тур завершился 31 марта в Finsbury Park Astoria, но как только Хендрикс со своей группой вышли на сцену, они были ошарашены неполадками в аппаратуре и проблемой с микрофоном. Всё это можно было сравнить с взрывом бомбы

прямо на глазах переполненной аудитории, не имея они такого отработанного сценария. Перед лицом этих проблем ему действительно пришлось «играть для себя», невзирая на гибельное положение.

«Невзирая», это громко сказано. Известно, что хотя Джими и не нравились отработанные сценарии, и он предпочитал поступать на сцене по своему настроению, но в то время он был очень сильно ограничен менеджментом: необходимо было создать сенсацию и превзойти всё, что было сделано на сцене до него.

Таким образом, выгравировалась знаменитая схема сжигания гитары дьяволом, в соответствии с планом завладеть сердцами девчонок, пришедших повизжать на концерте братьев Волкер.

— Они полагали, группе пойдёт на пользу, — говорил мне Джими много позднее, когда я попросил его рассказать подробности первых гастролей, — знаешь, они считали, возрастет наша популярность, если я буду делать что-то особенное на сцене. Но к этому времени всё особенное уже было проделано другими. Чаще всего снимали штаны, поворачиваясь к публике задом и показывая свои улыбающиеся отвислые уши толпе. Мне этого никогда не понять. Ещё я слышал, что некоторые, вытаскивая его из штанов, бегали по сцене, размахивая им перед переполненным залом. Но я бы не стал никогда так делать.

И Джими продолжил:

— Как бы там ни было, идея чего-то особенного, заранее спланированного, мне не нравилась, даже если ситуация была подходящей, как с песней 'Fire'. Потому что, что бы я ни делал, я хотел, чтобы это было чистым экспромтом.

Тем не менее, к тому времени, когда наступал нужный момент, Джими уже был готов уничтожить свою гитару тем или иным способом.

— В тот вечер нас встретили довольно холодно и я понял, что что-то должно произойти, даже гитара перестала меня слушаться, я ей говорил одно, она делала другое. Я готов был убить её. Но когда они направили на неё прожектор, я уже готов был разорвать её голыми руками.

— Сначала я никак не мог зажечь спичку, но когда она, наконец, зажглась, вспыхнуло такое пламя, будто на сцену упал небольшой метеорит. Толпа просто сошла с ума — им это понравилось. Но директор театра и другие служащие взбесились. И я подумал, или меня арестуют, или запрячут в весёлый дом — я чуть не поджёг себя и одного из роуди, к всеобщему сожалению. Ещё я подумал, что мне, наконец, удалось пробудить в них некое внутреннее космическое сознание, благодаря этой дурацкой гитаре.

С описания этого случая начинались все статьи в музыкальной прессе, а фотографии Опытов попали на цветные обложки и первые страницы, обеспечив расцвет популярности Джими.

За эти гастроли это был не единственный случай. Многие директора театров были озабочены поведением Джими не сцене и старались не спровоцировать сожжение гитары в своём театре.

8 апреля Морис Кинг, импресарио этих гастролей, объявил журналистам, что театры, принадлежащие студии Rank, предупредили Хендрикса, что если он не «очистит» своё выступление, они закроют перед ним свои двери на всём протяжении гастролей. Кинг также сказал, что лично беседовал с Хендриком, и тот ему обещал изменить сценарий выступлений.

Плохо ли это, или хорошо, но в этом случае, новый чёрный антигерой уступил требованиям Мориса Кинга «очистить» свои выступления, и комментарий Хендрикса прозвучал, как запоздавшее на 10 лет эхо слов Элвиса Пресли, тоже испытывшего на себе претензии к поведению на сцене. Слова были такие: «Ничего не понимаю, всё, что я хочу, это петь и играть на своей гитаре.»

В другой раз, на вопрос журналистов, зачем он иногда играет зубами, он ответил более пространно: «Однажды, мне в голову пришла идея, было это, когда мы гастролировали по Теннесси. А что если играть зубами или во время выступления кто-нибудь выстрелил бы в тебя из пистолета. Было бы здорово оставить на сцене след из обломков зубов.»

В любом случае, гастроли к этому времени были в начале своей второй половины, а Хендрикса все уже называли звездой и он стал основной темой в поп-новостях. В середине апреля французские телевизионщики прибыли в Одеон, чтобы сделать репортаж о выступлении Опытов. Этот репортаж послужил не только рекламой, но также отразил театральность музыки Хендрикса, с которой он ворвался на французскую рок-сцену. Хендрик открыл эру музыкальной психоделии, почву для которой подготовили галлюциногенные наркотики, и только не хватало его космической флуоресцентной музыки.

Позже, Жиль Петар из французского Record World напишет, что «Джими Хендрикс принёс нам эру музыки и любви и теперь во Франции любовь не умрёт никогда.»

Гастроли были спланированы ужасно, но постоянные, начиная с Одеона, телерепортажи с каждого концерта показывают, что Джими не терял форму.

— Для меня они стали санаторием, не сравнить с чахоточной жизнью в постоянно прокуренных клубах. И, — добавил он, — я

ненавижу проигрывать. Нельзя винить меня за эгоистическое стремление донести до слушателя мою музыку настолько быстро, насколько это только возможно.

Несмотря ни на какие трудности, это был успех и общественное признание. Вспомнить хотя бы 15 апреля в Честерфилде, когда после выступления ему пришлось наложить четыре шва на ногу после поломки фуза во время концерта. Ведь ему же ещё нужно было дойти в этот вечер до другого концертного зала. (Вот ещё одна особенность этих гастролей: каждый вечер по два концерта.)

Одно сильно нервировало Джими — ему всё время приходилось парировать мелкие акты мести за то, что его группа всё более и более перетягивала внимание на себя. Позже Джими разъяснил мне эту ситуацию:

— Было такое ощущение, как если бы с нами гастролировала группа вреднющих привидений, следила бы за каждым нашим шагом и старалась бы обнаружить своё присутствие всеми возможными способами, описанными в книгах о привидениях.

— Я знал, стоит мне настроить гитару и отлучиться в артистическую, либо струна лопается, либо сама гитара таинственным образом на некоторое время куда-то исчезает, — начал рассказывать мне Джими и продолжил, — в другой раз эти чёртовы гремлины вдруг становятся голодными и перегрызают провода, идущие к усилителю, или такое: нам время играть, а сеть в этот момент пропадает.

Хендрикс всеми силами старался предотвратить нападение на него этих невидимок, и в самом деле, через некоторое время ему удалось заставить их работать на себя.

— Однажды судьба отвернулась от этих хитрых задниц, — вспоминает Джими. — Я погрузился в одно из моих соло и весь ушёл в гитару, публика застыла, слушая, и вдруг, бац! взрывается усилитель! И вместо того, чтобы это остановило моё выступление, испортив всё и вся, как это и должно было случиться, взрыв стал фантастическим завершением, к которому я вёл своё соло в этот момент. И я сказал тогда этим чёртовым ублюдкам, что только так им впредь дозволяется «мешать» мне на гастролях.

Такого не случалось ни с кем.

Гастроли окончились без происшествий, положение Хендрикса укрепилось. Но самое главное, к этому времени он успел хорошо изучить британских слушателей.

— Я узнал много нового о британцах за эти гастроли, — сказал Джими, — каждый вечер, у нас было, по крайней мере, две встречи с нашими слушателями. После каждого шоу мы с Часом обсуждали наши планы и вводили кое-какие улучшения. Было

весело, несмотря на дикую усталость.

Во-вторых, благодаря гастролям, о нём заговорили и, в-третьих, его карьера записываемого музыканта взлетела высоко в небо.

Сорокопятка Hey Joe заняла четвёртое место на Британских островах, Purple Haze был близок к выпуску на массе Track Records, владельцем которой стал Кит Ламберт. На обороте напечатана 51st Anniversary, также как и Purple Haze, сочинённая самим Хендриком — что показывает, что возросла вера Хендрикса в своё собственное музыкальное будущее и что он сможет обновить свой репертуар, исключив из него песни, сочинённые другими, оставив только наиболее полюбившиеся — жемчужину Боб Дилана Like a Rolling Stone и старый боевик группы Troggs — Wild Thing.

Отзывы на Purple Haze были положительные, но несколько неопределённые. Один критик писал и его отзыв был типичен, что «не может назвать пластинку столь же коммерчески успешной как Hey Joe, но она скорее... отражает этот дико-волосатый талант, эту стонущую гитару и этот неистовый голос.»

Пластинка вошла в список 4 марта, незадолго до начала гастролей с Walker Brothers, на 39 место. Нельзя сказать, что скорость, с которой она взбиралась на вершину, была ошеломляющей, но она соответствовала моменту: 32, 22, 11 и 6-е место. Спустя ещё две недели, 6 мая, заняла наивысшую точку — 3 место. Одновременно она с трудом осваивала специализированный ритм-и-блюзовый список, достигнув только 4 места к 13 мая.

Рискуя пресытить рынок, издаётся третья сорокопятка и она присоединяется к Purple Haze, которая, как писали в то время музыкальные газеты, ещё «гарцевала по списку» - 20 мая — на 10 месте, а новая — врывается на 15 место. В это же день Трэк Рекордс издаёт первую долгоиграющую пластинку группы — Are You Experienced?

Сорокопятка называлась The Wind Cries Mary (на второй стороне — Hi Way Chile) и раскрыла ещё одну сторону таланта Хендрикса. Эта очень красивая и выразительная баллада сыграна и спета Джими так нежно и искренне, что многие даже не догадывались, что он способен на такое чувство.

Альбом пришлось издать раньше планируемого срока, всего двумя неделями позднее The Wind Cries Mary, из-за того, что по неосторожности около двух тысяч экземпляров просочилось на прилавки магазинов центральной части страны и Трэк Рекордс оказались в клещах чёрного рынка, торгующего нелегальными перепечатками по невероятно высоким ценам. (Проблема

бутлегерства встала перед пластиночными компаниями наиболее остро в 1969–71 годах. Так называемые «законнорождённые» компании, подсчитывая свои убытки, выяснили, что продаётся примерно сто миллионов бутлеггов в год, хотя откуда они взяли эту цифру остаётся неясно. В любом случае, можно только сожалеть, что к концу 60–х бутлеггерство приняло такие огромные размеры. Причём Хендрикс, быстро став культовой фигурой и ещё более увеличив к себе внимание своею смертью, стал самым издаваемым исполнителем на бутлегерской мельнице.)

Спешность издания альбома в мае 1967 привела к тому, что его содержание стало несколько отличается от предполагаемого Джими, и объявленного в прессе.

Foxy Lady;
Maniac Depression;
Red House;
Can You hear me?;
Love and Confusion;
I don't live Today;
May this be Love;
Fire;
Third stone from the sun;
Remember;
Are you Experienced?

Еремей Волш из Record Mirror не одинок в своём мнении, говоря, что «да, альбом составлялся самим Хендриксом и это прекрасно, но, однако, ему следовало проследить, чтобы в альбом попала хотя бы пара всем знакомых вещей, например, Wild Thing и Like a Rolling Stone.»

Фактически альбом отражает репертуар гастролей. Составлен он Джими за несколько недель до выхода в свет, сразу после гастролей, и на вопросы журналистов по поводу своего первого альбома, Джими отвечал гораздо полнее, чем прежде.

— К настоящему времени, — рассказал он репортёрам, — я написал не менее 100 песен, но большинство из них остались в тех нью-йоркских гостиничных номерах, которые мне приходилось в спешке покидать. Когда я вернусь, я намерен забрать их оттуда, предварительно заплатив долг.

— Я не боюсь признаться, что я не пишу радостных песен. Foxy Lady это единственное исключение. Я не чувствовал себя особенно счастливым с тех пор как стал писать.

Когда его попросили подробнее рассказать о своём альбоме, он ответил:

— Этот альбом будет отличаться тем, что все песни написаны мной, за исключением одной — Like Rolling Stone и, может быть,

номера Muddy Waters. Нам бы хотелось отразить своё собственное звучание.

— Сейчас я сочиняю одну вещь — I don't live Today — знаете, она действительно жутковата. Надеюсь успеть к выходу этого альбома.

Одновременно, в интервью с другими журналистами, Хендрикс сказал, что намеревался одну из вещей, вошедших в альбом — Love and Confusion — выпустить второй сорокопяткой, в поддержку Hey Joe, но после заменил её на Purple Haze; и что третьей, как и предполагалось вначале станет The Wind cries Mary:

— У нас уже вышли две сорокопятки и меня волнует, какотреагируют наши слушатели на выпуск третьей. Думаю, многие посчитают, что мы привлекли другие инструменты, но у нас по-прежнему две гитары и ударная установка. В одном месте гитару можно спутать с флейтой. Я старался сделать запись в точности такой же, как мы играли её на сцене. Если бы мы решили на пластинке ввести скрипку, то и на сцене нам бы пришлось нанять скрипача только ради одного номера.

Это отнюдь не всё, о чём Хендриксу пришлось отвечать на вопросы прессы, в основном вопросы личного характера от длины волос и стильного военного одеяния до напечатанных в газетах писем читателей, бранных (в адрес группы) и скептических (считающих ловким обманым трюком игру зубами).

«Вы видели Джими Хендрикса в передаче Top of the Pops? — вопрошал один гневный поклонник поп-музыки. — Что за ужасный вид? Ну, ладно, длинные волосы, но причёска, она ужасна. Волосы зачёсаны нелепым гребнем. А его барабанщик, Мич, чьи покрытые узорами штаны-полотенца — ужасны, а полосатая рубашка, а куртка, сделанная из карты Америки! Если считают, что это красиво, то я — принц датский. Я это не приемлю. Настоящему таланту не нужно привлекать к себе внимание таким способом. Представьте, идёте по улице и, вдруг, врезаетесь в таких троих... Научиться играть на гитаре не трудно, трудно быть хорошим артистом.»

Другое написал другой: «Он фантастический шоумен, я смотрел на него во все глаза, старался не пропустить ничего. Мне нравилось наблюдать, как он носится по сцене, довершая своим видом свою музыку. Но я хотел бы обратить внимание его поклонников, вряд ли действительно он играет зубами. У меня у самого есть группа, одна из ста, наш гитарист мог бы поспорить и с Хендриксом, и с Клаптоном и мы считаем, что Хендрикс, выводя усилитель на полную мощность, только подносит гитару к лицу. И, не дотрагиваясь зубами до струн, играет пальцами той руки,

которая держит гриф. Но звук очень громкий, даже без помощи второй руки, и признаю, он великий мастер.»

Напоследок приведу ещё выдержку из статьи, напечатанной в одной газете, озаглавленной «Джими не думает о том, что имя его знаменито», статьи, обращённой к своим читателям: «Его появление поражает. Он сразу приковывает к себе внимание — этот высокий, в чёрной военной куртке с богатой отделкой с чёрными всклокоченными волосами а-ля Дилан. Рубленные черты лица, говорят о сильном характере. Но, несмотря на это всё, Джими Хендрикс, виртуоз гитары, сама скромность. Он даже и не думает о себе, как об артисте с большим именем.»

Где-то в другом месте напечатали: «У поэта-песенника Джими Хендрикса — богатое воображение, он ни на секунду не сомневается, что летающие тарелки существуют, что есть жизнь после смерти, воображение, вскормленное научно-фантастическими книгами и фильмами, поэзией и живописью.» И далее приведены слова самого Джими:

«В школьные годы я часто писал стихи, и я был счастлив. В моих стихах было много цветов и природы, а люди все одеты в туники. Я любил рисовать горы, затем делал подпись стихами. И сейчас я с удовольствием бы рисовал. Девушка из билетной кассы подарила мне краски, но у меня не было возможности достать бумагу. Мне нравится окрашивать в разные цвета вещи, но людей делать цветными — никогда.»

Хендрикс много говорил в музыкальных изданиях о грядущем будущем, про фонограммы на телевидении, о сочинении песен во сне, о британской музыке и, как всегда говорит Франк Заппа, «зелень — это главное в жизни».

О ближайшем будущем:

«Сегодня наша станция это Британия. Мы пробудем здесь до конца июня. Затем, посмотрим, удастся ли нам показать себя Америке, но потом мы вернёмся. Мы не будем оставаться на месте, а будем продолжать работать всё время.»

О поп-телешоу с их фонограммами:

«Ненавижу петь под фонограмму — это так унижительно. Однажды, выступая на Radio London меня попросили спеть под фонограмму — я ничего не чувствовал, кроме вины, стоя там со своей гитарой. Если вы думаете, что легко визжать или кричать под запись, попробуйте проделать это дома сами. Я до мозга костей концертный человек. Знаю, что я не певец, — это любимая тема Джими, об этом его спрашивали на протяжении всей его жизни и не только страстные поклонники, но и многочисленные музыкальные критики, — но я гитарист. Люди считают, что я неплох, и именно это я и хочу в себе развить.»

«Я уже 21 год работаю над собой, воплощая свои идеи, теперь мне бы хотелось отыскать это в каждом, если, конечно, там есть, что искать.»

(Эти слова он произнёс в защиту талантов, проникающих в устоявшуюся музыкальную схему, которой управляет мода, делающая исключение только для звёзд, не понимая полностью их предназначения. И его путь — ему судья.)

О сновидениях и своих песнях:

«Мне многое снится и из многих снов вышли песни. Я написал одну, назвав 'First look around the corner' и ещё одну - 'The Purple Haze', мне она приснилась, когда я гулял в глубинах океана.»

Всплывает один эпизод из прошлого, тот роковой день 1965 года в нью-йоркском отеле, тоже сон, но сон мой, я увидел в нём Джими, но не в purple haze (фиолетовой мгле), а в розовато-лиловой дымке. Грустное подтверждение того, во что мы, и Джими, и я, всегда верили — Судьба часто играет с нами в странные игры.

Но возвратимся на апрельскую 1967 года пресс-конференцию и посмотрим, как Джими прокомментировал состояние британской музыкальной сцены:

«У вас в Англии много сильных групп — но звучание многих требует доработки. И чтобы вам получить более глубокое ощущение от их музыки, следует поработать над аранжировкой. Я не играю того, что не чувствую: звук должен рождаться внутри вас.»

По поводу увлечения научной фантастикой:

«Я хочу быть первым, кто напишет книгу о венерианских блюзменах.»

О волосах:

«У меня длинные волосы, потому что мне так нравится. В Нью-Йорке они тоже были длинными, но здесь они отросли ещё больше, и ваша молодёжь более свободна в своих взглядах.»

По поводу его военной куртки:

«Многие мне уже говорили, что им не нравится, что я ношу военную куртку, они считают, что я этим дискредитирую Британскую армию.» (!) «Позвольте, я надел эту старую изношенную армейскую куртку из уважения: её носил один из тех, кто обслуживал тех ослов, которые стреляли из пушек в 1900 году. Эта куртка с большой историей и её жизнь продолжается. Война мне не нравится как таковая, но я преклоняюсь перед солдатами и их смелостью. Может быть тот, чья эта куртка был убит в бою. Неужели лучше будет, если эта куртка будет пылиться в шкафу и покрываться плесенью, так же как память о том парне?

Его не следует забывать, и если она на мне, я всё время о нём помню. И, к тому же, — он вдруг улыбнулся и добавил, — я ношу её, потому что она очень удобна.»

И последним, был вопрос, почему перед камерой он так серьёзен:

«Знаете в чём моя проблема? Я не могу улыбнуться перед камерой, если мне не смешно. Я не могу приказать себе улыбаться, знаешь, это тоже самое, если прикажут тебе быть счастливым.»

Но это не было на самом деле большой проблемой — фотографии неулыбающегося Хендрикса были достаточно удачными и оказались на пользу его имиджу, имиджу замкнутости и сексуальной загадочности.

А с этим проблем не было. В первый раз, как я познакомился с Джими, в Нью-Йорке, на его постели возлежала очаровательная обнажённая девушка и теперь, в первые безрассудные месяцы 1967 года завоевания им Британии, его невероятное обаяние, под которое попадали все женщины, и образ его жизни совершенно подходил его имиджу. Здесь надо сказать, что Джими был очень мягок, был очень тихой и восприимчивой натурой в отличие от его сценического состояния, где он превращался в ошетилившегося, дикого зверя. Но не было пропасти между его личной жизнью и его сценическим состоянием, с точки зрения общепризнанной его сексуальности.

Журналисты, конечно же, описывали сексуальность Джими в терминах его сценического образа — (они едва не промахнулись) — его сексуальный потенциал, имея в виду его гитару, его томагавк, и его ужасающее обращение с этим громадным фаллическим символом, буквально трепещущим в его руках и готовым взорваться в любую минуту. Несмотря на всё это, упоминание о его личной жизни было под негласным запретом, табу. Пока, наконец, журнал «Роллинг Стоун» не вытащил на свет его достопримечательных группиз, предвосхитив дни рок-неореализма, во время которого стало обязательным, особенно в бульварных журналах, описывать с величайшей подробностью сексуальные пристрастия музыкантов, их увлечения наркотиками и пр.

Немного позже, ими же было снято табу и произошло очередное «открытие» Джими, как человека спокойного, разговорчивого, разностороннего, и большинство музыкальных газет не упустило случая напозапать его бриолином. Газеты в это время информировали своих читателей о посещении ими его убежища, лондонской квартиры Час Чандлера, с находившимися там остальными членами группы... Заметки беспорядочные,

приводящие в замешательство своими наблюдениями, ведь писали они о свирепом Джими, вступающим в ежедневный бой, вооружённым своей гитарой и голосом, писали о тихом, добродушном, весёлом парне, о том, что вы никак не ожидали услышать... окружённом своими друзьями, отвечающим на вопросы спокойным, но немного нерешительным голосом. В атмосфере веяло «Да, я тоже такого мнения, и вот, что я вам скажу, но я бы не хотел кричать об этом на каждом углу».

Но вот о чём газеты избегали писать, во-первых, что он был в те времена, как я его знал в Нью-Йорке, самодостаточным и, во-вторых, что здесь, в Англии, он встретил очень красивую и очень «особенную» Катю Этчингем.

Кати выросла в Дерби и была старинной подругой Час Чандлера. С Джими они встретились в модной лондонской scotch-дискотеке. Ниже в этой книге будет подробно рассказано Катей о смерти, о перипетиях и о красоте их отношений, отношений, которые начались с неожиданного и нежного поцелуя в ушко.

В любом случае важно, что в это время, несмотря на грибное время его успеха и, несмотря на непрекращающееся поглощение им наркотиков, увлечение, надолго его захватившее, личная жизнь Джими была относительно скромной и простой.

Если сравнивать, ему было тогда много проще и легче того, что пришло несколько позднее.

Джими казался довольным — даже многое делал, чтобы остаться непревзойдённым, и отделился от подводного течения расовой предвзятости, которая, хотя и уменьшилась по сравнению с тем, какую испытывали на себе другие чёрные братья в Америке, оставалась, тем не менее, ежедневным напоминанием.

— Как только мы въехали, — объясняет Джими, — мы поселились вдвоём с Часом, сразу посыпались на наши головы жалобы соседей, то слишком громко, то слишком поздно мы возвращаемся из города после выступления. Всё следующее утро мы выслушиваем поток жалоб. Час просто сходил с ума, я — нет. Не сравнить даже с укусом клопа.

— Иногда, — добавил он, — какие-нибудь белые ребята кричат что-нибудь в твой адрес, когда стоишь на углу в ожидании такси, и это в порядке вещей, я полагаю. Я уже ничему не удивляюсь. Знаешь, я бы мог даже сыграть в Южной Африке, пока там нет реальной войны и, если бы они постарались заполучить меня каким-нибудь способом, я не стал бы с них брать много. Им достаточно позвать нас по имени. Я даже не стал бы их посылать к чёрту, ведь у меня есть такая прекрасная Англия, куда я могу вернуться в любой момент.

Но, к счастью, не одна Англия, мечтала о Хендриксе. В оставшееся от гастролей с Walker Brothers время, в то время как его сорокопятки и альбом танцевали в английских списках (только Сержант Пеппер помешал альбому занять первое место), Джими со своими Опытами окунулся в гастролы по Германии и Скандинавии. Нордическая лихорадка, длиною в месяц.

Газеты цитировали Джими: «У меня полно идей, например, я хотел бы соединить цвет с музыкой. Я играю и тут же всё это превращает в цвет какая-нибудь электронная машина», — и, определённо можно сказать, Джими свою цветную космическую музыку донёс до голов только что появившихся немецких поклонников.

Эти гастролы отдалили Опыты от записи новых пластинок, они показали, что набег, совершённый группой на Германию, утвердил в сущности их собственный музыкальный стиль.

Джими со своей группой прежде уже играл в Гамбурге, в знаменитом Star Club, колыбели рок-н-ролла и Битлз, и стремился снова сыграть в Гамбурге, тем более, что там он уже приобрёл и репутацию, и поклонников.

Ноэл Реддинг по пути в Гамбург изрёк: «Берлин нам понравился — там была достаточно большая сцена — но когда мы прибудем в Гамбург, там будет ещё лучше». Во Франкфурте сцена тоже была достаточно большой, но там впервые они испытали на себе достояние, нажитое многими рок-группами — их выбросили из отеля.

— В мозгах не укладывается, — отреагировал Ноэл, — всем мы им не нравились. Косые взгляды везде, в отелях, на улице. Единственно слушатели — они любили нас. Но в целом всё очень забавно, тем более, что мы собираемся разбомбить здесь всё, а это самое главное.

А вот как Джими прокомментировал середину гастролей:

— Группа прошла через камнедробилку — у нас очень плотный график. — Однажды на концерте они познакомились с Дейв—Ди—Дози—Бики—Мик—энд—Тич (помните вы их?), в Германии они были в это время группой номер один. — Мы всю ночь провели вместе с ними, слоняясь по городу, — рассмеялся Джими. — Когда мы добрались до нашего отеля, было уже 8 утра. Мы так устали, что даже не могли заснуть, попадали в кресла и вылакали по пинте отличного немецкого пива. Да-а!

В конце гастролей Ноэл подытожил: «Всё это было как один большой смешок». Несомненно, он получал наслаждение от возможности шокировать уравновешенных шведов и старомодных датчан невероятными одеждами и немыслимыми причёсками.

Новообращённой немецкой молодёжи, притянутой сверх-

магнетизмом Опытов Джими Хендрикса и быстропривыкаемой к дозе психоделического саунда («Гип—Гамбург приветствует: Хайль Гендрикс!») вопил один из заголовков), распространяющегося по всей Европе на крыльях их популярности со скоростью чумы, но в отличие от той, несущей смерть, Опыты несли возможность воплотиться в музыке, открыли новую эру вселенской взрывающей мозг музыки, которая способна ввести европейскую молодёжь в мир свободы самовыражения. Причёска Джими стала самой популярной на континенте. Дошло до того, что где бы Джими не появился, он всюду встречал парней и девчонок, зачёсывающих волосы как он сам. Даже производители париков не упустили эту возможность, выпустив на рынок парики а-ля Джими всех размеров и побив все рекорды продаж.

Опыты вихрем пронесли по Скандинавии — Швеция, Дания, Финляндия, собрав ещё большее количество поклонников в свою интернациональную коллекцию, так как к этому времени их культ распространялся уже со скоростью эпидемии.

По возвращении в Англию 28 мая, они обнаружили, что их альбом на пути к золоту. Они не стали долго примерять лавровые венки. Первая неделя июня застала их снова в дороге, на этот раз — двухнедельные гастроли по четырём странам. И снова Германия, где в первый же день гастролей был взят Берлин (уже во второй раз), за ней Голландия, Бельгия и Италия.

За Италией... что же могло быть за Италией как не Америка! Очень много душевных сил было потрачено, чтобы продвинуть судьбу Джими Хендрикса вперёд. И так же как в первые несколько недель, теперь, месяцы спустя, его не покинула удача. Его триумф перенёс Джими через Атлантику.

Битлы застали самые первые его выступления в лондонских клубах, и битл Пол МакКартни был особенно им очарован. Как и в первые дни, когда Джими от него получил пропуск в элиту, пригласив Джими на вечеринку звёзд (Марианна Фейтфулл организовала эту вечеринку специально для Джими), так и теперь он доказал свою преданность ещё более долгоиграющим билетом.

— Джими Хендрикс, — заявил Пол, — это пионер музыки, креативный гений, творец.

И посчитал необходимым рекомендовать этого американца Отборочной комиссии предстоящего поп-фестиваля в Монтерее.

— Это будет не фестиваль, — заверил он их, — если вы не пригласите Джими Хендрикса с его Опытами.

Итак, путь расчищен, всё готово для феерического появления Джими и его группы в Америке, для Ноэла Реддинга, для Мич Мичелла, и для Джими в особенности, как если бы это было

повторное рождение, а не возвращение блудного сына.

Глава 5. Возвращение блудного сына

Джими рассказал мне, «как он чувствовал себя», возвращаясь обратно в Штаты и везя с собой свою новую группу Experience:

— Я как будто возвращался после окончания действия таблетки LSD, я даже не был уверен, был ли я вообще в Англии.

И когда он спустился с трапа самолёта на американскую землю, та же мысль вертелась у него в голове:

— Возвращение в Америку подобно окончанию «путешествия». Но потом среди встречающих я увидел бабушку Боб Дилана и, как говорит Мич, она одна из немногих о ком я рассказывал ему с восхищением, я понял, что реальность прекрасна.

Тогда же он поделился своими впечатлениями о таможне и об обслуживании в отелях — все эти преграды и предубеждения были так стары, как стара сама Америка.

— Я понял, что нам предстоит пройти самый пристальный таможенный контроль. Думаю, они не были готовы увидеть нас — меня, в жёлтых шёлковых брюках, рубашке из лилового шёлка и с ярко-голубо-серебристыми волосами, и длинноволосых Ноэла и Мича, в одежде дикой расцветки. И, несомненно, мы не имели никакого права разочаровать американскую таможню. Достаточно было одного взгляда на нас, чтобы понять, вот, наконец-то, те самые трое высоких молодых людей из списка разыскиваемых ФБР наиболее опасных для Америки преступников. И по тому, как они нас досматривали, нам стало ясно, что мы занимаем первые три строчки в этом списке.

Естественно, ничего не нашли.

— Мы ничего не пытались провести с собой, — сказал, смеясь, Джими, — ведь всё, что нам может понадобиться, можно найти здесь, в Америке!

— А что отель?

— Слушай, вот что я тебе скажу, мы заехали, знаешь, прямо в отель «5-я авеню» и я понял, по тому как на нас посмотрели этот клерк и управляющий, что ничего хорошего нам не ждать.

— Это был один из тех экзотических отелей, где тратят уйму капусты на оформление вестибюля, чтобы поразить клиента. Ковёр на полу был так толст, что казалось, идёшь по облаку. Залы с зеркальными стенами, просто музей какой-то. А на самом деле это механизм по исполнению любой твоей прихоти, за деньги, конечно. Но, как оказалось, это всё не для таких кошаков, как мы. Мы не продержались там и полутора дней.

Дальше всё шло, как по-написанному. Владельцы отелей решили, что принимать рок-музыкантов слишком расточительно

и вернулись к старому испытанному трюку. Ваш заказ по телефону принимается с заоблачной вежливостью, но затем вам говорят, что произошла досадная ошибка, и ваши номера были уже забронированы ранее и никаких других свободных номеров нет. Вот стандартная схема, по которой вам сообщают, чтобы вы убивались ко всем чертям.

Почему это так беспокоило Джими? Он не раз мне говорил, что отели — это Америка в миниатюре, и он чувствовал, что ему бы с радостью сказали «убраться ко всем чертям» из американской рок-музыки.

Поэтому Час Чандлер и был вынужден забрать Джими в Англию, и не только потому, что это его территория, где он всех знал и мог раскрутить Джими, но и потому, что в те годы Англия была более восприимчива к новой музыке и там не было предубеждения к чёрным музыкантам. Для Джими Монтерей — это попытка прорваться чёрному музыканту на поле, принадлежащее исключительно белым, преимущественно из среднего класса музыкантам с их белой, также из среднего класса аудиторией хиппи. Джими не рассчитывал на то, что это станет началом его восхождения. Он считал это рискованным предприятием, требующим отчаянной смелости.

В Америке у чёрных исполнителей не могло быть такого концертного размаха как в Европе — им приходилось довольствоваться небольшими сценами с небольшой аудиторией. А значит и доступ к большим деньгам, какие собирали белые исполнители, им был закрыт. Старым блюзменам на своей родине было позволено только умирать в ужасающей нищете. Тем, кому повезло и их «открывали», получали всё, получали вдвойне, когда их «открывала» для себя Европа и европейские музыкальные агенты привозили их в Британию, где они могли предстать перед хорошо подготовленной в музыкальном смысле аудиторией. Молодое поколение чёрных исполнителей, играющих соул и ритм-и-блюз, редко было в состоянии позволить себе выступить где-нибудь, кроме как в небольших клубах, либо в немногочисленных театрах, ориентированных на чёрное население, таких как театр Аполло в Гарлеме. Даже в Европе чёрные музыканты считали за счастье сыграть на каком-нибудь местном фестивале, а не торчать всё время в ритм-и-блюзовых клубах, кабаре или на танцплощадках.

Зная всё это, Джими нервничал. Он противопоставил себя всей экономике музыкальной индустрии чёрной Америки. Ни один чёрный музыкант не собрал столько денег, сколько он стал получать в Европе. В Европе он стал одним из самых востребованных исполнителей. Везде его встречали с открытыми

объятиями, и везде ему позволялось проявить свои способности и талант — то, что теперь, будучи в Америке, ему ставилось в вину, так как он был чёрным и, более того, он не был ниггером. И теперь, как он сам понимал своё положение, а если сказать простым и ясным языком, свою миссию — это получить те доллары бледнолицых, которые он заслужил и которые они давно ему задолжали.

В Нью-Йорке его ждал сюрприз, на улице люди стали его узнавать и не только те, кто знал его прежде, когда он играл в нью-йоркских клубах, но и те, кто был уже наслышан о его европейских подвигах. Он не ожидал, что в Штатах уже знали его Опыты, хотя предполагал, конечно, что кое-что могло просочиться через страничку международных новостей коммерческих газет 'Cashbox' и 'Bill—Board'.

На самом деле, слухи о его Опытах прибыли в Америку намного раньше его самого. Почти все, интересующиеся рок-музыкой, уже знали и как его зовут, и что он играет, и с нетерпением ждали их, чтобы увидеть группу в деле.

Надо сказать, что американские права на пластики Опытов принадлежали Reprise Records, компании основанной Франком Синатрой и проданной им товариществу компаний Kinney (товариществу, которому принадлежали в Нью-Йорке почти все автомобильные стоянки). Аванс в четверть миллиона долларов, по общему мнению, был чрезмерно щедрым. Теперь это относительно небольшая сумма, но тогда, в 1967 году, это были колоссальные деньги. Аванс был выплачен под тираж их первого альбома, который, по некоторым сведениям, составил миллион копий.

Таким образом, что бы Джими ни говорил, можно было с уверенностью сказать, что неминуемое его появление на американской сцене должно было принести успех и славу, а не непонимание и провал, или что ещё хуже — унижение, чего больше всего боялся Джими. Отель «5-е авеню», к несчастью, только подтвердил его опасения, типично по-американски отреагировав на его появление.

Как бы там ни было, выставленные из этого отеля, Хендрикс и его окружение заселились в более гостеприимном отеле Gorham на Западной 55-й улице между авеню Обеих Америк и 7-й авеню. Горгем специализировался на приёме рок-групп, которых обычно стремился поселить на одном этаже, чтобы избежать контакта с другими жильцами.

Вот так, спрятанный в глубинах Горгем-отеля Джими и пригласил меня к себе, где хотел познакомить меня с Ноэлом и Мичем и поговорить о том, о сём.

Я вошёл в комнату Джими и нашёл его в окружении группиз, которые дополнили общее впечатление об увиденном.

Нозл и Мич были очень милы, но, как мне показалось, очень стеснительны. Я бы сказал даже, что они общались с осторожностью. Тогда это меня несколько покорило, но теперь я понимаю, что на это у них были причины. Это был их первый полёт в Америку и по Джими было видно, что перелёт им дался нелегко. Мич в основном молчал, а Нозл, уж лучше бы этого он не делал, он во всём подражал Джими, даже разучил его любимые словечки. Им было очень неловко.

К тому же это был их первый опыт общения с американскими группиз — и здесь их застенчивость сыграла им на пользу. В тот день, когда я с ними познакомился, они открыли в этих необыкновенных красавицах увлечение англичанами.

Меня многие считают экстрасенсом. Тогда, в комнате Джими, я увидел успех, атмосферу успеха. Джими вытащил небольшой проигрыватель, это было что-то космическое и ещё, от этого проигрывателя исходил запах денег, потом Джими показал мне все эти заграничные шмотки, привезённые из Англии, кучу шёлка и бархата. Лично я, таких ещё ни на ком не видел, и мне, никогда не бывавшему в Британии, они показались мне очень революционными.

— Ну, брат, — сказал он мне, прикрывая ладонью рот по старой привычке, от которой он так и не избавился в Англии, — я хочу, чтобы ты послушал, некоторые новые песни, которые я собираюсь записать. Это совершенно не похоже на то, что я делал раньше.

Он сказал это с таким чувством, как если бы то, что он хотел мне показать, значило для него всё, как если бы это новое было первой его песней, которой он хотел бы со мной поделиться. Что же до меня, мне вспомнился тот первый раз, когда он взял в руки мою гитару, в номере отеля, очень сильно отличающегося от этого, в том далёком уже 1965 году.

Он включил проигрыватель и как всегда, это была невероятная музыка. Я сказал, что всё это мне очень нравится, особенно взаимодействие ударных и гитары, сказал, что удивлён, что такое звучание достигнуто всего лишь тремя инструментами. Казалось, он был очень рад, что я разделил его ощущения и был так добр к нему.

Мы испытали обоюдное облегчение, между нами по-прежнему было нечто общее, наши чувства были понятны друг другу и — не отправиться ли нам в Деревню, как это мы делали прежде? Джими собирался прикупить новых пластинок, Дилан, Камни и Битлы ему нравились больше всего, но здесь можно было

купить менее известные имена, которые не издавались в Британии, а они ему были не менее интересны. Итак, мы оставили Ноэла и Мича наедине с цыпочками и углубились в коридоры отеля Горгем.

Тут произошло нечто, что, по моему мнению, происходило всегда, когда Судьба снова решала вмешаться, когда мы оставались наедине. Джими произнёс: «О, подожди минутку, я забыл взять деньги, я сейчас возьму сколько-нибудь из своей доли и мы отправимся в пластиночный магазин.» Он постучал в дверь своего менеджера. Дверь приоткрылась на узкую щёлку, как если бы у его менеджера, Майка Джеффриса, проходило секретное совещание или, другими словами, он попросту не хотел чтобы его беспокоили.

Джими попросил у него несколько сотен и я был в шоке от того, что услышал в ответ — тот ничего ему сейчас не даст и будет говорить об этом с ним в другой раз. Джими был в замешательстве и одновременно зол. Я спросил, что за финансовые дела ведёт человек, который должен по идее охранять его интересы.

— Ну, — произнёс Джими, — деньги все у них и они их сохраняют для меня, и я беру всегда столько, сколько мне нужно в данный момент.

Это прозвучало дико, особенно в контексте того, чему я только что был свидетелем.

Я спросил у него, что они с ними делают, когда у них их собирается слишком много. На это он ответил, что думает, что они кладут их в банк на его имя, и добавил, что не знает название банка, и у него даже нет чековой книжки. И не представляет, сколько там может быть денег. На что я ответил, что никогда не слышал о таком странном менеджменте. Но в ответ только одно: им нужно доверять. Много позже Джими был уже готов к тому, чтобы поменять своё отношение к деньгам. Но это тянулось на протяжении всей его трагической карьеры, хотя он и стал более внимателен к деньгам. Но, то замешательство и неопределённость положения, что я увидел тогда, в коридоре, преследовали его, хотя он стал более осмотрителен и бережлив. И хотя это было уже слишком поздно, Джими всё равно не мог добиться от менеджера, сколько же на самом деле у него денег. Час Чандлер был движителем всего, но пришло время и ему пришлось покинуть Хендрикса из-за разногласий с Майком Джеффрисом. Чандлер был, также как и Эпштайн, больше творческой личностью, чем бизнесменом. Джеффрис, напротив, был бизнесменом до мозга костей, и совсем не похож был на движителя. В итоге, финансовый клубок, сплетённый вокруг

Хендрикса, так и не был никогда распутан, так как Джеффрис погиб в авиакатастрофе, за день до выступления в суде. И его смерть ни на йоту не продвинула решение проблемы.

(Джеффрис летел из Испании авиакомпанией Иберия, военный истребитель подрезал им крылья. Во Франции была забастовка диспетчеров.)

Но мы далеко ушли вперёд. Вернёмся в тот гостиничный коридор в июнь 1967 года. Видно Судьба всё же решила с нами сыграть в какую-то ведомую только ей игру. Я предложил пойти и найти человека, который в будущем вызовет его в суд, человека, с которым у него был заключён контракт ещё в 1965 году, контракт, который всё ещё действовал и который был нарушен исчезновением Джими — Эда Чалпина. Идиотская ситуация. Джими был вне себя из-за денег, которые не дал ему его менеджер, и мы решили что лучшее, что мы можем сделать, это пойти и попросить их у его менеджера, которого он покинул меньше года назад, не сказав ни слова.

Я позвонил Эду Чалпину. После того, как Джими поговорил с ним по телефону, Эд сказал, чтобы мы немедленно шли к нему. Мы пришли на студию Эда и Эд без слов протянул Джими несколько сотен, сказав только, что нам, всем троем, следует отобедать вместе позже этим же вечером.

— После всего, что случилось, — спокойно произнёс Эд, — нам троем, есть что обсудить.

Был он настроен вполне дружелюбно.

Мы договорились о времени и отправились в пластиночный магазин Colony Record, который располагался тогда на углу 53-ей улицы и Бродвея. (С тех пор он переехал в более просторное помещение на углу 49-ой и Бродвея.)

Нас всё время кто-нибудь останавливал, люди хотели пожать ему руку. Многие помнили его по тем временам, когда мы играли вместе в нью-йоркских клубах, это же было совсем недавно, всего год назад. Другие знали о нём только из газет и музыкальных журналов. Но ещё были те, кто останавливал нас, чтобы выразить восхищение его невероятным одежам, в которые он был одет.

Он был несказанно счастлив, встретить такой дружелюбный приём на улицах — всё это понемногу успокаивало его, утихала тревога перед фестивалем в Монтерее. После того, как он дал автограф, напев на диктофон двум молоденьким лисичкам, он наклонился ко мне и прошептал: «Как всё изменилось! Лисички стаями кружатся возле меня, слетаются как пчёлки на мёд!» Я сказал, что другого и нельзя было ожидать, что им восхищались ещё тогда, когда мы вместе играли в нью-йоркских клубах, а теперь, теперь будут выстраиваться очереди, чтобы получить

автограф.

— Да, думаю, ты совершенно прав, — засмеялся Джими.

Наконец, мы добрались до пластиночного магазина, где Джими, похоже, хотел скупить все пластинки. Пробыли мы там вечность. Слушали новые альбомы, говорили о музыке. Настроение было отличным, как мне казалось. Было всё так, как если бы Джими никогда никуда не уезжал, если не считать, конечно, его экстравагантного вида, привычки вновь приобретённой.

По всему было видно, что Джими был рад нашей встрече даже больше, чем я. Ещё не настал вечер, а он уже мне сказал, что мечтает снова записываться вместе. Что ещё до своего отъезда в Англию у нас был свежий материал, готовый к записи, и он хотел бы продолжить начатое с того места, где тогда мы прервались.

Это всё, конечно, полностью противоречило всему, что он говорил журналистам о выпуске записей наших совместных выступлений. Он заявил, что это очень древние записи и что ему надо с ними немного поработать, так как, он не сомневается, что они побывали на полу монтажной и склеены домовым, который подобрал обрезки с пола. Он, конечно, знал, что этим домовым был я. Записи сделанных нами прежде номеров нарезаны в те несколько коротких месяцев до отбытия его в Англию, остальные во время его первых американских гастролей и уж, конечно, это был гениальный Хендрикс 1967 года. Эти записи сделаны после *Hey Joe*, после *Purple Haze*, после *Are you Experienced?*, сделаны, если так можно сказать, на вершине исследовательско-творческой мощи Джими.

Здесь следует добавить, что я не мог винить Джими за то, что он говорил про эти записи. Его умиряли жестоким менеджментом, его запихнули в узкие рамки имиджа и заранее спланировали все его записи. Я понимал, какое давление он испытывал и что, и зачем ему приходилось говорить журналистам. Также я понимал враждебность, с которой отнеслась та машина по печатанью денег, в которую его втянули, к изданию наших совместных записей, и моя симпатия не распространялась на этих людей, а ограничивалась только Джими. Но вот, что я никогда не смог понять, так это высокомерие модных журналов и явную враждебность критиков музыкальных изданий, в чьих статьях давалась очень низкая оценка музыкальным способностям Джими. А с каким воодушевлением они раздували ложь о нашей балладе о Джими, будто она нарезана, чтобы сорвать деньги на смерти Джими! Разве не ясно, что кроме ударных, там играет на всех инструментах сам Джими. А с каким самодовольством они

кромсали нашу Get that Feeling, она—де перемикшированная старая запись. Разве никто не помнит, что мы её записали после того самого праздничного обеда с Эдом Чалпиным июньской ночью 1967 года? Этим они только показали, насколько они далеки от понимания характерного стиля таланта Джими.

Вот так я смотрю на вещи и вот так это было на самом деле:

После пластиночного магазина Colony Record и обеда с Эдом Чалпиным мы все отправились к нему на студию и устроили грандиозную сессию, среди записанных в эту ночь номеров была Get that Feeling, название которой получил альбом, вышедший в начале 1968 на массе Capitol.

Обедали мы в местечке, носящем подходящее название The Diner, открытое круглые сутки на углу 43-й улицы и 11-й авеню на Манхэттене. В The Diner было постоянно полно нью-йоркцев, ведущих ночной образ жизни — танцовщицы, музыканты, таксисты, бродяги, ночные бабочки. В их распоряжении были и уличные столики, и бар, и даже огромный банкетный зал. Но более всего их привлекало то, что они могли пообедать, например, ранним утром, а позавтракать в конце дня. В любое время, как им было удобно.

Эд Чалпин объяснил Джими, что всем нам придётся встретиться в суде, потому что Джими был всё ещё связан с ним контрактом. Джими был тих и искренне рассказал, как он понимал всю эту ситуацию.

— Люди, которые увезли меня в Англию, сказали, что они уже виделись с тобой. Они сказали мне, что встретились и уладили все дела. Потому что, знаешь, когда они первый раз подошли ко мне с предложением поехать в Англию, я им сказал, что у меня уже подписан контракт здесь, дома.

После того, как Эд Чалпин раскрыл подробнее суть проблемы, Джими сказал ОК, он всё понял, и согласен с тем, что «только суд поможет разрешить подобную ситуацию».

Затем он посмотрел на нас обоих и, улыбаясь во весь рот, произнёс:

— Мне наплевать о том, что думали они, забирая меня в Англию, я собираюсь продолжить начатое с тобой и Куртисом, Эд, потому что мы все трое — отличная команда. Ты — инженер, Эд, и Куртис здесь, и я, и я не понимаю, почему мы торчим до сих пор тут, наше место в студии.

Вот так, волею Судьбы, началась наша сессия, которая продолжалась всю ночь. И насколько я понимаю, это оказалась очень удачная ночь. Мы все были на подъёме и записали много номеров, среди них и Get that Feeling. Потом у нас было ещё два или три раза, пока Джими был в Нью-Йорке, так как мы оба

понимали, что упускать такую возможность нельзя.

Приходит на память один вечер, в этот вечер была пресс-конференция, где все эти критики наконец-то получили возможность увидеть The Jimi Hendrix Experience.

Опять не обошлось без вмешательства Судьбы. Владелец клуба, в котором произошло знакомство группы с Америкой, дебют Опытов, оказался тот же человек, владелец Ундин, где в своё время были прописаны Jimi Hendrix Curtis Knight Band (The Squires) и где Час Чандлер впервые услышал игру Джими. Брэдли, так его звали.

Когда группа вышла на сцену, ребята были встречены буйной овацией, произведённой странной смесью из длинноволосых авторов, печатающихся в музыкальных журналах, всевозможных знаменитостей из мира поп-музыки и их вычурных цыпочек, разодетых в бархат и сатин, а также разных людей, имеющих отношение к звукозаписывающим компаниям. В этот вечер в клубе люди чувствовали не только плечо соседа, но и его бедро. Если вам приходилось когда-либо бывать в раю, вы поймёте, как там было тесно.

Вечер был очень жаркий, а Джими своим мощным напором ещё больше разогрел воздух над готовыми взорваться головами слушателей. Как и все здесь, я впервые наблюдал Опыты в действии. И первое впечатление было чего-то невероятного. Но зная Джими, как никто его не знает, я должен сказать, что было видно, как он не был доволен многим из того, что происходило на сцене.

Джими всегда очень требователен к себе, особенно ко всему тому, что касалось выступлений и, так как он владел многими инструментами, он замечал малейшие ошибки или отклонения от заранее спланированной и тщательно отрепетированной программы. Должен сказать, что по выражению его лица было видно, что многое шло не так, как хотел он, несмотря на бурную реакцию слушателей. Особенно это было видно между номерами, он поворачивал голову к Ноэлу и Мичу и бросал гневные взгляды в их сторону. Я достаточно близко стоял к сцене, чтобы услышать время от времени его бормотанье: «Ну! Да, вступай же!» или «Где ты был в прошлом номере? Проснись, не спи!»

Как только отыграли последние бисы, они бросились в артистическую. И к тому времени как я пробился туда сквозь потную, изнемогающую от жары толпу, Джими уже стоял как генерал, бранящий своих солдат за трусость в прошедшей битве. Делал он это очень ясно, не расплываясь на общие выражения, было видно, что он совершенно недоволен только что свершившимся американским дебютом.

Мичу сказать было нечего, он только сидел с поникшей головой, пот каплями скатывался с его волос и он безуспешно пытался полотенцем вытереться насухо. Чем больше он тёр им, тем более потным он казался, частью из-за того, что он остался недоволен своей игрой, частью из-за той толпы, которая втолкнула их в артистическую волной собственного пота и запаха одержанной победы. В то время как Мич тихо сидел, пытаясь вытереть своё тощее тело, Ноэл Реддинг, полная его противоположность, парировал каждое слово Джими, пытаясь доказать свою правоту, так что мне показалось, ещё минута и начнётся настоящая потасовка. Затем, вдруг, после очередной вспышки обоюдного гнева, они, казалось, подписали договор о ненападении. Они замерли друг против друга, сверкая глазами, все кто был в комнате, напряглись и начали всматриваться в их лица.

Джими был возмущён тем, что Ноэл отклонился от той линии, которой он должен был придерживаться, как его учил Джими — что-то, что не подлежало изменению, было, как он полагал, изменено. Ноэл возразил, что он прекрасно помнит, что говорил ему Джими, но он и впредь не собирается в точности следовать его указаниям, что и как он должен играть.

Подобные взаимные пререкания, повторяющиеся непрерывно, привели к глубоким трещинам в гармоничных отношениях так необходимых группе, взбирающейся на головокружительные высоты вполне заслуженного успеха. Возможно, Ноэл Реддинг предчувствовал, что отсутствие взаимопонимания в представлении о том, как должна выглядеть та или иная песня, приведёт, в конце концов, к развалу группы. Возможно из-за этого, Ноэл приобрёл репутацию осторожного, осмотрительного и самого консервативного члена группы — единственного, кто следил за своей долей денег и никогда не тратил ни одного пенни без надобности.

Мич Мичелл, напротив, меньше расстраивался и смотрел на всё более оптимистически и всегда старался своей игрой расчистить Джими путь. Он обладал так называемым свободным стилем игры на ударной установке и, следовательно, был более независим в группе, чем Ноэл. Но, как я думаю, Мич просто придерживался идеи, что лучше быть членом успешной группы, чем быть музыкально свободным, но за бортом, и наблюдать, как кто-то другой красуется на сцене.

Как бы там ни было, вечер их дебюта подошёл к концу, и когда стали расходиться из артистической на часах было уже 2.30 утра. Именно в это время Джими решил, что как раз сейчас самое время нам пойти на студию и записать что-нибудь новое. Он

сказал, что у него полно свежих идей, которые возникли у него днём и которые он хотел бы воплотить со мной вместе.

Итак, с всё ещё бьющей через край энергией, несмотря на только что сыгранный перед музыкальными писателями и бизнесменами концерт в двух отделениях, Джими прыгнул в мою машину и мы отправились на квартиру Эда Чалпина, вытаскивать его из постели. Он открыл нам студию и он, в качестве инженера звукозаписи, и мы с Джими провели остаток ночи, воплощая новые идеи.

После того, как мы записали всё, что он хотел, мы отправились в клуб Scene, одно из наших любимых мест, где мы прежде часто с ним джемовали, и встретили рассвет, сидя у входа в клуб, как это мы любили всегда делать, наблюдая за поп-звездами, которые приезжали в наш город. Соседние с клубом улицы кишели наркоманами, карманниками и проститутками: неприглядное соседство, но этот воздух не был чем-то новым для Джими Хендрикса, ведь именно в нём я его впервые встретил в 1965 году, в нищете и безвестности. Можно с полной уверенностью сказать, Джими вернулся домой.

Встретив с нами рассвет, Джими со своими Опытами отправился за триумфом в Монтерей на поп-фестиваль, но по дороге, пересекая Штаты, дал несколько клубных концертов.

Монтерей стал первым из больших поп-фестивалей — логическое завершение, или если вы против, эквивалент ньюпортским джаз-фолк фестивалям. С 16 по 18 июня 1967 года состоялся беспрецедентный уикенд непрерывных выступлений знаменитостей рок-музыки с самого утра до полуночи, комендантского часа, оговоренного устроителями с местной полицией. Среди звёзд были: Саймон и Гарфункель, The Who, Buffalo Springfield, Lou Rawls, Рави Шанкар, Мамы и Папы, Отис Реддинг.

Мы уже ранее в этой главе обсуждали трудности, которые встали на пути Отиса Реддинга: он, также как и Джими был чёрным исполнителем и до последнего момента устроители сомневались «подходит ли» его кандидатура к теме фестиваля. В самом деле, только представьте, появляется этакий сияющий, в строгом с иголки костюмчике — жуткое зрелище. Костюмчик скорее походил на смиренную рубашку, настолько, казалось, он сковывал его движения. Но Отис оказался первым, кто заставил все эти 50 тысяч вскочить со своих мест и, танцующей волной, рвануть к сцене. Он им нравился, его музыка-соул им нравилась. Монтерей стал пиком его успеха, но он недолго смог наслаждаться славой. Он погиб в авиакатастрофе в возрасте 26 лет.

Отис Реддинг — самый яркий представитель исполнителей соул 60-х годов, достойный продолжатель предыдущего поколения. Таких величин, как Joe Turner и Fats Domino, которые впитали в себя наследие блюза. В этом смысле Отис Реддинг был хранителем традиций исполнительского искусства. Джими Хендрикс, напротив, хотя и чувствовалось в его музыке сильное влияние блюза, не был традиционалистом, таким последовательным сторонником как Реддинг, но был гениальным новатором, гениальным разрушителем границ.

Когда Опыты Джими Хендрикса появились на сцене Монтерея, они ввели нас в эру психоделической музыки с её стенами из усилителей, таких опытов Америка никогда прежде не ставила. Их одежда выглядела вполне революционно. Все с интересом стали их рассматривать, когда их объявляли — этакий яркий цветной намёк на важность момента, но когда они начали играть, всем было уже не до того, во что они одеты.

Они отправили своих слушателей в полёт на внеземную орбиту, гитара Хендрикса пронзительно кричала, группа грохотала, ещё чуть-чуть и засверкают молнии, общее напряжение увеличивали чувственные движения Хендрикса, вступившего в любовную игру со своей гитарой. Вся женская часть этой огромной толпы визжала в любовном, скорее религиозном экстазе. Состоянии, давно забытом со времени первых концертов Элвиса Пресли. Естественно, после фестиваля в Монтерее, журналисты стали изощряться в эпитетах. Как вам понравится такое: «новый Элвис от рок-музыки», или «чёрный секс-феномен», совершенно упуская из виду уровень его музыкального творчества.

Завоевание Монтерея конкистадором Джими вызвало, буквально, воющий успех.

Эрик Бёрдон поделился со мной своими впечатлениями от увиденного:

— Ни с чем несравнимое выступление. Я находился в самой гуще толпы и я сказал им, знаешь, тем, кто сидел рядом. Отис был среди них, да, точно, там был Отис Реддинг, тем временем кто-то с силой давил сцену. «Вот, подождите, увидите Джими Хендрикса, тогда поймёте, — говорю им. — Такого гитариста вы ещё не видели.

(Видно Судьбе понравилось, что я перевожу эту книгу, раз она включилась в игру с русскими словами: «давили сцену» не «кто-то», давили сцену «те-кто» — The Who.)

— Мы разговорились, они предложили покурить — мы покурили, потом они пересели поближе, рядов на двадцать. И когда на сцену вышел Джими, где-то в середине третьего номера,

я услышал, как у этих троих лопнули головы, они повернулись ко мне и прокричали: «Мы поняли, что ты имел в виду. Ты оказался совершенно прав!»

Много позже Джими рассказал мне:

— Знаешь, когда я вышел на сцену, в этой своей чёрной военной куртке с золотыми шнурами, увидел всех этих лисичек среди толпы, я сказал себе, моя гитара должна со всеми ними заняться любовью. Я знал, что они этого хотели, потому что этого же хотел я.

Пит Таунсенд, напротив, посчитал, что в его выступлении не было ничего такого фантастического, но он согласился со мной, когда я сказал, что это в нём заговорила ревность:

— Когда нам пришлось работать с Джими на той штуке, которая называлась Монтерей, я начал понимать, что у этого парня на уме. У него ведь был заключён контракт с нашей массой и он всё получил через нашего менеджера. Хочешь — верь, хочешь — не верь, но его группа должна была быть нашей чёртовой группой поддержки, такими же ублюдками, каких нам обычно приходилось использовать на сцене. В их обязанности входило поддержать в толпе тот пыл, который мы обычно в них разогревали, после того как мы кончали играть. А тогда, да я расхотел играть навсегда. Я стоял совсем рядом с ним, в углу сцены и у меня было такое ощущение, что я тоже несусь куда-то вместе с ним. Я почувствовал, что забыл всё, что делал только что, и меня затягивает всё глубже и глубже и я хочу этого ещё и ещё. Да мы все жили в этот момент только им, весь окружающий мир для нас исчез, до того самого финала, в который он всегда умел вложить всю свою эмоцию.

— Когда мы приехали и нам сказали, что мы должны выступить в один день с ним, Джими возмутился так же как и я. Вдобавок, устроители поставили нас друг за другом. Он сказал мне: «Слушай, я не буду играть после тебя», — ты же понимаешь, что это для него означало. Тем не менее, я убедил Джими пропустить нас вперёд. Я сказал ему, что всё, как я это представляю, сведётся к разбиванию гитары, как это мы обычно делаем, но, знаешь, у нас в запасе было ещё полно старых трюков, а Монтерей самое подходящее место для того, чтобы вытащить их из пыльного сундука. Ещё сказал, что для Джими это шоу станет хорошим трамплином в будущее.

— Итак, мы поразбивали в конце всё, что смогли. Затем вышел Джими и начал своё дело. И, конечно же, у всех начали взрываться головы. А потом, в самом конце, когда он дошёл до точки, публика оцепенела, знаешь, это было страшно, они не могли сдвинуться с места.

— Я был среди них, видел всё, и во мне тоже всё гудело. Знаешь, всё так же, как каждый раз, когда мне приходилось видеть его у нас, в Англии, бурные овации в конце, как тогда, когда мы сделали это впервые, ну, поразбивали там все наши инструменты, а ещё этот фидбэк, и Бог знает, что ещё. Толпа не знала, как на это реагировать, была гробовая тишина, затем только вспомнили про то, что неплохо бы похлопать нам. Но в этот раз, когда подошёл к концу он, казалось, весь мир сошёл с ума. Он попытался зажигалкой поджечь свою чёртову гитару. Затем он догадался полить её жидкостью для зажигалок и она, наконец, вспыхнула. Народ не верил своим глазам. После этого у нас с Джими совсем испортились отношения, потому что думаю, он просто один из тех возмутителей спокойствия. Сомневаюсь, заботился ли он о том, достаточно ли в запасе у него инструментов для такого, и вообще.

Помимо высказанного Таунсендом недовольства, сам Джими был невысокого мнения о своём выступлении.

Он рассказал мне:

— Мне ничего другого не оставалось, как поджечь гитару, потому что, как говорится в Библии, давайте и дано будет, говорите и ответят вам, — и опять, как всегда, он говорил буквально, — и пошлётся в пламени славы (истинный реквием по бессмертным словам) сотворённый для меня день.

Безусловно, он был доволен игрой группы в тот день и, как он сам заявил, остался очень доволен своей виртуозной игрой. Он знал, что всегда игра удавалась, когда немного подымить.

— Знаешь, — сказал он мне, — какая-то лиса продала мне эту невероятную траву. Говорит, ей привезли её прямо из Мексики — в самом деле, сильная травка, очень цепляет. К тому же я выпил изрядно коки, и меня развезло, когда я вышел на сцену.

«Развезло», конечно, далеко от того динамизма, какой он показал на сцене. К динамизму прибавьте то, что является присущей только ему жемчужиной — во всём, что Джими делает на сцене — чувство момента. Впечатление такое, как если бы рядом с ним стояла его Судьба, переворачивая страницы его жизни.

Чтобы там кто ни говорил про Монтерей, фестиваль несомненно оправдал надежды менеджеров Джими и стал ему отличным трамплином в будущее. В одночасье Джими стал суперзвездой, героем андеграунда, в каждом магазине по всей Америке с плакатов смотрел Джими. От побережья до побережья каждый пытался подражать экстравагантной причёске Хендрикса, каждый старался нацепить на себя побольше всяких медалей и

шейных цепочек. Его гонорары были так высоки, что казалось, устроители концертов соревновались между собой. Но для самого Хендрикса самой главной, самой приятной, оказалась та духовная поддержка и то тепло, которые подарил ему Монтерей. Там он впервые почувствовал возможность диалога со слушателями и, более того, они прониклись его посланием любви и мира.

Он был прекрасен в своей искренности, принося свои извинения, обращаясь к публике между номерами: как если бы хотел каждому из слушателей дать понять, что именно с ним он разговаривает с помощью своей музыки. Как сказал Мич Мичелл, «интересно было наблюдать, как чувства, вытекая из самой глубины его сердца, перетекали через его пальцы в гитару. И как публика начинала видеть красоту его души».

Не подобрать слов, насколько сильный прорыв наступил в американской музыке в тот вечер. Вот как выразилась одна из газет: «Опыты прошли успешно, превратив слухи о Хендриксе в легенду о Хендриксе».

Хендрикса уловило чуткое ухо ещё одного человека—легенды, вспыльчивого Билла Грэма, владельца Филлмор—Веста в Сан—Франциско и Филлмор—Иста в Нью—Йорке и отца всего обкуренного калифорнийского саунда. Грэм захотел, чтобы Хендрикс выступил в обоих Филлморах, в двух самых престижных рок—концертных залах того времени. По его мысли — хорошее логическое завершение успеха на Монтерее.

Но это оказалось невозможным, вопреки тому, что Джими хотел этого, Час хотел этого, Ноэл и Мич хотели этого, хотел этого и Билл Грэм. Однако Майк Джеффрис уже успел заключить контракт на гастроли Опытов с идолами девочек—подростков The Monkees и ни одной маленькой щёлочки в расписании гастролей не оставалось, чтобы выступить в Филлморе.

(Когда, пару месяцев спустя, для группы всё же «нашли щёлочку» для концерта в Филлмор—Весте, на афише их имя стояло рядом с Jefferson Airplane. Опытам был оказан такой дикий приём, что аэропланы занервничали, впали в отчаяние и уехали. Опыты же вернулись на сцену и, проиграв до конца концерта, получили сверхурочные в размере 2 тысяч долларов от восхищённого Билла Грэма.)

С подписания контракта на гастроли с Обезьянами начались серьёзные разногласия между Часом Чандлером и Майком Джеффрисом. Эрик Бёрдон, которого в своё время вытащил из Ньюкасла и привёз в Лондон Джеффрис на самой заре бума британских бит—групп, сказал в интервью, в котором и я участвовал, что именно Час Чандлер вписал Хендрикса в гастроли с Обезьянами, заранее предполагая, что его «выпрут за

непристойное поведение» и, тем самым, слухи об этом ещё больше разогреют интерес к группе. Это противоречило тому, что мне сказал сам Джимми, что на самом деле, Джеффрис подписал его на эти гастроли и что Чандлер, как и он, был против этого и очень рассержен на такое «общее руководство», при котором Джеффрис в одиночку решал всё. Но, несомненно, именно Чандлер повернул всё на пользу группы, распустив слух, что концерты Хендрикса привели в ярость Дочерей Американской революции, так что группа вскорости покинула гастроли, как если бы «их выперли», что привело, в конечном счёте, только к наращиванию их «капитала».

Что произошло, то произошло, но стало одной из первых капель, что впоследствии привело к продаже Чандлером своего участия Майку Джеффрису и сделало того единственным менеджером, если не считать бесконечных тяжб с Эдом Чалпиным. На афише пан-американских гастролей название The Jimi Hendrix Experience стояло рядом с The Monkees, идолами 11–13-летних жителей чистеньких пригородов Америки.

— Да, — сказал мне Джимми, — Майк Джеффрис, вот кто организовал эти идиотские гастроли с Обезьянами. Там вовсе не наша аудитория, ему следовало бы об этом догадаться, но что я мог тут сделать? Он подписал документ, и я должен был играть. Люди, которые пришли на обезьянью музыку в стиле баббл-гам, даже не предполагали, что мы собирались им показать. Хорошо, что нас вырезали с гастролей. Было какое-то чувство замешательства, но я до сих пор рад, что выпутался из этой западни.

Определённо, всех ставила в тупик идея совместных Monkees—Hendrix гастролей. Вот как, например, эту ситуацию описала Лилиана Роксон в своей рок-энциклопедии (цитирую по изданию 1969 года):

«...летние гастроли Monkees 1967 года и ни одна мать, уже купившая билет своей яблоко-щёкой дочурке, чтобы та вдоволь навизжалась на своих кумиров — Пита, Майка, Мики и Дейви, не была готова встретить Хендрикса в этот знойный вечер на стадионе Форест—Хилл. Вот маленькая Лайна Рэнделл, невысокая блондиночка, подающая надежды, в спортивном костюмчике с блёстками подпевает своим любимым песенкам. Вот началась одна из её самых любимых, *Going out of my Head*, её мамочка в ужасе, пытается оградить её от таких слов. Но, подождите. Ничего ещё не произошло.

«Но вот на сцене появляются странного вида клоуны. На голове огромные одуванчики из вьющихся волос. Ручки усилителей вывернуты на бесконечность. А вот и сам Христос,

сопровожаемый двумя римлянами. Его чёрные волосы взвились в электрическом экстазе в такт его гитаре, излучающей страсть, с такой силой, что все мамочки, безусловно имеющие представление о хороших манерах, прикрыли глаза рукой. Так началось, но не было этому конца. Он успевал и вылизывать свою гитару языком, и целовать струны губами, и гладить ею себя, и даже попытался несколько раз насадить себя на неё, как на кол. Всё так натурально, что даже маленьким девочкам, пришедшим на Обезьян посмотреть, было понятно что, да как.»

Скандал был неизбежен и Час Чандлер решил устроить всё так, чтобы группе не нужно было отыгрывать обозначенное в контракте количество концертов. Чандлер нашёл идеальное решение, чтобы вытащить Хендрикса. И группа, освободившись от обязательств, в какие её впутал Джеффрис, смогла предпринять собственные гастроли, серию успешных концертов, но в других местах.

Первые из этих концертов прошли при поддержке нью-йоркского агентства «Мы ищем таланты» (а не пива Schaffer, как это часто можно услышать). Они состоялись в нью-йоркском Центральном Парке. Афишу возглавили Опыты, вместе с ними выступили Young Rascals (Юные Шалопайи), вооружённые своей новой сорокопяткой Groovin' и альбомом с тем же названием. После Центрального Парка последовали несколько более денежных предложений — среди них запоздалый концерт в Филмор—Вест Билла Грэма — реализованные до их отлёта обратно в Британию.

Они вернулись в Англию в конце августа, чтобы провести два выступления в последнем лондонском пристанище рок-музыки — театре Севиль, но второе выступление отменили: пришло известие, что Брайен Эпштайн, талантливый менеджер и руководитель группы Beatles, был найден мёртвым.

— У меня остановилось сердце, когда мне сказали, что умер Эпштайн, — сказал мне Джими. — Он был таким молодым полным сил котярой, он сделал невероятно много для своих Beatles.

Но особенно Джими расстраивало то, что это могло означать для музыкального Лондона.

— Думаю, это огромная потеря для всех нас, — помолчав, продолжил Джими, — потому что он старался создать целую сеть театров, рок-театров, где бы могли выступать разные группы, это бы помогло каждому человеку.

Ближе к концу года у Хендрикса был ещё один концерт в Лондоне, скорее «депрессивный», а не ещё один.

(Только несколько человек знали, что время действия

контракта с Stax Records истекло и что Отис Реддинг вёл секретные переговоры с Atlantic Records. Целью переговоров был контроль над изданием пластинок как своих, так и других исполнителей. Atlantic собирались предоставить Реддингу 6 миллионов долларов под этот проект, невероятную по тем временам сумму для чёрного исполнителя. Реддинг также собирался основать свою собственную компанию — дочернюю Atlantic.

Ходили упорные слухи, что Отис Реддинг и Джеймс Браун планируют вместе основать продюсерскую компанию для улучшения контроля над своими записями, что являлось неслыханным шагом для двух чёрных исполнителей и, как говорят, это могло бы поколебать незыблемость музыкальной индустрии белых. Также Реддинг планировал отказаться от своего менеджера Фила Вальдера из-за денежных проблем и упорных слухов, что Вальдер связан с гангстерами.

10 декабря 1967 года двухмоторный самолёт Beechcraft потерпел аварию, и со всеми находящимися на борту пассажирами ушёл под лёд озера. После катастрофы Джеймс Браун отказался от идеи основания продюсерской компании. Он посчитал смерть Реддинга неким предупреждением.

После смерти 26-летнего Реддинга оказалось, что Вальдер получил 1 миллион долларов — на такую сумму была застрахована жизнь Отиса Реддинга. Вдова Реддинга, Зельма, устроилась работать в одной из компаний Вальдера и Вальдер, по слухам, убедил Зельму продать издательские права в 1972 году за 300 тысяч долларов. Эти права приносили бы ей твёрдый доход в 2–3 миллиона долларов в год.

Причина аварии так никогда и не была установлена, пишет Myra Panache.)

Два года спустя, и тоже в декабре, будучи в Нью-Йорке и вспоминая те дни, Джими сказал мне:

— Я почти всегда плачу, когда ставлю пластинки Отиса. Его песни заставляют меня смеяться — но не так, как, знаешь, «О, смотри на это, ха-ха-ха!». Они вызывают в тебе ощущение счастья, но затем к горлу подступает комок и, чёрт побери, тебе не сдержаться и из глаз текут ручьи слёз. И я говорю себе: «Нет, надо уезжать отсюда!» Но их топчут ногами. И надо остаться, чтобы вытащить Америку из дерьма. Эта музыка, эти искусства, одни бла-бла и фу-фу-фу.

Несмотря ни на всё, Джими принял участие в концерте «Рождество шагает по планете», проводимом в театре Олимпия. Всё было очень мило, но с финансовой стороны стало ясно, что они засиделись.

Всем стало казаться, что нет будущего для такого рода форумов с творческой атмосферой концертов, в которых Джими себя чувствовал наиболее легко и хотел, чтобы все это тоже чувствовали.

Но, несмотря ни на всё, для Джими и его группы этот год оказался хорошим. И, чтобы закончить главу на весёлой ноте, остаётся вспомнить, что Опыты были выбраны читателями газеты ММ третьей по популярности группой в Англии, а сам Хендрикс провозглашён Музыкантом года читателями и ММ, и Disc.

Глава 6. Любовь и смятение

Студийные записи, над которыми работал Хендрикс всё лето 67-го, вылились в следующий альбом, *Axis: Bold as Love*, изданный в марте 1968. Однако Джими к тому времени так далеко ушёл вперёд, что новый альбом казался ему во многом историческим прошлым. И, кроме того, много всего случилось, прежде чем наступил март.

В январе группа вновь приехала в Швецию. Их предыдущее появление здесь в мае 1967, хотя и было кратким, но уже перед их, всего лишь вторым приездом Джими знали все дети цветов и почитали за идола. Его плакаты смотрели с витрин магазинов и украшали стены жилищ большинства хиппующего населения Швеции, а продажа его пластинок в Швеции была феноменальной. Джими уверяли в том, что ему будет оказан бешенный, праздничный и радушный приём.

Тем не менее, Хендрикс был далёк от счастья. Ему досаждал шум в голове. Джими-вне-сцены был мягким, глубоко-чувственным человеком, но иногда вдруг становился агрессивным, делая выпады и словом, и физически в такой степени, что становилось страшно.

Много разных людей заметили эту его способность меняться. Эрик Бёрдон, например, мне говорил:

— У Джими эти крайности в характере. Он и день, и ночь. Я бы сказал шизофреническая натура. Но на самом деле, как и всякий в музыкальном бизнесе, Джими просто экстремист.

И если Джими становился всё более неуравновешенным, то в нём также росло чувство одиночества. Случайно, в лондонском клубе *Speakeasy* я встретил девушку, шведку из Гётеборга, она видела Хендрикса тогда в январе 1968. Её рассказ о их неожиданной встрече показывает, хотя и очень кратко и незаконченно, ту отчаянную степень одиночества Джими.

— Мы с подружкой, — рассказала она мне, — увидели на афише, что Опыты Джими Хендрикса находятся в нашем городе и, идя по улице, обсуждали, где они могли бы остановиться. Я сказала, что уверена, что они в отеле Опелан. И как раз в этот момент большой лимузин, проезжая мимо нас, остановился, кто-то высунулся из окна и спросил, не хотим ли мы поехать с ними в Опелан, пропустить по рюмочке. После того, как мы поняли, что они из Опытов, мы согласились и поехали с ними в Опелан. В отеле, в баре, нас ждал Джими.

— Мы выпили несколько рюмочек, было очень весело. Но мы решили, что пора уходить, когда он предложил подняться к нему

в номер.

Таким был Хендрикс 3 января 1968, суперзвезда, приехавший в Швецию с триумфом, но не сумевший достичь того же с двумя местными простыми девчонками, после того, как он послал машину, чтобы снять кого-нибудь на улице для него. На следующий день он превратил содержимое своего номера в груды обломков.

Когда во время нашей следующей встречи в Нью-Йорке я попросил рассказать, что же тогда произошло, он объяснил это так:

— Дружище, мы приехали в Швецию на гастроли и я действительно хотел немного вздремнуть. Я думал, что номера в гостинице для нас зарезервированы, ведь обычно об этом заботятся заранее. Однако когда приехал, узнаю, что нас отказались принять две дюжины отелей. — И улыбаясь воспоминаниям о своих весьма сумбурных подвигах, добавил, — Клянусь жизнью, не могу понять почему!

— Тем не менее, прождав в баре, мы получили номера в том самом отеле. Находясь в полном смятении, я, наконец, почувствовал, что освободился и могу собраться с мыслями. Потом эта ночь, я не помню в котором часу, я был на взводе, мы с Ноэлом как всегда начали спорить, и похоже крепко подрались. Из-за чего не помню, помню только, что утром проснулся в тюрьме. Одно могу сказать, — и он опять улыбнулся, — шведские тюрьмы далеко не так хороши, как шведские девочки.

Другие гости отеля рассказывали так. Кто-то играл на барабанах и гитаре в номере Хендрикса, потом были вопли, и вопли продолжались всю ночь, пока не вызвали полицию. То, что они слышали, было злобной дракой Джими и Ноэла, последовавшей за воплями Джими, дошедшего до пьяной истерии, во время которой он крушил всё, что попадалось на глаза внутри номера. Шведские газеты писали, что причинённый ущерб превысил 400 фунтов. Потребовалось трое полицейских, чтобы его остановить, и немало времени, чтобы успокоить. Под надзором полиции он был отправлен в больницу, где ему наложили швы на руку, которую он сильно поранил, затем его забрали из больницы, отобрали паспорт, и бросили в тюрьму.

Когда Час Чандлер увидел его на следующее утро, растрёпанного и всё ещё пьяного, сидящего на полу камеры, он спросил в отчаянии:

— Что случилось?

— Я не помню, — сказал Джими. — Ты уверен, что всё это мне не приснилось?

Чандлер вытащил его: оплатил убытки, загладил дела с

полицией и другими властями, только вот был ли возвращён паспорт или арестован до конца гастролей, остаётся неизвестным.

Джими, будучи Джими, продолжал выступления, как будто ничего не случилось, как-то справляясь и с трудностями и болью, играя защитой рукой. Однако, ссора хотя и казалась забытой на первый взгляд, но в глубине Джими был далёк от прощения и забвения. И это вместе с творческими неудачами Ноэла, их разногласиями по поводу техники звукозаписи, и общим недовольством Джими, очень способствовало ощущению того, что распад группы неизбежен.

Во второй половине января Опыты отправились в свою вторую поездку по Штатам, гастроли были рассчитаны почти на два месяца, на сей раз они были во главе, а вместе с ними выступали Animals, Soft Machine и Eire Apparent. В этой поездке не было зависти и раздоров между различными участниками, что так досаждало Хендриксу в прошлый раз, он даже сдружился с ребятами из Eire Apparent. Их музыка заинтересовала его настолько, что в следующем, 1969, он стал продюсером их альбома Sunrise.

Эти гастроли только увеличили неудовлетворённость Джими своими выступлениями. К тому времени, когда турне достигло Калифорнии, в Anaheim Convention Hall он больше не мог быть на сцене таким, каким его хотела видеть публика.

— Они хотят, чтобы я был обезьяной на сцене, — говорил Джими, и больше делать этого не мог. Все билеты на концерт были проданы, что стало давно уже нормой. Он вышел на сцену перед огромной аудиторией, играл свою музыку, но без привычного зрителям трюкачества, изображающего сумасшедшего, что стало уже его товарным знаком. Толпа была разочарована. В итоге, как поклонники, так и критики называли его «не заводным».

Они не заметили, что в нём произошёл разрыв между его долгом доставлять удовольствие публике и долгом быть самим собой, и его глубоким желанием, чтобы его музыка была полноценной и воспринималась сама по себе, без помощи той сценической рутины, благодаря которой он стал так знаменит. Ни публика, ни критики не понимали, что его разрывало на части сознание того, что в этом случае его выступления превратятся в пустое техническое повторение.

— «Поп-рабство», — назвал это Джими, и говорил мне, — вся беда этого проклятого бизнеса в том, что народ старается побыстрее и побольше нарубить капусты, вот и продают себя в рабство публике. Они заставляют себя быть такими, пока не истощат себя. Поэтому группы и распадаются. Они изыгрываются.

Джими также сказал мне, что ко времени окончания американских гастролей, он понял, что необходимо сменить стиль, найти свежее звучание, и что у него много разных идей на этот счёт, идей, которые он хочет воплотить, одна из них — это строительство студии, своей студии-мечты.

В это же время давление мира бизнеса всё усиливалось.

С их точки зрения гастролы оказались очень успешными, несмотря на изнурительный и хаотичный график концертов и несмотря на личную неудовлетворённость Джими. Конечно, были и беспорядки, и случаи, когда тысячи поддельных, стоимостью в один доллар, билетов попадали в продажу, так что многие, придя на концерт, не могли попасть в зал и оставались снаружи возбуждённые и недовольные. Однако Джими это всё мало беспокоило.

Единственное, что его беспокоило, это группиз, но тут всё было в порядке. И, растворяясь в них, Джими изливал своё недовольство. Такой вот способ отомстить истеблишменту. Куда бы он ни приехал, ему тут же попадались «юные нежные штучки», как он обычно их называл. У него было так много кошечек, рассказывал он мне, что он мог жить ими вместо еды: «кошечку на завтрак, кошечку на обед и кошечку на ужин».

Помнится, Эрик Бёрдон как то сказал мне:

— Джими очень любил женщин, его очаровывала прелесть цыпочек. И я думаю, так как я с ним много общался, это потому, что он воспринимал всё изнутри. Похоже, нам никогда не понять, какими злыми могут быть эти цыпочки. И ты пытаешься изучить это зло, приблизившись к нему вплотную. Зло трётся о тебя и переходит в тебя. И прежде чем ты осознаешь, что случилось, твои кулаки уже гуляют у кого-то по лицу, хотя они не должны, а может и должны. Я не знаю. Создаётся ощущение, что попал не в своё кино. И Джими прошёл через все переделки, какие тут могут быть, дружище. Ты должен пройти, если ты настоящий артист, или ты проиграешь.

Джими, казалось, не очень радовал тот факт, что родители тех девочек, что прошли сквозь его руки, могут его пристрелить, если узнают, что он воспользовался их маленькими драгоценными дочурками. И он видел в этих родителях, попросту говоря, своих врагов.

Но даже эти «юные нежные штучки» начинали надоедать. Джими говорил мне:

— Бывало много раз, я уже почти засыпал после очередной ночной оргии и тут раздавался деликатный стук в дверь. Голый, я ковылял к двери и выглядывал наружу. А там соблазнительная маленькая штучка и спрашивает, нельзя ли ей войти, и чаще я

говорил «да». А иногда прихожу, а цыпочка, как-то сумев пробраться в номер, уже в моей постели, и если я в не настроении, зову кого-нибудь из роуди, чтобы выдворить её вон.

В конце февраля Опыты сделали перерыв в американских гастролях и вылетели в Париж, чтобы дать прибыльный концерт в том же театре Олимпия, где состоялось их первое выступление в Европе по приглашению Джонни Холлидея в декабре 1966. На сей раз им был оказан приём, какой обычно устраивают для президентов.

Из Парижа они отправились обратно в Нью-Йорк, где Джими снова встретился со мной и поведал мне свежие новости о происходящем. Мне показалось на этот раз, что Джими изменился, или может быть начал меняться. Стало заметным, что положение поп-идола берёт своё.

Мы говорили о том, что Джими сильно похудел, и он сказал:

— Да, последнее время у меня не было аппетита, но скорее от того, что много курю. Но я, кажется, ещё не забыл, что такое еда.

Он повёл меня в новый вегетарианский ресторан, который недавно открылся на углу 26-й улицы и 3-й авеню (в этом же ресторане, по воле Случая, вскоре после смерти Джими я натолкнулся на Дона Ван Влиета, чьи суждения о гениальности Джими встретятся позже в этой книге.) В тот вечер, по крайней мере, Джими ел с аппетитом.

Он сказал, что с очень большим нетерпением ожидает, когда вновь окажется в Сиэтле.

— Временами во время гастролей, — он замолчал, не договорив. — Я же там не был с тех пор, как записался в десантные войска. Было бы здорово увидеть их всех снова. Я знаю, они и не думали, что я стану таким, хотя я говорил им тогда давно, что однажды стану знаменитым. Они мне не верили!

Джими был человеком с комплексами. Добродушный, но с бурными чертами в характере. Экстраверт в одежде, но в то же время стеснительный. Приобретая популярность сумасшедшего ниггера, он всё же хотел, чтобы люди фокусировали своё внимание только на его музыке. Мы сидели в ресторане, в один из холодных дней нью-йоркского февраля 1968, его парадокс стал мне наиболее очевиден. С одной стороны он всё более и более хотел общаться со своими старыми друзьями и зачем-то стремился вернуть прошлое, ту простую жизнь, которой он довольствовался с ними когда-то, с другой стороны он всё более входил в роль суперзвезды, осознающей своё финансовое положение.

И в последнем была заметная перемена. Больше не было неопределённого отношения к тому, сколько он зарабатывал, где

его деньги хранятся, и куда расходуются. На этот раз он знал об этом всё, и сообщил мне с гордостью о своих огромных гонорарах, которые он получал за концертные выступления, и о массивных отчислениях от продажи пластинок.

В глубине Джими всё же оставался безразличен к деньгам. Возвращаясь к тому, как в начале воспринимали его Опыты в Англии и Европе, я не думаю, что даже в самых смелых предположениях Джими мог допустить, что когда-либо он будет получать столь огромные суммы денег. Даже если он всегда думал, что однажды станет звездой, не думаю, что он когда-либо реально оценивал финансовую сторону этого, за исключением предположения о том, что, став звездой, он из Неимущего превратится в Имущего. Во время этих Вторых Американских гастролей Джими осознал, что он и его талант вполне заслуживают тех баснословных сумм, которые получала группа, и он начал обращать внимание на детали того, как они делятся между ними. 50% - Джими, 25% - Мичу и Ноэлу, остальные 25% - администрации. И сколько они получают за каждый концерт.

В то время это составляло от 20 до 80 тысяч долларов за вечер, а в одном месте, в Штатах, они получили невероятную сумму в 100 тысяч долларов за 45-минутное шоу.

Джими вскоре преуспел в этом, но, тем не менее, безразличие его оставалось непреклонным в том, куда он тратил деньги. Он был действительно одним из больших транжир. Он тратил деньги экстравагантно, не думая, не считая. По малейшей прихоти он мог снять бар и обеденный зал для целого скопища людей. Кати имела неограниченный кредит в лондонском Спикизи, и её счета оплачивал Джими, не интересуясь даже на какие суммы. Однажды, девушка, которую он раньше не встречал, подошла к нему в Спикизи и сказала, что ей нужны деньги, чтобы вставить зубы: Джими дал ей 300 фунтов. В другой раз, он, не думая, дал больше трёх тысяч долларов двум девушкам, которых только что встретил в Калифорнии, чтобы они смогли сходить «за покупками».

В те дни когда Час Чандлер пытался запустить Хендрикса на орбиту, он действительно, как всем и говорил, выложил все свои деньги, продав свои гитары, все до одной, даже свой последний бас, для того чтобы Джими смог подняться на ноги. Парадоксально, но теперь, Джими смог бы купить девять гитар за раз и, разбив их за неделю вдребезги, купить ещё девять-двенадцать. Было время он не отправлялся на гастроли без тринадцати-четырнадцати гитар, и множества всякого разного рок-оборудования — вау-вау педали, настроенные на разные частоты фуз-боксы, целые ящики запасных частей и всяческих

усовершенствований, сделанных специально для него — всё это стоило немалых денег.

Для него было чуждо, представить размер своих доходов, он никогда не вёл никаких записей, не сохранял никаких чеков. Он был сродни легендарному Робин—Гуду: миллионер в душе, тратил огромные суммы денег, тут же взамен получая новые горы, он был полностью поглощён своей музыкой и ничем иным. В каком-то смысле это было единственно верным путём. Я имею в виду, что множество людей пытались присосаться к его деньгам, и деньги могли быть вложены или истрачены совершенно в другом направлении. К примеру, он собирался посылать часть денег своим родителям, но, когда я встретил в Нью-Йорке уже после смерти Джими, его отца и мачеху, то был нисколько не удивлён, узнав от них, что они не получили от него ни пенни. И у них еле хватило денег за место на кладбище, и что, когда исчез его могильный камень, на новый им было уже не собрать.

Напрашивается вопрос, а получал ли Джими те огромные суммы, которые зарабатывал?

Но вернёмся в тот вегетарианский ресторан, где он рассказал мне о своих доходах, Джими, как и прежде, много говорил о своей музыке, о своём духовном предназначении. Меня всегда поражало его видение божественного, но мне всегда было трудно уследить за запутанным ходом его мысли.

Так и не появившись на студии Эда Чалпина, Джими покинул Нью-Йорк, чтобы продолжить эти кошмарные гастроли в Сан—Франциско, затем Техас и Аризона, следом нарисовалась Канада, где год спустя его задержат с героином в аэропорту Торонто.

Но мы забежали вперёд и было бы естественно оставить это для следующей главы.

Гастроли продолжались. 54 концерта за 47 дней, включая концерт в Майами, где он был заявлен вместе с Франком Заппой и его Матерями Изобретения. При таком режиме карьера гильотинировала Джими. Вспоминается июнь 1967 и Монтерей, покорённый его очарованием, которое его, кстати, никогда не покидало. Сразу за Американскими гастролями в его планы входил 6-дневный поп-и-джазовый фестиваль в Палма на Майорке, «Музыка-68». Но к его разочарованию, и к ещё большему разочарованию его поклонников, проект был отклонён организаторами фестиваля, сославшимися на недостаток средств.

Но это эмоции, реальной оставалась лишь ежедневная гастрольная пахота, всё более и более делающая Джими несчастным. На ум приходит партизанская война, которую вели тути с англичанами. Также и зрители боролись за своё право видеть в Хендриксе исполнителя жёстких сценических эффектов.

Боролись против желания Джими просто играть музыку ради музыки. Вокруг Джими увеличивалась пропасть во всех направлениях. Взаимопонимание и доверие, давно исчезнувшее между Джими и Ноэлом (помните жестокую драку в начале января, когда Ноэл порезал руку Джими), стало исчезать даже между Джими и Мичем. Напряжение в группе росло день ото дня, но, полагаю, Джими больше страдал от менеджмента. В Нью-Йорке он сам мне говорил, что перестал доверять людям, которые вели его дела, несмотря на то, что они так много сделали для него.

Тем не менее, в мае 1968 года Джими снова в Сиэтле. В аэропорту его встретил отец, с ним были Леон, и мачеха Джими, симпатичная японочка, которую Джими увидел впервые.

По словам Джими,

— Я встретился с семьёй, и меня приятно удивили изменения в ней. Я зашёл в школу Гарфельда, откуда меня выкинули, когда мне было 16. И дал концерт для учеников. Только я. Я играл со школьным ансамблем в гимнастическом зале! Всё было бы хорошо, но было 8 часов утра, и к тому же, они не разрешили первоклассникам послушать мою игру.

Джими собирались вручить целый список почётных грамот и ключи от города, но намеченная дата торжества совпала с национальным праздником и власти решили перенести вручение на ноябрь.

— Думаешь, какие это могли быть ключи? Ну, конечно же, только от городской тюрьмы!

Но он всё же получил, и это было неплохо, в качестве гонорара, диплом об окончании Гарфельдской средней школы. Не награды и презентации подарил Сиэтл, но нечто большее — Джими окружили обыкновенные люди. Шанс вернуться из мира иллюзий — снова окунуться в простую жизнь, которую он однажды покинул. Побывать среди искренних обыкновенных людей, не гоняющимися за пластилиновыми идолами.

Вот как он думал об этом обо всём, и это было очевидно. Его возвращение домой сравнимо с перезарядкой аккумулятора, которому продлили жизнь. И он смог перезарядить свои сверхдолгоработающие высоковольтные батареи: или, другими словами, испить нектар своих корней.

Если всё это звучит так, как если бы у Джими была куча проблем и как если бы 1968 год не был удачным для Джими, то надо вспомнить, что это только одна сторона золотой монеты. В 1969, а для Джими он оказался на самом деле плохим годом, затруднения личного характера тормозили его карьеру и его творчество во всех направлениях, как мы это скоро увидим. С

точки зрения его популярности, социальной активности и успешности, 1968 год стал пиковым для Джими. Его хвалили, им восхищались, его пластинки раскупались с неслыханной скоростью. Его производительность усилилась и творчество стало ещё более новаторским, чем могли предположить самые его стойкие поклонники. И, несмотря на уменьшение визуальной эффектности и его собственные страхи примет ли слушатель его музыкальные поиски, все, и поклонники, и критики любили его. Более того, своим творчеством он завоевал уважение со стороны других музыкантов, более чем кто-либо из рок-музыки: из исполняемых им, только одна песня не была написана им самим, а Боб Диланом.

Настоящий бум вокруг его пластинок.

Когда в Америке в декабре 1967 вышел *Get that Feeling*, музыкальная газета *Cash Box* поместила вот такую рецензию:

«Блистательная гитара Джими Хендрикса, сильные мелодии, напористый фанковый вокал Куртиса Найта, поток энергии. Воодушевляет подборка песен... Эта пластинка не разочарует самого искущённого слушателя.»

Она не принесла разочарования и заняла приличное место в списке популярности. Когда в феврале 1968 Судьба снова свела меня с Джими, пластинка заняла 45 место в горячем списке газеты *Cash Box*. К тому времени как Джими вернулся из Сиэтла, где виделся со своими земляками, пластинку выпустили в Англии на массе *London Records* и там она поднялась на 39 место к концу месяца.

Одновременно, *Track Records* издали сборник его ранних боевиков под названием *Smash Hits*. Пластинка вошла в английский список сразу на 21 место и уже в первую неделю июня заняла 4 место.

Тем временем, 30-минутный телефильм *The Jimi Hendrix Experience at the Savile Theatre, 1967*, снятый Джоном Маршаллом о Джими, предвосхитил детище международной музыкальной индустрии — фестиваль в Монтерее. По выражению журнала *Роллинг Стоун* это было как «удар великана» и его немедленно показали по телевидению в Скандинавии, Голландии, Финляндии, даже в Чехословакии и Польше. К июню 1968 начались переговоры с телекомпаниями Германии, Японии и США.

Также к июню Опыты выполнили свои концертные обязательства, и Джими мог погрузиться в эксперименты с музыкой, которые всегда его так сильно увлекали. Он остался в Америке и первые дни лета провёл в творчестве, писал музыку и, постоянно себя записывая на домашний магнитофон, тщательно

прослушивал. Тоже он проделывал, к своему удовольствию, с записями своих джемов с другими звёздами и музыкантами. Buddy Miles, Mike Bloomfield, Jim Morrison, Stevie Winwood, Al Kooper, Johnny Winter, Dave Mason и Jack Cassidy были среди них.

Вот как всю эту возрождающуюся энергию и закулисную активность описывает в письме, опубликованном 22 июня в журнале Роллинг Стоун, нью-йоркский музыкант Пол Карузо:

«В марте Хендрикс переиграл почти со всеми музыкантами Восточного Побережья. От Майка Блумфелда до Джима Моррисона. Джими купил четырёхдорожечный стереомагнитофон и стал записывать каждый джем-сейшн, чтобы можно было в будущем поработать с этим материалом. Он хотел использовать его для тройника, который собирался издать в ближайшем будущем. Я сыграл на арфе в номере, который он назвал My Friend... и поучаствовал вместе со Стиллзом и группой Kenny of the Fugs в создании шумовых эффектов, имитирующих пивнушку.»

(Этот тройник, упомянутый Карузо, проявился в конце года в виде двойного альбома Electric Ladyland. Джими не ограничился приведённым выше списком музыкантов, участвовавшим в появлении этого альбома. Его имя появилось на альбоме False Start группы Love и на альбоме Стивен Стиллз, который Стиллз посвятил Джеймсу Маршаллу Хендриксу.)

Только одно чёрное облако с точки зрения публики омрачило 1968 (если не считать многочисленных жалоб на концерт в Анахайме в середине февраля). В Англии среди поклонников Джими росло недовольство — они обвинили его в «дезертирстве». Многих интересовало, почему Опыты так надолго задержались в Штатах. Английские музыкальные газеты были завалены возмущёнными письмами и даже обозреватели и музыкальные критики не скрывали своего беспокойства о долгом их отсутствии.

К несчастью, вошло в правило, что группы, впервые поднявшиеся в Англии, надолго покидали страну и добивались большего успеха и собирали большую аудиторию за океаном. Но так как Джими изредка, но всё же появлялся, он не был так «виновен» как другие. Поклонники Дилана, например, ждали своего идола с 1966 по 1969 год и увидели только на час на острове Уайт.

В 1968 Джими всё же появился в Англии, его Опыты должны были украсить рок-фестиваль в Woburn Abbey. Как и прежде поклонники устроили ему бурный приём, но Джими остался недоволен своим выступлением. Уже в Нью-Йорке, когда речь зашла об этом концерте, Джими сказал мне:

— Нам никак было не начать играть вместе. Не было даже намёка на то, что в этот раз у нас получится. Сейчас, оглядываясь назад, думается, мы просто устали, потому что много выступали, и всё это было больше похоже на репетицию, чем на концерт.

Во всяком случае, Хендрикс объяснил своим возмущающимся поклонникам, почему он так редко бывал в Англии в том году. Он сказал газетчикам:

— Я — американец. И я бы хотел, чтобы соотечественники увидели меня. Да, нас приняла и Англия, и Европа, но это не всё на что мы способны, очень хотел бы, чтобы на родине нас тоже полюбили.

— Мне понравилась Англия, но домом она мне не стала. Думаю, наша планета — вот мой дом. Но я не хотел бы на ней пустить корни, мне не нужен отдых, движение — моя жизнь. Точно знаю, что поселиться я хотел бы в каком-нибудь очень необычном месте. И, — добавил он откровенно, — есть одно соображение, почему я здесь, в Америке, и оно очень ценное — мы зарабатываем здесь гораздо больше денег. Нам, как и всем вам, тоже нужно есть, платить по счетам. К тому же, в Америке очень много мест, где можно играть, редко приходится играть на одной и той же площадке, как это было обычно в Англии.

Тем временем, было ли это за пределами Америки или нет, пластинки стремительно раскупались и держались на высоте везде, и в Англии в том числе. Axis стал золотым, а Smash крушил всех вокруг.

В октябре в Англии вышла новая сорокопятка.

На первой стороне сорокопятки перчик от Боб Дилана All along the Watchtower и чтобы там ни говорили, версия самого Дилана, изданная ранее в этом же году на его новом альбоме John Wesley Harding, Диланом безжалостно упрощена. Хендрикс же его ледяные стихи поженил со своей яркой, обжигающей гитарой. Хендрикс всегда всем говорил, что лирика Дилана оказала на него огромное влияние и, несомненно, он совершенно справедливо окрасил одну из лучших песен Дилана своим волшебным прикосновением. Многие критики сходятся во мнении, что Хендрикс завершил её, как если бы она была сочинена им самим.

«Возбуждающе звучащая гитара, — трубили газетные рецензии, — типичный для Хендрикса открытый вокал. Триумфальное шествие по Штатам песни Дилана в исполнении Хендрикса. Ещё одно золотое перо в крыло славы Джими. Приятный бас украшен феерическими перкуссиями. И теперь эта долгожданная пластинка взломает пространство реальности у нас, в Англии.»

На обороте — композиция Хендрикса, Hot Summer Night.

26 октября она появилась на 48 месте английского списка популярности, через неделю взлетела на 18-е, и ещё через неделю заняла уже 6-е место.

В тот же день, 9 ноября, вышел двойник Electric Ladyland и сразу вызвал вокруг себя споры... из-за обложки. На обложке — двадцать, или около того, голых девиц, слегка искривлённых объективом фотоаппарата. В результате, большинство пластиночных магазинов отказались выставлять в продажу этот альбом, но, впрочем, их мораль не устояла против соблазна заработать на новом бестселлере. Они продавали его из-под прилавка, как грязные книжки.

Когда я спросил Джими, что он думает по поводу этой обложки, он сказал мне:

— Мне самому она не нравится, но я ничего не мог поделать. Они никогда ни о чём со мной не советуются.

Сам же альбом показал нам, что многое изменилось за лето 1968 года. Во-первых, с появлением сорокопяти All along the Watchtower стало ясно, что интересы Джими не ограничились своими собственными сочинениями (как это было совсем недавно, особенно после того как он возненавидел Hey Joe). Не считая Hey Joe и She's so Fine Ноэла Реддинга, всё, что исполняли Опыты, было написано Джими. На новом двойнике, несмотря на взаимную неприязнь, Джими поместил новую вещь Реддинга Little Miss Strange, и, помимо написанной Диланом, даже Come on, сочинённую Earl King'ом.

Более того, многие музыканты, с которыми Джими джемовал, как и ожидалось, были привлечены к созданию этого альбома. Во время формирования Опытов Джими был уверен, что группа, состоящая более чем из трёх музыкантов, обречена на вечное торможение и копание в себе. Теперь, на Electric Ladyland, наоборот, Опыты усилены такими величинами, как Mike Finnigan, Larry Faucette, Freddie Smith, Buddy Miles, Stevie Winwood, Jack Cassidy и Al Kooper.

По словам Джими, этот альбом отобразил то, чем он всегда хотел заниматься.

— Я чувствовал, что не был ограничен объёмом пластинки. Это был новый опыт, ни с чем несравнимое чувство свободы.

И он добавил:

— Все номера, очень много для меня значат, в них мы все. Альбом очень отличается от всего того, что мы делали прежде. Даже если начать с 92-го звукового мазка Небес.

— И теперь, прежде чем все набросятся на нас, хочу сказать, что необходимо сказать, перед тем как они и станут нас

критиковать — в них мы все.

И, естественно, должен был наступить момент, когда Джими захочет сам продюсировать всё, что написал, сочинил, аранжировал и запустил в космос, и такой момент настал. С выходом Electric Ladyland стало очевидно, что он более чем готов взять на себя рычаги управления.

Час Чандлер до сих пор продюсировал его записи и временами чувствовал, что Джими хотел бы сам это делать, хотя Джими ни разу не намекал ему и даже не говорил об этом никому. Но однажды он очень мягко дал знать Чандлеру, что бы тот никогда больше не утруждал себя продюсированием его пластинок.

Часу впервые дали понять, что пора раскланяться. Во всём проявлялись разногласие и натянутость, незаслуженно обрушившиеся на Чандлера, всегда старавшегося представить всем и продвинуть такого вспыльчивого и неуравновешенного человека как Хендрикс, и всегда старавшегося удержать вместе всё время распадающуюся на части группу. К этому надо прибавить глубокие расхождения между Чандлером и Джеффрисом во взгляде на менеджмент, каким ему следует быть. И теперь, сколько бы сил он ни продолжал прикладывать, с таким же успехом он, по их словам, держался бы за соломинку. Чандлер продал свои 50% Майку Джеффрису (и теперь он стал контролировать всё) и грациозно удалился. Позже его втянули в проект Ноэла Реддинга, злополучный Fat Mattress (Сальный матрац), и ещё позже он плотно занялся и довёл до звёздного лоска Slade, группу, ставшую сейчас для многих идиолом.

Уход Чандлера хоть и вызвал сожаление у Хендрикса (а он определённо об этом жалел — говорят даже, много позже он просил Чандлера вернуться, но тот ему отказал), но это никак не отразилось на его популярности.

В ноябре, в том же месяце, когда в Англии Electric Ladyland поступил в продажу, Джими, наконец, получил «Ключи от города Сиэтл» — гениальной ход официальных мошенников и продавцов порно. Быть чёрным, значит оставаться по ту сторону прилавка.

— Как ему удалось одурачить стольких людей и так надолго? — вопрошал один желчный газетчик, но он не нашёл ни одного, кто бы его поддержал.

— Интересно, неужели моя старая школьная учительница так прониклась мною, что вручила мне «Свободу Сиэтла», — в задумчивости произнёс Джими. — Она была тогда очень привлекательной... Может быть, сейчас она уже одна из «Дочерей Американской революции?»

В эти дни один журналист, беря у Хендрикса интервью,

сказал, преследуя какие-то свои цели, что известная английская певица Петула Кларк то ли является активным членом какой-то Анти—Хендиксового общества, то ли только собирается такое общество создать.

— Ну, я представляю сколь приятно ей думать, чтобы такого сказать обо мне. Но я её очень хорошо понимаю. Она известна своими прогрессивными идеями, чего нельзя сказать о многих поп-звездах. Возьми, к примеру, Пресли, у него всё ещё много поклонников, но что он прогрессивного сделал? Он только укрепил один банк, в котором держит свои деньги. Но это не моё. Я не знаю никого, кто бы продолжая эксперименты с музыкой, сделал бы большие деньги, но их уважают, по крайней мере, в правом полушарии... в Англии, например. Меня не знали в Америке, до того дня, как до них долетело известие, что Англия приняла мою музыку.

Одновременно с наградой из Сиэтла, Хендрикс по числу голосов читателей английской музыкальной газеты Disc стал музыкантом мира номер один. И к концу года накопил целую коллекцию подобных похвальных знаков. В списке газеты Record Mirror Опыты занял 7-е место среди лучших всемирных групп, Джими — 2-е место среди соло-инструменталистов, 19-е среди лучших вокалистов-мужчин и, а это лично было приятно ему, 11-е среди одевающихся со вкусом. Тем временем, читатели MM выделили ему 2-е место среди самых популярных музыкантов мира. Подытожил 1968 год американский рок-журнал RS, наградив Хендрикса лучшим среди рок-н-рольных альбомов года — Electric Ladyland и фотографией на обложке, что означало: он выбран лучшим концертирующим артистом года.

— Это не всё, — сказал Джими ранее в этом году, — я бы хотел удостовериться, примет ли нас Америка.

Ответ очевиден — всемирная звезда, награды везде, голосов в изобилии, и, конечно, самое главное, Electric Ladyland стала золотой, и продажа её не ослабевает.

Если бы это была волшебная сказка, на этом можно было бы и окончить главу. Но... чрезмерное нагромождение трудностей, которые каскадом сыпались на Джими весь следующий 1969 год, ставший, в контраст 1968 году, менее успешным и менее продуктивным, начало уже проявляться. Изобилие любви, которое принёс с собой 1968 год, ещё более усилило смятение в душе Джими. И к концу года из-за многочисленных срывов, вдали слышался звон колоколов по Джими Хендриксу.

В конце года с Джими на улице произошёл несчастный случай. Ничего значительного, но это на некоторое время привязало его к больничной койке — были порваны связки на

ноге. Где-то в это же время, ему было запрещено появляться в Карнеги—Холл и дали понять, что и в будущем ему не дадут выступить у них, даже если он вытравит «непристойность» из своих действий на сцене.

Прибавьте к этому, отстранение Чандлера от дел, которое можно сравнить с потерей кораблём якоря. Час помогал Хендриксу не только в ведении финансовых дел. Он ввёл его на английскую музыкальную сцену с гениальным пониманием важности первого впечатления. Он с увлечением отдался творчеству Джими, уравнивая собою чисто денежный интерес Майка Джеффриса. И всё время с конца 1966 он оставался верным ему другом. Но с конца 1968 Джими потерял поддержку полностью выдохшегося и отстранившегося от дел Чандлера.

В добавление к этому, ухудшение отношений между Джими и Ноэлом обострилось до предела. Он слышать уже не мог требования Джими, что и как он должен играть, он был сыт своей второй ролью. Он мечтал снова взять в руки гитару и подумывал о создании своей собственной группы «Сальный матрац».

Тоже происходило и с Мичем, хотя он и имел больше свободы в группе, чем Ноэл, но накопившаяся усталость только и ждала удобного случая, чтобы сказать Джими «прощай», даже, несмотря на то, что Джими нравился его свободный стиль игры. И, также в конце 1968 года, Мич с головой ушёл в свой проект, свою группу, и стал пробовать себя в продюсерстве.

Но самым тяжёлым, что нависло над группой к концу 1968 года, стали Чёрные Пантеры. В Штатах возросло количество демонстраций чёрного населения, перерастающие в крупных городах в кровавые стычки между чёрными и белыми. И Ноэл, и Мич чувствовали на себе это напряжение, они оба видели в чёрном движении пропасть, вырисовывающуюся между хиппи (состоящими на 98% из белых подростков) и чёрными своего же поколения. И оба не хотели в этом участвовать. Совсем незадолго до этого Джими, как-то произнёс: «Дети цветов — это эксперимент, в основном завязанный на наркотиках, а их идея всеобщей любви только увеличивает ад вокруг проблемы цветного населения в Штатах. Цветные музыканты раньше не отваживались выступать в Южных штатах перед белой аудиторией, но теперь, после сумасшествия движения Цветов насилия стало меньше.»

И теперь, оглядываясь в прошлое, можно сказать, что затруднения имели политическую окраску. Они всё более и более препятствовали нормальному проведению концертов. И большим грузом ложились на плечи Мича и Ноэла, двух белых парней,

двух очень богатых белых парней, стоящих в тени чёрнокожей суперзвезды. Ситуация и для Джими становилась всё тяжелее. Ему стали предъявлять свои требования более молодое воинствующее поколение чёрной Америки. Их перестала интересовать его музыка, он требовали от него возглавить Чёрное движение. Их возмущало и то, что в его группе белые. И то, что он выступал в основном перед белой аудиторией из среднего класса (какими и являлись хиппи), а не перед его чёрными братьями.

Давление росло как снежный ком, что и привело к распаду Опытов, только увеличив проблемы и боль в наступившем 1969 году.

Уже в ноябре 1968 поползли упорные слухи, что Опыты распались, но соберутся вновь, чтобы сыграть только пару концертов. В феврале 1969 пришло официальное объявление о распаде группы, напечатанное в новостях о последних двух концертах, которые состоятся в лондонском Алберт—Холле, по завершению американских гастролей.

Ко времени роспуска группы в газетах много писали о доходах музыкантов, и хотя на Джими пришлась львиная доля капусты, Ноэл Реддинг фактически оказался самым богатым из группы — ярко были воспоминания о днях, проведённых в полной нищете и он экономил на всём. Напротив, Джими тратил не считая. Мич же тратил их довольно осмотрительно, не придерживая их и не считая их самозабвенно как Ноэл, но и не бросая деньги на ветер, как это постоянно делал Джими.

Тем не менее, он более чем остальные стремился заняться работой над своей собственной музыкой. Вот как он говорил об этом журналистам:

— Набрать группу не составляет для меня труда... Существует много гитаристов, конечно, не таких как Джими, но со многими я играл прежде в разное время. Тебе что-то нравится и ты счастлив, и совсем не значит, что нужно добиваться такого же эффекта. Это как с женщиной.

Мич решил ввести в свою группу трубу (Eddie Thornton), тромбон (Derek Wadsworth) и орган (Graham Bond) и, конечно же, гитару и бас. С Эдди и Дерекон он играл прежде в группе Georgie Fame's Blue Flames. И в одном известном всем доме в Кенсингтоне их стало можно услышать и увидеть прыгающими и трясущимися вплоть до того времени, когда обычно по утрам встаёшь пописать.

— Многие так поступают, — сказал Мич. — Джорджи Фейм и Алан Прайс так делали, ничего плохого в этом не вижу. Само собой ничто не сделается, если сиднем сидеть на своей заднице.

Когда пришло время дать прощальный концерт в Алберт—Холле, на концерт пришли родители Мича вместе с его дядей,

также поступили и многие звёзды. Так в первые дни многие видные музыканты приходили посмотреть на Хендрикса с его Опытами, среди них — Кэт Стивенс (который был уже на высоте, когда те ещё только давали свои первые английские концерты), Chris Wood, Denny Laine и Dave Mason.

Пару недель спустя Джими объяснил мне, почему он согласился на проведение этих последних концертов в Алберт—Холле.

— Мне сказали, что это неплохая идея, во-первых, меня не было в Англии уже порядочное время, а во-вторых, это поддержит продажу моих пластинок. Ну, я и подумал, что с меня не убудет, а капусты подбросят, да и увидеть снова старушку Англию было мне приятно.

Но ни из-за капусты, а совершенно неофициально, Час Чандлер был там, на самом последнем концерте, чтобы только удостовериться, что всё в порядке. Именно из-за этого и поползли слухи, что Джими просил Чандлера вернуться и стать его менеджером, на что Чандлер ответил отказом.

Несмотря на то, что слухи не подтвердились, приятно, что люди так думали. Во-первых, Джими никогда не нравились методы Майка Джеффриса. Во-вторых, и это самое главное, Джими становился всё несчастнее в роли суперзвезды, мечтая снова оказаться среди своих старых друзей. Я уже писал о том, как летом 1967, встретившись на студии Эда Чалпина, мы снова записывались вместе, а в следующем году он испытал душевный комфорт, вернувшись ненадолго в свой родной город Сиэтл. И после развала Опытов, решив создать чисто чёрный ансамбль, пригласил своего старинного приятеля ещё по парашютно-десантному полку бас-гитариста Билли Кокса. Но совсем скоро снова вернул Мич Мичелла на его законное место и уже последние свои 12 месяцев играл в основном только с Коксом и Митчеллом.

Но об этом позже. А сейчас вернёмся в Алберт—Холл...

Номера, которыми Джими открыл этот концерт, были жёсткими и мощными, но постепенно темп стал стихать и вышел на блюзовую волну. Выступление длилось чуть более часа, но слушатели с таким воодушевлением его приветствовали, что вынудили его исполнить старые стандарты: Foxu Lady, Purple Haze, Fire и Hey Joe.

Как вы понимаете, слушатели сошли с ума, один парень так завёлся, что залез на осветительные фермы над сценой и начал там изображать какой-то дикий танец, пока его, под восторженные возгласы толпы, не снял один из рабочих сцены.

По выражению Valerie Mabbs, обозревателя из Record Mirror,

этот понедельник оказался для Хендрикса кризисным в чахоточной лихорадке последнего концерта.

Джими, по её словам, был вовлечён в записи и съёмки.

— Наш концерт в Алберт—Холле был записан и планировался издать следующей пластинкой. И собираемся в ближайшем будущем работать на студии, но у меня уже созрела в голове вещь для следующей сорокопятки. Я бы хотел выпустить Stone Free сорокопяткой в Штатах.

Вот как Джими описал ей своё разочарование по поводу байкота, объявленного Англией его Electric Ladyland.

«Мы хотели сами участвовать в монтаже и микшировании, но к несчастью у нас не было времени. И инженеры без нас переписали материал для Англии, при этом многое было потеряно. Я узнал об этом совсем недавно, и собираюсь сам всё переделать.»

Во время, когда готовилась концертная пластинка, Джими участвовал в съёмках. Это не было их первым опытом, хотя вот слова самого Джими: «В ближайшем будущем я собираюсь принять участие в съёмках вестерна. Будет наша музыка, но не мы сами в этом кино. Как в фильмах с Микки Маусом. Возможно, я буду изображать отрицательного героя — метиса.»

Также в этом интервью много сказано о том, что Джими собирался делать в будущем, о его музыке, о его музыкальных примочках и контролировании всего процесса и даже о том, что он собирался отдохнуть в Англии прежде, чем вернуться в Штаты:

«Я абсолютно уверен, что английский слушатель считает, что он знает всё и всё переслушал. Если бы он, хотя бы выслушал всё, чем обладает, я уверен, он бы стремился узнать что-то новое. Мы всегда стараемся быть искренними в своей музыке, и если люди чего-то не понимают, это только означает, что они просто не слушали. Музыка сама по себе может многое сказать, даже если стихи из двух слов...»

«Многое изменилось в моей жизни. И вот что я понял, я старался подделывать людей под себя. Это было моё собственное решение, но время многое изменило...»

«Должно быть что-то большее, о чём люди ещё не догадываются. Люди используют мельчайшую долю своего разума, оставляя невостребованными огромные возможности мозга. Если бы только люди не концентрировались на внешних проявлениях, они бы нашли истинное счастье. Путь к волшебству, которое является всего лишь формой научного исследования и воображения, перекрыт нашей системой образования, которую можно назвать порождением Верховного Зла. И всё потому, что люди находятся в страхе перед возможностями своего разума...»

«В Америке кто-то мне сказал, что учёные уже нашли способ управлять мыслительными импульсами. Вот, например, человек переключает каналы на своём телевизоре. Ясно, что кнопка ничего не чувствует, но определённый импульс, возникший в мозгу человека, заставляет работать телевизор. Перед нами открывается столько возможностей...»

Кати Этчингем была с Джими на этом последнем концерте в Алберт—Холле и, на пути домой, с ними произошёл, можно сказать, комический эпизод. Они уже свернули на ту улицу, на которой находился их дом, было далеко полночь, Кати с огромным букетом роз, подаренным каким-то поклонником, проникшим за кулисы, Джими с гитарой, и вдруг их останавливают полицейские. В Лондоне в эти дни гостил ещё один американец, в отличие от Джими, прославившийся дурной славой — Ричард Никсон, и, как Джими мне со смехом рассказывал:

— Они приняли самые строгие меры, чтобы обеспечить безопасность этого важного белого отца нации. Узнав меня, полицейские рассмеялись. И спросили, не «machine-gun» ли я несу в гитарном футляре? Я и ответил им: «О, конечно же, ведь я Джон Диллинджер!» Тем не менее, они обыскали меня очень тщательно.

Джими ненадолго остался в Лондоне, наслаждался отдыхом, ходил по друзьям, давал интервью. Но мысли его были далеко, были заняты его студией Electric Ladyland, которую строили для него в Гринвич—Виллидже в Нью-Йорке. Поэтому возвратился он, конечно же, в Нью-Йорк.

Появившись на нескольких концертах на американском берегу Атлантического океана, он вылетел в Торонто, где был задержан в аэропорту с героином и гашишем в своём багаже.

Но это уже новая глава...

Глава 7. О том, как из рук красных мундиров ускользнула добыча

Канадская полиция знаменита на весь мир тем, что не упустит возможности найти себе жертву. Ну а это история про человека, который всё же ускользнул из их цепких лап — Джими Хендрикса.

Однажды Джими сказал мне, что он давно хотел сыграть в Торонто, зная, что среди канадцев много его поклонников, но с другой стороны у многих его друзей были проблемы с гастролями по Канаде и он никак не ожидал, что такое может произойти и с ним.

Всё началось сразу же, как только они сошли с трапа самолёта в международном аэропорту Торонто после перелёта из Лос—Анжелеса. Джими уже привык, что его везде долго держат на таможне. Он уже привык к тому, что самая придирчивая это американская таможня. Но канадская... это стало для него неожиданностью.

Вот как это было со слов самого Джими. Когда он сошёл с трапа самолёта, при нём было только полётная сумка, но он не сомневался, что его могут задержать. Они считают, что надо досматривать всех длинноволосых уродов, в особенности музыкантов. (Нет надобности говорить, что они не останавливают тех, у кого действительно много вещей, но внешне ничем не отличаются от других. У таможни выработался стереотип, раз волосатый, значит — наркоман.)

— Когда этот парень начал перетряхивать мою полётную сумку, одно было у меня в голове: «Быстрее бы всё это кончилось» — хотелось скорее добраться до гостиничной постели и рухнуть. Пару часов назад я проглотил мадракс и хотел успеть поспать перед концертом.

Сейчас уже трудно стало доставать это снотворное, так как многие его используют, чтобы получить кайф, сродни кайфу от спиртного — ничего похожего на душевное успокоение, которого можно достичь с помощью более нелегализированных препаратов.

— Как бы там ни было, вдруг этот кошак и говорит: «Ну, вот! А это что такое?!» — и выуживает из моей сумки пузырьёк, который я прежде никогда не видел. Он препровождает меня в досмотровую, этакий кабинет полный напыщенных мундиров, и заявляет после нескольких ничего незначащих вопросов: «Ну, мистер Хендрикс, вы меня извините, но нам необходимо сделать

анализ вещества, находящегося в вашем пузырьке и этих пакетиках.» И любезно предложил мне подождать... в чём-то очень напоминающем загон для свиней.

— Скажу тебе, заняло это у них совсем немного времени и, определив, что в пузырьке героин, а в пакетиках гашиш, они арестовали меня, сказав, что в суде разберутся. Из тюрьмы меня выкупил мой менеджер, выложив кучу капусты, — залог составил 10 тысяч долларов, — предварительно уверив их, что обязательно вернёт меня к суду.

В итоге, Джими перед концертом не удалось поспать и, хотя начало концерта прошло без задержки, Джими был на грани обморока.

И ничего удивительного, что Джими добавил:

— Я отработал бы концерт в любых условиях, и я пытался, но сознание всё время выключалось.

Но была ещё одна причина помимо накопившейся усталости.

— Было нелегко, — пояснил Джими, — я всё время думал о том, а что если бы они, в самом деле, совершили показательное задержание? Спустя какую-нибудь минуту после моего ареста, это бы было во всех газетах, передали бы по радио и телевидению. Уверен, они не дали бы мне выступить, несмотря на то, что все билеты давно проданы и Канада понесла бы огромные убытки. До сих пор не понимаю, почему мне позволили провести этот концерт.

— Во всяком случае я счастлив, что выбрался живым из Канады — я слышал рассказы о жестоких шутках канадской полиции — закроют дверь на замок и сделают вид, что ключ потеряли.

Мир тут же наполнился слухами, которые составили первый акт Канадской афёры.

Одни, самые устойчивые, заключались в том, что в Канаде, в отличие от Штатов, где деньги и ловкие юристы вытащили бы Джими из любой ситуации, коррупции нет ни в каком виде и некому написать сочувственную и в то же время влиятельную статью. Какую сочинили в The Times, чтобы спасти Мика Джаггера в своё время и, если бы Джими был действительно виноват, то он был бы виноват. И пришлось бы ему сидеть в канадской тюрьме очень долго.

Другие слухи, очевидные своей абсурдностью и, естественно, не подтвердившиеся — что Джими собирался сбежать на секретную студию, и записать там неизвестное количество новых песен, так что даже если бы его и посадили в тюрьму на семь лет, а такой срок для тех, кто пытается провезти героин, пластиночные компании имели бы достаточно материала, чтобы

не прекращать выпуск его пластинок в последующие годы. Так как ни в их интересах, ни в интересах Джими не было упустить такую прибыльную возможность в случае многолетнего молчания Джими. Ведь вы бы тоже не продержались долго на сборниках.

Хендрикс, как бы там ни было, с облегчением покинул Канаду, а что произошло в его жизни между этим посещением Канады в начале мая 1969 года и следующим его приездом в конце этого же года об этом в следующей главе. Но, всё же, забегаю вперёд, расскажу о втором акте спектакля под названием «Канадская афёра».

Как всем уже хорошо известно, 8 декабря 1969 года Джими снова оказался в Торонто, на следствие прилетело много свидетелей и из Штатов, и из Англии. Впечатляющий процесс, но более всего всех удивляло то, что Джими был в это вовлечён. Здание суда было окружено тысячей любящих глаз детей эры цветов, кто искренне поддерживал Джими. Они хотели, чтобы их герой, их брат знал, что он не одинок.

Его сторонники пытались пробиться на галерею для слушателей, но она оказалась такой узкой, а желающих было так много, что огромное большинство их было разочаровано. Тем не мене, слушание прошло без каких-либо происшествий.

Джими в защиту себя, и это очень характерно для него, говорил лишь правду: ему незачем притворяться, что он никогда не пробовал наркотики и что не собирается заявить, что суд этот — чисто политическое дело, в котором единственное его «преступление» это то, что он чёрный.

И на вопрос, принимал ли он когда-либо наркотики, Джими тут же ответил, что да, и марихуану, и гашиш, и LSD, и кокаин, и добавил — о чём обычно говорил и в частных беседах — что никогда не пробовал героин.

Он также сказал суду, возможно думая, что искренность более выгодна для него в данную минуту, и, справедливо предполагая, нужна ли здесь вообще кому-нибудь его дословная правда, что для него наркотики стали вчерашним днём, и более важно теперь интеллектуальное возвышение, бесконечный духовный рост.

Продолжая, рассказал, что часто он и члены его группы получали в подарок от поклонников сладкие пирожки и кексы, сделанные из гашиша или травки, и множество других подарков, внутри которых находилось LSD или что-нибудь ещё.

По мнению Джими, это единственный способ, как то, что нашли таможенники в его наплечной сумке, могло попасть туда. Джими рассказал, что 1 мая он дал концерт в Лос—Анжелесе, и вот что произошло потом:

— У меня разболелся желудок и та цыпочка, которая была со мной в номере, дала мне этот пузырёк, сказав, что это облегчит мои страдания. Я был в полной уверенности, что это бромозельцер, или что-то аналогичное, и бросил его в свою сумку, даже не раскупорив. Я тут же забыл про него, и вспомнил только тогда, когда эти парни из таможни выудили его со дна моей сумки в тот день в аэропорту.

К счастью в номере находилась ещё одна женщина, репортёр из Лос—Анжелеса, которая подтвердила, что видела, как к Джими попал этот пузырёк с жёлтой крышкой.

11 декабря 1969 с Джими Хендрикса сняли обвинение и последнее, что увидели и представители власти, и его поклонники, когда он, под руку со своими бессменными лисичками, покидал здание суда это сверкающую Ви, что означало победу.

Окончание этой истории, в которой из рук красных мундиров ускользнула добыча, будет неполным, если не сказать рифмой:

Поймай Лиса
Посади в клетку
А затем
Выпустим мы его.

Глава 8. Разожги ночник

Ещё до провала в Торонто, Джими Хендрикс приобрёл себе новый дом, а точнее, очень и очень старый. Крупным шрифтом в Daily Mirror появился заголовок: «Аллилуйя! Гендрикс поселился в доме Генделя!»

(Журналистам повезло, Джими был в хорошей форме. «Скажу вам по правде, как на духу, друзья ничего мне не сказали, и я даже не знал, что это была его берлога, знаете, пока не въехал туда.»)

Он поселился там — это была середина января 1969 — с Катей Этчингем и представил её журналисту Daily Mirror так: «Это моя любовь, моя предыдущая любовь, и, возможно, моя следующая любовь, это моя мать и сестра, и... всё остальное, моя Йоко Оно из Честера.») Но этот дом на Брук—Стрит больше подходил для торжеств, чем для жилья, и после концерта в Торонто в мае, Джими прочно осел в Нью-Йорке. В городе у него оставалась умопомрачительная крыша, такая футуристическая берлога, но он удалился в свой безмятежный рай в Либерти, за городом. Ноэл и Мич вернулись домой в Англию, у них были свои планы.

У Джими, казалось, не было никаких идей. Пит Таунсенд поделился со мной своими впечатлениями:

— Я встречал его, случайно, пару раз в Нью-Йорке. Стоило только отправиться в Дервню и ты его обязательно где-нибудь встретишь, случайно, как будто Время от него отвернулось, на несколько лет отбросив его назад.

Он навещался в город время от времени, на день—два, предпочитая оставаться в Либерти, где отдыхал, пытаясь собрать свои мысли вместе.

Он старался найти выход и выход его сам нашёл, выход, который можно назвать «обратно в чёрное».

Его обвиняли, что он отвернулся от своих чёрных братьев и это стало неиссякаемым источником беспокойства: он посчитал, что они исказили его идеи. И, несмотря на то, что было очень трудно вызвать Джими на разговор на эту тему, я знаю, сколько неприятностей он от них натерпелся. С другой стороны, его беспокоило, что большинство его слушателей были белыми и только 10% - чёрными. И многие чёрные организации по всей Америке ему часто на это намекали, они считали, раз Джими занял такое высокое положение на музыкальной сцене, то, как их чёрный брат, он должен на них работать и приносить пользу не только музыкально, но и финансировать их Движение.

Хотя он всегда гордился цветом своей кожи, всё это очень нервировало Джими потому, что он был равнодушен к Путешествию в Чёрное Сознание.

Тем не менее, Джими, после утомительной борьбы со всеми этими давящими на него обстоятельствами, решил отдать долг Чёрному Единству музыкальными средствами. Что он мог и чему он хотел посвятить свою жизнь. Говорят, он вступил в ряды Чёрных Пантер, и я не могу с надёжностью опровергнуть это, но я убеждён, что это только слухи, распускаемые ими самими. Джими был полон всевозможных идей, его духовная философия, его любовь к людям как таковым, его неприязнь к «путешествиям в чёрное сознание», его неприятие всякого рода «Организаций», всё свидетельствовало в неправдоподобности его принадлежности к Комитету. Здесь стоит упомянуть, что когда Джими создал себе в поддержку группу только из чёрных музыкантов, они редко выступали вместе. Более того, последние 18 месяцев своей жизни он играл с Мич Мичеллом (для Джими звучание было важнее цвета кожи) и Билли Коксом и, хотя Билли и был чёрным, Джими позвал его потому, что он был его старинным приятелем, таким жизненным стержнем, на который всегда можно опереться.

Более того, если забежать вперёд, в май 1970, то можно найти сообщение о возрождении Опытов в прежнем составе (что, конечно, никогда не произошло).

Подытоживая сказанное, кажется нереальным думать, что Джими дал увлечь себя Чёрным Пантерам. Единственное, что он сделал в действительности, и это показывает скорее его отчуждённость мышления, он выписал чек на 5 тысяч долларов благотворительному фонду Мартина Лютера Кинга: и то потому, что Мартин Лютер Кинг был для Джими человеком, которым он восхищался и уважал.

Джими начал снова играть с Мич Мичеллом где-то в июне 1969, именно тогда он позвал Билли Кокса к себе в группу. Про Чёрное Единство было забыто в следующие 6 месяцев.

— Мы оба служили в Форт—Кемпбелл в штате Кентукки, однажды я, проходя мимо армейского клуба, услышал немыслимые звуки гитары, доносящиеся изнутри. И решил посмотреть на того гитариста. Кто ж, как ни Джими там играл. Я представился и сказал, что играю на басу. Я выбрал одну из бас-гитар, стоящих тут же — у них там были инструменты едва ли не всех марок, и трудно представить, как военные могли бы их все использовать. Нам понравилось играть вместе и мы решили, что из нас выйдет хороший армейский ансамбль. Мы нашли одного офицера, играющего на саксофоне и барабанщика, и, после пары репетиций, стали постоянно играть в разных армейских клубах, и

в других местах. У нас здорово получалось.

Вот как Джими вспоминает те дни, когда только познакомился с Билли Коксом:

— Мне нравилась уверенная игра Билли. Он здорово держал ритм. У него не было желания произвести впечатление эффектной игрой, но он крепко всех нас связывал вместе.

И если сравнить игру Билли с игрой Ноэла Реддинга, станет ясно, почему после Опытов Джими позвал именно Билли. К тому же, как мы уже об этом писали ранее, Джими хотел собрать вокруг себя музыкантов, которым бы доверял, знал бы их личный потенциал.

В июле он выступил с Билли на Ньюпорт'69 Фестивале, а в августе на Вудстоке. После Ньюпорта он на некоторое время задержался в Калифорнии, но затем вернулся в пригород Нью-Йорка, где была по его словам «электрическая семья» музыкантов и писателей: и друзья, и народ увлекающийся старыми блюзами, и просто скучающие, и композиторы-новаторы, и разнообразные чудики, и даже музыканты из Африки.

В это время, он многое сделал, чтобы воплотилась его давнишняя мечта о собственной студии, спродюсировал альбом Sunrise группы Eire Apparent, и стал менеджером группы Cat Mother — хотя с трудом можно представить Джими в роли менеджера-бизнесмена, в полном смысле.

Несмотря на всю кажущуюся активность, 1969 год стал для Джими не таким громким с тех пор, как Судьба посадила его на своё волшебное крыло славы. Но Вудсток стал чудесным исключением в цепи неудач, он оказался глотком чистого воздуха среди чрезмерного нервного напряжения и бесконечных сомнений — крыло Судьбы в очередной раз коснулось Джими.

Вудсток, самый известный рок-фестиваль, проходил совсем рядом с домом Джими в Либерти, на фермерских полях с пологими холмами, обрамлёнными озером и лесом; великолепное место для проведения уикенда.

Но, конечно, одних природных условий оказалось недостаточно. Невероятные усилия были приложены со стороны молодых энергичных устроителей фестиваля. Им пришлось заниматься всем. Никогда ещё на концерте на открытом воздухе не работало вместе так много электриков и техников, многие из них были добровольцами. Обслуживающий персонал, рабочие сцены, рабочие по возведению ограждений — просто неисчислимое количество работающих людей, приготавливающих всё необходимое для встречи огромного количества молодых людей со всех концов страны — и городских детей-цветов, бежавших, спасаясь от основного потока и нью-йоркских

тараканов, и живущих коммунами на просторах Среднего Запада, и с упорством добирающихся всеми путями с самого Сан—Франциско.

Итак, 400 тысяч.

400 тысяч звёзд в одной эпической киноленте: вот, что такое фильм о фестивале с простым названием Вудсток. Заснят исторический шанс, заснят воздух дружбы и единогласия, заснято волшебство нескольких выходных дней, исходящие не столько от музыкальных звёзд, появляющихся и исчезающих с помощью вертолётов, как на грандиозных военных учениях, сколько от простых зрителей, участников фестиваля. Вудсток воплотил в себе величайшую утопию — город мира, посмотрите фильм и у вас возникнет это ощущение. Не удивительно, что этот фильм стал наиболее любим среди любителей рок-музыки по всему миру, по сравнению с другими концертами, запечатлёнными на целлулоиде.

Джими всегда нравилось выступать на фестивалях — он верил в них, в их объёмность, позволяющую ему говорить с публикой своей музыкой. Нигде он не мог проявить себя так, как на фестивалях, ведь Джими, несомненно, был звездой и духовным лидером. И, несмотря на то, что Джими был одним из самых высокооплачиваемых артистов, его невероятная трактовка Национального гимна, одновременно и фейерверк искр, и яркое исполнение, отразило переживание за будущее своей несчастной страны всего поколения — из-за огромного разрыва между устремлениями детей цветов и реальностью никсоновской Америки.

Вудсток сказал: всё, хватит, точка, и Джими своей музыкой тоже поставил точку, закрыв фестиваль.

И более конкретно, чем в этот раз — и немного ранее, в этом же году, был другой фестиваль, было другое место: в городе Денвере, в штате Колорадо — Джими вынужден был сказать: «Всё, хватит, точка». Но это была другая ситуация и другой смысл был вложен.

Денверский «фестиваль», состоявшийся в начале июня 1969 года, стал последним концертом, сыгранным Опытами в цепи неожиданно появляющихся выступлений их программы: «Прощание с Америкой». И вы думаете, я стану сравнивать его с Вудстоком?

Денвер, это место, с которым я хорошо знаком. Мой отец, когда бросил мою мать — а мне было 4 года, уехал в Денвер и живёт там до сих пор, занимаясь тем, что жарит мясо для тех, кто приезжает посмотреть кино, не вылезая из своего авто, в районе Пяти Точек, самом сердце чёрной части города. Денвер находится

на краю Среднего Запада, на много миль вокруг нет больших городов, что привлекает сюда туристов. Только представьте огромное плато с милой вышиной, окаймлённое горами со сверкающими снегом шапками, чистый воздух и свежую родниковую воду.

Лучшего места для проведения фестиваля не найти, но... полиция Среднего Запада сразу куда-то исчезала. Никто из глав Денвера не был заинтересован в том, чтобы Джими Хендрикс выступил в их городе, несмотря на огромное количество желающих купить билет. И служба безопасности с превеликим удовольствием отсиживалась в своих берлогах. Всё это привело к тому, что концерт превратился во вторжение марсиан.

Когда у нас с Джими речь зашла об этом концерте, Джими высказал свою точку зрения, на то, что там произошло:

— Я был в восторге от чистого и свежего воздуха в Денвере и всё шло так прекрасно, что я никак не мог предвидеть такой оборот событий.

— Мы играли для сорока, может быть пятидесяти тысяч, а эти чёртовы полицейские выстроились вокруг сцены, как отряд СС. Это совсем не вязалось с настроением ребят, пришедших на концерт.

— Ну и как, скажи, им расслабиться? Вот несколько ребят, видно уже достаточно возбудились, чтобы захотеть подобраться поближе к сцене. Но вместо того, чтобы спросить нас, полицейские вдруг начали стрелять по ним гранатами со слезоточивым газом, устроив настоящую войну. Началась паника. Облако газа ветер понёс на нас. Мы здорово испугались, люди, спасаясь от газа, побежали в нашу сторону.

— Представь массу бегущих на тебя людей, панику среди этих чёртовых полицейских, желание смести всё и вся на своём пути, и выместить своё раздражение на полицейских за их убогую организацию концерта.

— И вот, мы все прыгнули в грузовик с нашей аппаратурой и нас закрыли на замок снаружи — я до сих пор не представляю, как бы мы иначе выбрались оттуда живыми. Ребята прорывались на грузовике сквозь разгневанную толпу, желающую буквально разорвать грузовик на куски.

Таким образом, здесь, в Денвере, Джими не смог сказать «всё, конец, точка» своей музыкой из-за того, что его прервали и сорвали концерт. Он многое мог бы высказать полиции Денвера, но среагировал по-своему:

— Позже я послал телеграмму шефу денверской полиции: «Make Love Not War. Peace — Jimi Hendrix».

В конце года, после очередной зачистки полицией на пути в

Торонто, он возвратился в Нью-Йорк, где, наконец, осуществил свой исключительно чёрный проект. Новую группу он назвал the Band of Gypsies. Трио составили: сам Джими, Бадди Майлз и Билли Кокс.

С Бадди Джими познакомился в Нью-Йорке и к этому времени они уже были большими друзьями. У Майлза был контракт с Mercury, он уже нарезал несколько альбомов, по-разному успешных, и играл с популярной группой Electric Flag. Всемирную известность ему принесла сочинённая им Them Changes. Выпущенная сорокопяткой, она попала в американский горячий список.

С собой он принёс в группу очень динамичный соул, южный, чёрный стиль пения. Его пение переносит тебя в какую-нибудь из южных баптистских церквей. Где дуют в трубы и бьют в бубен, вызывая в тебе прилив эмоций и религиозного экстаза. Он также привнёс в группу свой собственный, ни с чем несравнимый стиль игры, которым он завоевал уважение в среде музыкантов. Он был, что я называю, барабанщиком без костей. Он держал обманчиво-простой ритм. Ко всему этому он очень хорошо смотрелся со сцены.

Можно услышать мнения, что стиль игры Бадди Майлза не подходит под стиль Джими. Возможно, они по-своему правы: определённо проект the Band of Gypsies не мог длиться вечно, и как мы видим, в середине концерта им трудно было играть вместе. Но, тем не менее, короткую жизнь этого коллектива, провал этого проекта в музыкальном смысле, не стоит сводить к простой несовместимости стилей.

Не надо забывать, что на Джими в это время свалилось множество проблем и этот проект был его попыткой как-то разрешить их, но так и остался попыткой. Попыткой создать полностью чёрный ансамбль, и как я уже упоминал выше, Джими окончательно понял, что между его музыкальными устремлениями и тем давлением, которое он испытывал со стороны чёрных организаций и чёрных лидеров, образовалась огромная пропасть.

Вот с чем Джими пришлось бороться. Известно, например, что ему нравились The Last Poets. Они пришли из Гарлема, неся музыкально-поэтическое послание, выраженное уличным языком, и оформленное в мелодичные песни душевного поиска, спетые, а точнее, напетые выразительным унисоном с самым простым аккомпанементом, иногда даже с одним бонго. Их багажом было Чёрное Сознание, их пластинки, хотя и запрещённые к проигрыванию почти всеми радиостанциями Америки, стали бестселлерами; в основном их выступления проходили в

колледжах. Их революционность — уникальна. Все четверо выросли в самой ужасающе грязной части Гарлема, где наркотики были много доступнее, чем простая еда.

Заслуга их в том, что они показали своим чёрным собратьям не только шокирующие примеры, погрязших в чувственных наслаждениях братьев, но и необходимость школ для чёрных, развития чёрной экономики, усиления чёрного единства, как единственный путь вырваться из нищеты. Последние Поэты пробуждали сознание, вместо обычной для чёрного позиции: «fuck everybody else, всё, что мне надо, я и так возьму», они пели об объединении, создании Организаций. Они пели о необходимости вынуть головы из собственных задниц, а руки убрать со своего или чужого сексуального органа, и собраться вместе, стать единой чёрной силой.

Несмотря на то, что Джими Хендриксу не нравилось то, что он обычно называл «путешествием в чёрное сознание», ему нравились Последние Поэты, он видел в них некую выразительность направления.

Частью, причина, почему Последние Поэты привлекали Джими, заключалась в самом Гарлеме. В своё время он исходил Гарлем вдоль и поперёк, там он испытал, какого быть бедным и чёрным в городе Нью-Йорке, но и самые его приятные воспоминания связаны с Гарлемом, там он встретил Фей, стройную и сексуальную чёрную цыпочку, с которой я его и встретил, когда впервые познакомился с Джими.

Мать Фей считала Джими немного странноватым и надеялась, что увлечение дочери долго не продлится, однако Джим продолжал видеться с Фей, всякий раз, как приезжал в Нью-Йорк. И как только он вернулся в город после Англии, он отправился к ней. И сообщил, что привёз ей подарок. Подарком оказался пакетик LSD, чего она совсем не ожидала. Но Джими всегда полон всяких сюрпризов, он всегда был таким, и предъявил ещё один сюрприз в лице Кати Этчингем, которую привёз с собой в Нью-Йорк. К удовольствию Джими они подружились.

Джими периодически виделся и с Девон. Она была из тех, кто мотается из Нью-Йорка в Англию и обратно, по минутному желанию — теперь же Девон ездила вслед за Джими. К этому времени Джими уже встретил Монику, но хотя они и не проводили вместе много времени, но уже возникло между ними глубокое чувство.

В первые дни его пребывания в Англии, как он мне рассказывал, он с Катей часто вспоминал своих цыпочек, она понимала, что это нужно было ему, чтобы чувствовать себя

свободным. Но, в то же время, несмотря на дружбу с разными цыпочками, несмотря на упорство, с которым он стремился почувствовать себя свободным, и запутанность отношений, это всё было для него очень утомительным.

Насколько запутаны были отношения видно из интервью, которое дала Пэт Хартли, 27-летняя жительница Нью-Йорка, «катастрофически невезучая группиз», как он себя называла, журналу «Запасное ребро» (август 1973) о Джими, о своей подруге Девон, о себе и о том хаосе из группиз, окружающем Джими:

«У Джими была способность привязывать к себе людей, я чувствовала, как меня затягивает, но я не была готова окунуться с головой в эти отношения. Болтать с ним — да, приятельствовать с ним — да, но увлечься им — нет... Временами беседовать с ним становилось очень тяжело, он становился таким странным, я хочу сказать, он был необыкновенной личностью. И не только потому, что он был великолепным гитаристом. Он обладал невероятным чувством юмора, эстрадные комики не идут ни в какое с ним сравнение. Но... серьёзно увлечься им... Девон, это другое дело, она была серьёзно им увлечена, а я... я ходила за ней, как её тень. Я хочу сказать, вот звонит она мне и спрашивает, почему я ещё в Нью-Йорке, когда он в Лондоне, а я сижу на диване, а мне не встать. И вечно со мной такое. Особенно, когда так много кругом свежих цыпочек...»

«Рядом с ним всегда несколько известных группиз и Девон, конечно же, среди них, но она ни с кем надолго не оставалась. Она не собиралась ни с кем связать свою жизнь, она была действительно независимой особой...»

«Джими — это ещё та штучка, достоверное описание» — такой подзаголовок имеет фильм — «биография», вышедший в 1973 году. Помните то место, где с защёчным юмором описана обычная ситуация: открывается дверь, а в дверях стоит этакая соблазнительная цыпочка? «И как же не откусить от яблока?» — говорит он себе под нос, с трудом соображая, откуда это чудо. Эх, дамочки, вы же сами приходите к нему на порог, нет сил вас прогнать, а потом сами же говорите, что он мешок проблем.»

«Музыка для Джими, как навязчивая идея, я хочу сказать, что у него было что-то, чего обычно не бывает у остальных. Хочу добавить, что таких называют интровертами. Мне не хватает мозгов, чтобы представить, кем бы он мог стать... Единственно, в чём я уверена, он был влюблён в свою музыку, только ею он и хотел заниматься. Часто не сходил со сцены до 6-ти утра, играя джем, или с кем-нибудь, или с рояльной банкеткой, или просто с пустым местом. Его мысли были заняты его музыкой 24 часа в сутки. К утру, обойдя все клубы, пора бы идти домой, а он

вырывается на студию и играет, играет... примерно до 11 и уже потом отправляется домой спать. Его на самом деле ничего не интересовало кроме музыки. Ему нравилось фантазировать, что может произойти вокруг него, но ему не нравилось, что 50 тысяч цыпочек бросались на него, только потому, что он Джими Хендрикс.»

«Более робкого человека я не знала, но если он почувствует, что вы ограничиваете его свободу, берегитесь. Майкл Джеффрис поступил по своему: он просто изолировал его от внешнего мира.»

В этом месте интервью, Марион Фьюджер переспросила Пэт, что она под этим имеет в виду и Пэт разъяснила:

«Кругом одна грязь. Всё было сделано руками Девон, она отобрала шесть цыпочек, свела их с Джими и дерьмо понеслось по трубам. Телефон не умолкает, дамочки сыпятся градом с лестницы, в общем — полный абсурд. Ничего не остаётся, как каждую ночь путешествовать в кислотный рай, или что-нибудь похлеще...»

«Уверена, Джими знал, что если, например, он сказал Колетт, что встретится с ней в четверг в 8, то Колетт должна позвонить Стелле, Стелла, в свою очередь, звонит Девон, Девон идёт за Джими, колотит в дверь и, собрав его в охапку, отправляет на вечеринку. Смешно, если бы это не было так грустно. Не понимаю, затрачено столько энергии, ради чего? Он хотел этого, мы все хотели этого, возраст у нас такой был, но музыка, вот чем он хотел заниматься всегда и везде.»

«От нас же он ждал искренности... я не имею в виду слова, он искал в нас чувство. Но трудно быть искренней в таких условиях.»

«Фей была его первой девушкой. И он хотел, чтобы после его смерти Фей и Девон были вместе, он был уверен, что Фей сумеет вернуть Девон на рельсы, «потому, что она была очень открытым человеком». Джими был для неё всем, но мы тогда об этом не думали и когда, вдруг, мы узнали, что Джими не стало, мы все сразу поняли, что он имел в виду... что именно, должно произойти, когда однажды в 11 часов он не проснётся. И когда это случилось, кровь ударила нам в голову... нас всех объединил клочок газетной бумаги с именем Джими наверху.»

Итак, конец 1969 года — меньше чем год до смерти. Его новый проект, Band of Gypsies, осуществлён. И ситуацию, в какой он оказался из-за него, вы бы могли сравнить с паутиной, сплетённой женщинами вокруг Джими.

Дебют Band of Gypsies состоялся в театре Филмор—Ист Билла Грэма, расположенного на углу 2-ой авеню и 6-ой улицы, в канун Нового Года, 31 декабря 1969. Помню, было тогда очень холодно.

В программке рядом с Band of Gypsies Джими стояло имя одной чёрной группы из Гарлема: The Voices of East Harlem (Голоса Восточного Гарлема). Артисты, от 10 до 19 лет, все в джинсах и с бубнами в руках, с невероятным юношеским задором неожиданно выскочили на сцену, тут же создав атмосферу чёрной церкви, так обожаемую участниками службы. Несомненно, весёлое настроение было и у огромной толпы, мёрзнувшей снаружи в ожидании чуда — проникнуть внутрь. Среди простых поклонников Хендрикса было и много громких имён из рок-элиты, счастливых от того, что им удалось попасть в этот вечер на концерт Джими, и сгорающих от любопытства, что же из себя представляют Band of Gypsies.

Концертная пластинка, записанная этим вечером, вышла в мае 1970 года и стала первой после большого перерыва с осени 1968 года, первой после двойника Electric Ladyland. Она издана Capitol, а не обычной для Хендрикса Warner Reprise. Capitol всегда печатала всё, что записывала студия Эда Чалпина.

Это явилось следствием решения суда между Майком Джеффрисом и Эдом Чалпиным, который состоялся из-за того, что действовал ещё контракт, заключённый между Джими и Capitol Records (моё имя всё ещё стоит в этом контракте), когда Джими так внезапно исчез во второй половине 1966 года, улетев с Час Чандлером в Англию.

Решение суда было следующим: Warner/Reprise продолжают обладать правом на записи Джими Хендрикса, но Capitol Records принадлежат права на один следующий альбом (которым стал Band of Gypsies); Майк Джеффрис остаётся главным менеджером Джими, но Эд Чалпин имеет право на издание записей, сделанных на его студии Джими и мною.

Типичная ситуация для Америки. И когда, например, альбом Band of Gypsies переиздали в Англии, он вышел на обычной для Джими маске: Track Records. В Европе и Англии эта проблема ждала решения, поскольку она не была подтверждена английским судом. И вот, вновь, меня вызывают как главного свидетеля в обвинении, выдвинутом Эдом Чалпиным, возвращающим нас в 1965 год. Но по непонятной прихоти Судьбы Майк Джеффрис погибает в авиакатастрофе над Францией за день до того как он должен был дать показания в суде, посвящённом расследованию подробностей смерти Джими в Лондоне.

(Джеффрис вылетел из Испании авиакомпанией Иберия, военный истребитель подрезал им крылья. Во Франции была забастовка авиадиспетчеров.)

Но это отдельная тема, выходящая за рамки нашей книги. Здесь же скажем только, что яркая вспышка осветила встречу

нового 1970 года, фейерверком искр рассыпался дебют Band of Gypsies.

Только с волшебством могу сравнить это выступление — это было, как если бы кто-то определённо знал, что музыкальная жизнь Band of Gypsies коротка, и другого раза не будет. Весь концерт я простоял за кулисами, но особенно меня заворожила Machine Gun. Резня в Кенте, где полиция расстреляла мирную студенческую демонстрацию, возникала вновь и вновь перед глазами из звуков гитары Джими.

В эту новогоднюю ночь публику особенно сильно проняло исполнение, переработанной специально для этого концерта и теперь уже ставшей легендарной, композиции Бадди Майлза Them Changes.

Это была поистине волшебная ночь, и многие не могут не согласиться с Биллом Грэмом, когда он, предложив издать пластинку, благословил этот проект словами: «За всю историю театра Филмор—Ист не было лучшего концерта.»

Но сам Джими не был в восторге от этой записи:

— На некоторых вещах слышно, что моя гитара не строит, но они давили на меня, чтобы я дал согласие на издание этой пластинки, и вот, она перед вами. Многое очень даже неплохо, но многое должно было быть лучше.

И, как всегда, аплодисменты и публичное признание ничего не значили для Джими и только, когда он сам убедился, что музыка хороша, он успокоился. Но, несмотря на то, что дебют Band of Gypsies был объявлен успешным, ни воодушевления, ни музыкального удовлетворения Джими не испытал.

В связи с этим, когда, через пару недель, Band of Gypsies предложили возглавить ещё один концерт, он согласился без особого энтузиазма, потому что денег, которые он получил бы с этого, далеко не хватило бы для завершения строительства студии его мечты, Electric—Ladyland, цели, к которой он так упорно и долго шёл.

— Знаешь, — сказал мне Джими, — сколько бы я не зарабатывал концертами, всё это много меньше той суммы, что я взял займы у записывающей компании, а ведь долг когда-то нужно будет возвернуть.

Второе появление Band of Gypsies должно было состояться в конце января. Это был грандиозный «Концерт за мир» на нью-йоркском стадионе Madison Square Gardens. Небеса только знают, откуда возникла эта идея медленно вращающейся сцены. Думаю, находчивые организаторы хотели, чтобы не было жалоб со стороны заплативших немалые деньги зрителей, что они видят только затылки исполнителей, стоящих за стеной из усилителей.

Здесь чего только не было: от чемпионата по боксу до цирка, от баскетбола до хоккейного матча, от шоу лошадей до роликовых коньков, от лужайки для боулинга и «Зала славы» наверху до знаменитого железнодорожного вокзала «Пенсильвания—Стейшн» внизу. А в этот день — вопящая на 19 тысяч голосов толпа поклонников с нетерпением ожидала Джими Хендрикса. Мне казалось, что ещё чуть-чуть и огромный куполообразный навес обрушится от ритмичного топання 38 тысяч ног.

Говорят, что в этот вечер кто-то дал Джими кислотную пилюлю и он проглотил её перед тем как выйти на сцену. Что я могу сказать на это, я был там, стоял за кулисами и ничего подобного не заметил.

Мне запомнилось лицо Джими, с каким он шёл на сцену вслед Билли Коксу и Бадди Майлзу, Бадди, обутому в английские сапоги цвета электрик с белыми звёздами. Он взглянул на меня как-то по-особенному: так обычно он смотрел, когда ему что-то не нравилось или раздражало.

Позже он мне рассказал:

— Слушай, эта чёртова сцена поворачивалась так медленно, я бы успел дерево обучить игре на гитаре.

В первом же номере у Джими лопнула струна и я видел, как он нервничал из-за того, что роуди замешкался с заменой гитары. А в середине второго, после неудачных попыток сыграть, он подошёл к микрофону и сказал: «Извините нас, но мы никак не можем сыграть это вместе.» И ушёл со сцены.

Потрясённые 19 тысяч сидели, не проронив ни слова. Тишина такая, что слышно было, как клоп писает в подушку. Так они сидели минуту, другую, затем взорвались, сообразив, что Джими сделал то, что должен был сделать. Это и стало концом Band of Gypsies.

Я встретил Бадди спустя несколько дней после смерти Джими и спросил, как ему работалось с Джими, вот, что Бадди мне ответил:

— Это было, как подарок судьбы. Джими доверил мне самое дорогое — свою музыку. Чары Опытов с него спали, и я был рад разделить с ним труд над новым материалом.

Также он сказал мне, что уверен, это был бы очень успешный проект.

— Билл Грэм признался журналистам, что концерт, с которого была нарезана пластинка, дебютная пластинка Band of Gypsies, одно из величайших рок-н-рольных шоу, когда-либо виданных им.

Я спросил, почему, по его мнению, у группы была такая

короткая жизнь?

— Ну, во-первых, время было беспокойное, Джими испытывал на себе огромное давление и не только со стороны менеджеров. Он не успевал справляться с новыми идеями. Думаю, вместе это и стало причиной, почему он покинул сцену на концерте в защиту мира, и почему группа развалилась. Такое случается.

После роспуска группы Джими некоторое время чувствовал себя неважно. Он приходил в клуб Scene на Вест 46-й улице, но даже сил не было играть, он садился за столик и позволял группиз окружать себя, и в зависимости от настроения уходил с одной или несколькими. Казалось, не было предела его сексуальной энергии, тем не менее, временами она его покидала, даже тогда, когда прямо перед ним стояла какая-нибудь цыпочка в костюме Венеры, предоставленном ей богиней любви.

Он забросил писать музыку, он забросил сцену.

В мае появилось объявление о возрождении Опытов в первоначальном составе. Но Джими, вызвав из Англии Мича, пригласил на место Ноэла Билли Кокса. Когда кто-то спросил у Джими, в чём причина такой замены, он ответил:

— У меня всегда было желание заменить бас-гитариста. Ноэл явно выпадал. Уверенный стиль Билли мне больше подходил. Я не собираюсь говорить, кто хуже, кто лучше, просто я предпочитаю более плотную игру. Не могу сказать, чтобы было сейчас, если возродить Опыты... они стали привидением, всё равно, что дарить увядшие цветы. У меня полно идей и я хочу думать наперёд, а не жить вчерашним днём.

Осев накрепко в Нью-Йорке, Джими вместе с Мичем и Билли отправился на гастроли, самый известный концерт которых прошёл в Беркли 30 мая. Его записали и из записанного материала была нарезана пластинка, вышедшая уже после смерти Джими.

Затем Гавайи. Прежде он никогда там не был и очень обрадовался, когда ему предложили выступить там с концертом. Прибыв на место, и узнав, что концерт состоится у подножия действующего вулкана, он понял, что это знак Судьбы. А мне рассказал:

— Однажды на землю спустится летающая тарелка и все, кто будут при этом, вспомнят, что я знал, откуда они и зачем они прилетели к нам. Это будет небольшая группа людей с планеты Материи Мудрости, с миссией мира и любви.

Джими остался на Гавайях для съёмок фильма Rainbow Bridge, который был показан, наконец, только в 1973 году в Лондоне, в то же время когда вышел на экраны, так называемый,

биографический фильм о Джими: Jimi Hendrix. Песни, прозвучавшие в фильме были записаны в разное время и на разных студиях, Но большинство из них — на студии Electric Ladyland 1 июля 1970 года, Джими помогали в этом Билли и Мич и, как всегда, Guetto Fighters (подпевка) и Juma Edwards (перкуссии).

Спустя четыре недели Джими дал свой последний концерт в Америке. Судьба сыпала намёками, которые стали ясны только много позже: ведь это оказался Сиэтл, где он родился, вырос и где всё это начиналось.

Итак, 28 июля 1970 года. Джими Хендрикс, Билли Кокс и Мич Мичелл.

Как только пришло время музыкантам выйти на сцену стадиона под открытым небом, словно сама Судьба предупреждала их о нависшей трагедии. Ничто не предвещало дождя, поэтому в спешке сооружался навес над сценой, пока нетерпеливую толпу в 9 тысяч человек поливал ливень. Навес всё же удалось соорудить и на сцену вышли музыканты с Джими, одетым наиболее цветасто, чем обычно: ярко жёлтые сатиновые брюки, лично для него скроенная рубашка с пирамидальными рукавами лилово-зелёно-голубо-бело-розового цвета. Выглядел он, как кто-то метко сказал, «как психоделическая радуга».

Неожиданно, как только группа вышла на сцену, люди ринулись к нему, как если бы увидели Бога, подобно океанской волне, в едином порыве желания покреститься. Но Джими грубо заиграл, болезненный звук врывался из его гитары, и неважно было, какую песню сейчас играла группа. Он отставал, как если бы потерял контроль. Его тело дёргалось, будто он был одержим Верховным Злом. Сплошная агония духа.

Кругом одни, намокшие от дождя, сконфуженные и разочарованные, устремлённые на него лица. Напряжение росло и стало столь невыносимым, что Джими прокричал в микрофон: 'Fuck you! Fuck you!' Но тут он увидел улыбающееся, обращённое к нему лицо маленькой девочки лет трёх в жёлтом платье. Со счастливой улыбкой он вернулся к микрофону и произнёс: «Я бы хотел посвятить следующую песню маленькой девочке в жёлтом платье, сидящей вот там». Она оказалась единственной из всей толпы, кто искренне радовался.

Но люди не проявили обиды. Им было видно, как Джими страдал. Из разных мест стали доноситься возгласы: «Мы любим тебя, Джими!» Он моментально почувствовал волну любви на себе и тут же заиграл так, как вспыхивает пламя свечи перед тем, как порыв ветра её задует.

Близилось окончание концерта, Джими перекинул через себя

ремень гитары и, бросив её на сцену, ушёл. Отвращение было на его лице. Его встретили намокшие лица друзей, стоящих всё это время сзади на сцене, он о чём-то с ним переговорил и вернулся к микрофону, и, видя, как вымокшие люди начали покидать свои места, спросил: «Есть среди вас те, кто учился в средней школе Гарфельда?» Услышав возгласы: «Да! Да!», Джими тихо произнёс: «Как давно это было». Это был один из старых отчаянных трюков вернуть внимание толпы, совершенно безнадёжных. Джими попрощался со своей семьёй с друзьями и снова вернулся в Нью-Йорк.

Месяц спустя, а точнее 25 августа состоялось открытие собственной студии Джими — Electric Ladyland, мечта Джими стала реальностью.

На начальной стадии было много споров, в каком месте лучше построить студию. Выбор пал на самый центр Гринвич—Виллидж на шумную 8-ю улицу, одну из главных в западной части Деревни. В здании располагался театр «живых картин», прямо за углом — знаменитый Washington Square Park, любимое место встреч музыкантов. По воскресеньям там можно встретить и ансамбль из Греции, и блюзменов, и группу, играющую фолк-музыку: услышать почти любой стиль музыки, какой можно вообразить, одни собирались, чтобы посмотреть и послушать, другие — попеть вместе. Везде атмосфера праздника.

Именно такое место больше всего подходило для мечты Джими — студии. Вот почему для строительства студии Джими выбрал место, где провёл самые счастливые моменты своей жизни в Нью-Йорке.

Недалеко был и нью-йоркский двойник лондонского Speakeasy — Nobody's, где собирались видные музыканты, заправили шоу бизнеса и люди из рок-среды.

Напротив студии стояло странное строение из красного кирпича, с закруглёнными углами, совершенно не похожее на другие дома квартала.

В целом, было ясно, мечта сбылась.

Но всё же были серьёзные проблемы. Например, очень беспокоила близость метро, слишком велика была вибрация от проходящих под землёй поездов. Но Джими успокоили тесты, доказавшие, что студия сконструирована таким образом, что шум метро был совершенно не слышен.

Другой проблемой стали долги, в которые залез Джими. Джими очень досаждало, что его финансовые дела были в плачевном состоянии и, чтобы внести свою долю в строительство студии, ему пришлось одолжить огромную сумму у своей записывающей компании. Другую долю внёс Майк Джеффрис, его

партнёр в этом предприятии.

Вот что Джими сказал мне по этому поводу:

— Знаю, что только что потратил уйму денег, но я и заработал уйму, но я не думал, что мои финансовые дела настолько плохи. Я так верил им, я им доверял, а они подвели меня. Определённо, нужно что-то менять.

Но, несмотря на разочарование по поводу состояния его дел и горечь, которую принесли с собой гастроли в Сиэтл, настроение у Джими было приподнятое и он смело смотрел в будущее, его мечта, своя студия — сбылась.

Внутри всё было устроено так, чтобы создать атмосферу космоса. На входе нужно пересечь электронный луч. Пройдя прихожую — туннель, который ведёт в студию 1, основную студию. Этот туннель-коридор, немного скруглённый и обитый мягкими тканями, с ковром на полу, создаёт впечатление, что находишься на борту самолёта. На студии — 32-дорожечник со всеми электронными новшествами, которые только можно представить, во главе с ведущим инженером Эдди Кремером. Несколько разных роялей, множество усилителей и даже своя ударная установка (хотя многие группы предпочитают при записи пользоваться своей собственной).

Джими хотел, чтобы на студии всё было под рукой, он хорошо помнил дни, когда у него не было гитары, а усилитель вынужден брать взаймы, только на время выступления. Позже, была Англия и фестиваль на острове Уайт, мы снова встретились, и это была наша последняя встреча, помню, как он говорил мне:

— Надеюсь, что моя студия станет популярной среди музыкантов, а иначе, зачем бы я её строил. Хочу, чтобы им были доступны самые современные нововведения. Надеюсь, всё оборудование самое современное, самых последних моделей, и усилители, и клавиши, и многое другое, и надеюсь, их не надо будет сразу отдавать в ремонт. Помню, когда мы с тобой познакомились, кажется, что это было так давно, у меня не было ни гитары, ни усилителя, и ты мне отдал тогда свою. Я хотел что-то сделать для своих братьев музыкантов, таких прекрасных людей, идущих каждый своим путём.

Уверен, если бы Джими не ушёл тогда, его студия стала бы самой популярной на всём Восточном Побережье вопреки мнению Эрика Бёрдона.

Бёрдон довольно холодно отнёсся к его проекту. Вот как мне он объяснил свою позицию, высказав некоторые свои соображения.

— Не думаю, что это хорошая затея, — сказал он мне. — Но это моё личное мнение. Джими знал это, и я знал, но мы никогда

с ним об этом не говорили, нас всегда интересовала больше сама музыка. Но сам бы я никогда не стал там записываться, из-за всей этой нервозности, на меня это плохо действует: терпеть не могу его менеджера — Майка Джеффриса, вот что я хотел сказать.

— Майк Джеффрис привёз нас тогда в Лондон. Мы подписали контакт, но потом, он стал выдавливать из нас каждый пенни. Он имел нас, и это превратилось в систему. Вот какой этот Майк Джеффрис. Это же он проделал и с Джими.

— Когда они с Часом стали его менеджерами, Час взял на себя режиссуру. И надо сказать, у него неплохо получилось. Он был полон идей. Все гастроли, и Монтерей в первую очередь, это идеи Часа. Считаю удачей, что занимался этим Час.

— Думаю, и продюсером он был более удачливым, чем сам Джими, при всём моём уважении. Уверен, только Час знал, что делать с пением Джими. И с наложениями. Тогда как, когда Джими сам занимался наложениями, он плохо понимал, что делать с дорожкой, где записан голос. Моё мнение, заслуга именно Часа, что так хорошо сбалансирован голос с инструментами.

— Но позже Майк Джеффрис захватил весь менеджмент целиком, потому что Час по личным причинам не мог больше работать с Джими, сам знаешь характер Джими. Вот так Джеффрис стал единственным менеджером. К тому же он всё время торчал на студии.

— Вот почему у меня совсем нет желания там записываться. Я был там, однажды, когда записывали дорожку к Волосам.

— Может я не прав, но когда после всей этой грязи на улице спускаешься в подвал, чтобы попасть на студию, знаешь, для меня это тоже, что окрестности Дьенпъенфу после битвы. И, знаешь, думаю, Хендриксу там не место, ему бы быть в Лос—Анжелесе, или в Денвере, или ещё где, или в Сиэтле, например. Ещё я его вижу на Гавайях среди вулканов.

— И, конечно же, в Нью-Йорке, здесь всё.

Наконец открытие, которого так все ждали, 25 августа. Все кто там был, мог буквально купаться в шампанском, в дыму экзотических стран, все пришли с подарками в форме пилюль разного размера в разноцветных упаковках. Все, включая Джими, обкурились до одури. И в таком вот состоянии Джими и Эрик Барретт на следующий день сели в самолёт, не сомкнув за ночь глаз, чтобы вернуться в Англию, где полностью разыграется последний акт...

Глава 9. Последний акт

Занавес готов опуститься, чтобы прервать жизнь одного из величайших героев рок-культуры. На сцене — декорации к последнему акту. Джими Хендрикс вернулся в Англию в самом конце августа 1970 — к осени — когда листья становятся всех цветов радуги. Также и люди, они умирают, чтобы принести новую жизнь в этот мир вечной смерти.

Всё ещё под впечатлением вечеринки по случаю открытия студии Electric Ladyland, Джими и его гастрольный менеджер прибыли в аэропорт Хитроу 27 числа, чтобы возглавить то, что Робин Денселоу назвала «последним величайшим взлётом британских 60-х» — фестиваль на острове Уайт.

Ферма Ист—Афрон, остров Уайт, холодная сырая ночь. После всех этих душевных исканий и бездействия, в которых находился Джими последнее время, у всех музыкальных критиков, чувствующих, что Джими достиг своего творческого конца, был только один невысказанный вопрос: неужели Джими опять это сделает? Неужели он, со своей группой — Билли Коксом и Мич Мичеллом, снова вызовет то магическое волнение и пробудит космическое сознание в душах ожидающих его тысяч людей?

Было уже почти три утра, когда Джими поднялся на сцену и стал настраивать гитару. Непонятно откуда взявшаяся дымка поползла на сцену к тому месту, где стоял Джими, уже готовый начать свой последний концерт. Огромные прожектора прорывали местами мрак ночи, в её законное время, выделенное Небесами, отбрасывая зловещие тени в море безмятежности и создавая бесформенные очертания толпы, разбившейся на укрытые от холода одеялами группы, пытающиеся снять усталость после уикенда полного музыки и наркотиков.

Группа поднялась на сцену, чтобы сыграть свой исторический концерт. Уже позже, вот как Джими описывал свои чувства и впечатления Монике:

— Мне было холодно и одиноко, но это было только в первую минуту, затем я почувствовал, как все эти люди потянулись ко мне, к сцене. Они помнили меня, и стало легко на душе. Они выкрикивали названия старых песен, которые, как я думал, они давно забыли.

Несмотря на доносящиеся вопли, это не была дикая толпа и это не стало диким представлением, сродни ранним концертам Хендрикса. В этот раз не было никаких фейерверков, простые аплодисменты в конце каждого номера, совсем непохожие на маниакальные овации. Всё было, как будто они почувствовали

скрытое послание в его игре — почувствовали, что в пружине его часов, отсчитывающих время музыкальной жизни, кончается завод.

По крайней мере, один человек это почувствовал, одна американка, называющая себя Jouse The Voice, которая пробралась в эту ночь на сцену, никем не приглашённая, и простояла позади Леонарда Коэна весь концерт.

Вот её слова, сказанные мне:

— Я находилась на задней половине сцены, когда Джими вышел на сцену и начал играть, что-то непостижимое произошло в этот момент. Я была в полутора метрах от него. В воздухе висело напряжение, знаешь, как будто все это время мы были зерном и нас мололи мельничные жернова, ведь фестиваль практически завершён. Вдруг, вспышка энергии пронзила моё тело электрическим разрядом. Я ясно увидела Джими, я ощутила кожей вопль агонии и боли. В какой-то момент — вопль о помощи, отчаяние, как предчувствие смерти. Мне захотелось похитить его. Забрать прочь от каких-то людей, обступивших его — я видела, как его душат, забрать его в деревню, где нет всей этой облепившей его грязи.

— Но, в то же время я знала, что не смогла бы сделать этого, я не достаточно сильна, я смогла только увидеть и почувствовать, но не действовать.

— Не думаю, что я какая-то особенная и одна ощутила близость его смерти. По-моему многие это увидели. Вот такое было у него сильное поле. Но ни у кого не хватило бы сил вырвать его из этой паутины. Было так, как если бы на наших глазах погибал друг, а мы, даже все вместе, ничем не могли бы ему помочь.

— И не смогли бы. От него исходил свет звезды, мы же были по другую сторону. Тем не менее, я увидела то, что увидела. Временами он ловил мой взгляд, полный понимания, видел, что я верю в человеческую искренность. Ни приветом, ни словом мы не обменялись, только смотрели друг на друга и всё.

И, несмотря на то, что выступление Джими было удачным, многие испытали разочарование. Сейчас, оглядываясь назад, возможно, они почувствовали грядущие изменения. «Музыка, исполнение было великолепным, среди всего материала, прозвучавшего на фестивале даже не с чем сравнить...», — напишет Робин Денселоу в Гардиан спустя три года.

В известной степени, Джими, казалось, был занят делами. Он уже завершил альбом Cry of Love, оставался только монтаж и в некоторых местах доделать наложения. Он позвонил мне в Нью-Йорк, как если бы хотел попрощаться и поделиться — это был

последний раз, когда я слышал голос Джими — своими идеями о том, что происходит вокруг него. Он говорил мне о своих группиз, о том, как он им доверял, как много они для него значили в его жизни, жизни музыканта. Говорил, что для них «музыка это религиозное учение и что они последовали бы за ним куда бы и когда бы он ни направился, проявляя свои чувства гораздо искреннее всех тех, кто называет себя обществом, обществом, остающимся слепым для основ всех философий жизни — любви, мира и свободы». Говорил, что решил сам разобраться со своими финансовыми делами.

— Недавно я разобрался в несоответствиях в моих финансах и собираюсь связаться со своим адвокатом в Америке, чтобы выправить положение. Хватит раскармливать этих стервятников.

Затем — короткие гастроли по Германии.

Именно во время этих последних гастролей, когда Джими играл в Берлине, его там увидел Робин Трауэр из Procol Harum и чьи комментарии хорошо иллюстрируют, что происходило вокруг Джими в то время. По словам Робина Джими играл великолепно — никакого впечатления, что он находится на закате своего творческого пути — настолько он был хорош. С другой стороны, казалось, он ушёл в себя, отстранился от своих слушателей, что совершенно не характерно для Джими, всегда со страстью окунающегося в общение, светящегося счастьем.

Робин поделился со мной своим впечатлением:

— Прежде я никогда не видел Джими. Я всегда избегал его, потому что чувствовал, если увижу его игру, то никогда больше не возьму в руки свою гитару. Я понимал, что это было бы сродни «забудь», понимаешь? Так и случилось: я увидел и понял «забыть». Я был в ауте пару месяцев, тем более что его не стало через неделю. Всё это потрясло меня.

— А тогда, в Берлине, это был странный концерт. Сначала мы (Procol Harum), затем Консервированная жара, потом 10 лет спустя, под самый конец — Джими. С самого начала народ стал надираться и надирался всё больше и больше и больше. И, к тому времени как на сцену поднялся Джими, уже не перед кем было играть — все уже ни во что не врубались. Думаю, они всё равно не поняли бы, знаешь, я имею в виду, я бы и сотой доли не смог бы сделать, что он делал, а ведь я музыкант и считаюсь неплохим гитаристом, так что представь, это всё им было не под силу.

— Я был в шоке от публики. Да и группа играла не вместе, но он, истинный маэстро, такого я никогда не видел, настоящий маэстро инструмента. Только из-за одного этого, думаю, он мог бы не играть так сильно перед какими-то опущенными.

— Как бы там ни было, я зашёл к нему в артистическую,

когда он кончил, что я собирался ему сказать? я вообще колебался, заходить, или нет, но, скорее ворвавшись, чем войдя в артистическую, выпалил: «Е-е! Я только сказать, это лучшее, что я видел за свою жизнь», — а ведь это так и было. «О, спасибо, но не сейчас», — услышал я в ответ и выскочил наружу.

— Это был первый и последний раз, как я видел его. Я не думаю, что когда-нибудь он решил бы остановиться. Возможно, те люди, с которыми он играл, не были ему равны. Я только говорю, возможно, и эта возможность исходила из того, что с ними он не достигал лучшего качества. Он был слишком далеко впереди. Тогда, в Берлине, я смотрел во все глаза и старался понять, как он это делает, я же стоял совсем рядом на краю сцены и мне было всё хорошо видно, но, чёрт побери, как? Я только понимал, что он делает, но как? За всю жизнь не видел такого инструменталиста, о котором мог бы сказать подобное. Пару месяцев я был сам не свой, я продолжал играть, но моё сердце, оно было где-то далеко. Манера игры, она была не моя, это была его манера игры.

Последний концерт этих коротких гастролей должен был состояться в Роттердаме 14 сентября, но был отменён. У Билли Кокса произошёл нервный срыв и Джими решил, что лучшее, что можно было сделать в этом случае, отправить его домой в Штаты. Итак, Билли Кокс улетел в Америку, а Джими самолётом вернулся в Англию, в свой последний раз.

Прежде чем перейти к несчастным последним событиям, вернёмся чуть ранее в не менее несчастное время, проведённое им в полной изоляции в Нью-Йорке, где Джими написал так много писем, адресованных Монике в Дюссельдорф. Позже, уже после фестиваля на острове Уайт, когда Джими поехал по делам один в Германию, Моника приехала по просьбе Джими в Лондон найти и снять квартиру, где бы они могли встретиться после его последних коротких гастролей. Моника нашла квартиру в самом фешенебельном районе Ноттинг—Хилла — Lansdowne Crescent.

— Не смотря на то, что я очень скучала по Джими, — рассказала она мне, — и ждала с нетерпением встречи с ним, меня не покидало одно очень странное ощущение. Я до сих пор не нашла объяснение ему. Это как если бы я была одновременно самой собой и кем-то другим ещё.

Джими, прилетев в Лондон, остановился в отеле Камберленд в Marble Arch, не зная, где Моника сняла квартиру, потому что потерял с ней связь со времён Дюссельдорфа. Но, как Судьбе было угодно, и как мечтала об этом сама Моника, Джими нашёл её через общих с ней друзей.

В течение этих последних дней, Джими и Моника проводили

много часов, гуляя в тени деревьев Гайд—Парка. Как рассказывала мне Моника:

— Джими подолгу оставался молчаливым, как если бы он выстраивал в уме и приводил в порядок свои земные дела. В течение этих долгих молчаливых медитаций и духовного самоуспокоения, он, казалось, общался с кем-то телепатически, используя какой-то метод неизвестный нам, землянам, и я молча шла рядом с ним, зная и понимая его духовное одиночество.

Ещё Моника рассказала мне вот что:

— В это время мы много разговаривали на необычные темы. Например, один вопрос, казалось, занимал его всё время, он постоянно меня спрашивал, люблю ли я его настолько, что готова умереть вместе с ним?

— И каждый раз, как он меня спрашивал об этом, я отвечала «да» — это шло из самой глубины моего сердца — ради Джими, моей первой и единственной любви, он был смыслом моей жизни. Он спрашивал меня, позволила ли я ему умереть, если бы мы договорились умереть вместе, и продолжала бы жить на земле, или умерла вместе с ним и отправилась бы в путешествие душ вдвоём.

— И каждый раз я отвечала одно и тоже: что я была бы рада умереть вместе, так как без него Жизнь бы потеряла для меня значение.

Ещё я попросил Моника рассказать о своих портретах Джими. Я их видел у неё дома в Дюссельдорфе. Она талантливая художница, на полотнах ей удавалось передать внутренний мир Джими Хендрикса: похоже её рукой водил сам Господь. Каждая картина — это захватывающей красоты мир, внутренний мир человека. Особенно мне запомнилась одна, она была настолько насыщена, что мне понадобилось несколько дней, чтобы осмыслить её.

Центральной темой картины был крест дымчато-пурпурового оттенка. На розово-лиловом фоне символы общности и смешения рас всего мира. В центре — Джими в виде яркого духа, в остальных частях — люди, которые изменили ход нашей истории в прошлом и настоящем. Среди них Мартин Лютер Кинг, Гитлер, вождь Неистовый Конь, Будда и Джеронимо. Сентиментальности добавляют фигурки младенцев всех рас в каждом их эволюционных эпизодах. Всё это освещено крестом, символом всего хорошего, что есть на свете. Несомненно, она писала свою картину, не без духовного влияния Джими.

О своих картинах в связи с этими последними днями, она рассказала мне:

— Джими, казалось, искал мира и тишины в эти последние

дни, ещё он казался занятым мыслями, как бы лучше всё привести в порядок, прежде чем отправиться в путешествие по бесконечности. Он говорил со мной о своих портретах, которые он просил меня написать. Я отвечала, что они уже написаны и именно так как он хотел.

— Он настаивал, чтобы цвета были подобраны в соответствии с его нумерологическими рекомендациями.

Могло показаться, что мысли его были заняты в это время спором между звукозаписывающими кампаниями, Ed Chalpin/Capitol и Mike Jeffries/Reprise, но теперь уже на европейской территории, также как это было недавно на американском рынке. Спором, который мог бы завершиться судебным разбирательством. Эд Чалпин прилетел в Лондон по просьбе Джими и его английских представителей. Хорошо помню, как Эд говорил мне перед Лондоном, что надеется прийти к соглашению без судебной волокиты.

В любом случае, за два дня до смерти, Джими должен был встретиться с адвокатами противной стороны.

Но на встречу он не явился. Выйдя из отеля Камберленд, где был зарегистрирован, он отправился к Монике. Но по пути исчез в маленькой квартирке где-то в районе Fulham Road.

Лоррейн Джеймс, 21-летняя девушка, работающая в аптеке в Челси, рассказывает, как он появился на пороге её дома:

— Он явно здорово обкурился, в руках у него был большой пакет с травой. Он был в ужасном состоянии, нервы на пределе. Он надолго засел в телефонной будке рядом с домом и всё время кому-то звонил. То он говорил надменно, свысока, то мямлил о каких-то спонсорах и деньгах.

— У меня гостили две подруги из Америки и Джими прокувыркался с ними всю ночь до 5 утра. Затем мы все отправились в Ноттинг—Хилл развлечься и покурить травы в Западном Лондоне.

— У Джими полностью съехала крыша. Мы встретили одного парня, так он настолько накачался наркотиками, что прыгнул в пролёт лестницы, и мы отправили его в больницу со сломанной ногой. Похоже, от этого Джими ещё более поплохело, он стал носиться кругами и вопить что-то нечленораздельное.

Весь четверг Хендрикс пролежал без сознания на квартире у одной подруги в Redcliffe Gardens, Fulham. К вечеру он очнулся и снова начались наркотики и девочки, но, в конце концов, он всё же добрался до квартиры Моника Даннеманн в Ноттинг—Хилл.

В 1.30 ночи он набрал номер Час Чандлера и произнёс свою эпитафию:

«Дружище, только ты мне можешь помочь!»

Эти слова записал автоответчик в пустом офисе Чандлера. Они стали последней записью идола миллионов, пророка наркотского поколения.

В его последний вечер Джими и Моника вернулись домой в 8.30.

«Я приготовила поесть. Мы выпили бутылку вина, он выпил больше, чем я, но не был пьяным. Нам было хорошо вдвоём. Никакого напряжения, мы просто слушали музыку. Около 1.45 он сказал мне, что ему необходимо встретиться с какими-то людьми. Я выпроводила его из квартиры, затем сразу после трёх он вернулся и я сделала ему сэндвич с тунцом.»

«Потом Джими стал писать, то, что потом станет последним его посланием миру: песню, названную им The Story of Life. Когда он кончил писать, он сказал мне сохранить её, что бы ни случилось, сказал, что будут за ней приходить разные люди, но, что я узнаю, когда и кому её следует отдать. И что только тогда, я покажу её этому человеку.»

Моника продолжила: «У меня в пузырьке было двадцать таблеток снотворного, которые мне прописал врач, чтобы я лучше спала. Он стоял в спальне на моём бюро. Джими был там один, вдруг что-то меня кольнуло, и я вошла в спальню. Как раз в этот момент Джими высыпал таблетки себе на ладонь. Я вырвала пузырёк у него из рук, на что он сказал, что хотел только их пересчитать. Теперь я понимаю, что он это сказал только для того, чтобы я не беспокоилась.»

«Тем не мене, Джими, выпив рюмку вина, сказал, что хочет лечь спать. Я села на край кровати и сидела так, пока он не заснул, затем я приняла свою таблетку, это было уже в 7 утра.»

«Проснулась примерно в 10.20, но заснуть больше не смогла. Сигареты кончились, но Джими не нравилось, когда я уходила, не предупредив его. Он любил, просыпаясь, видеть меня рядом. Я взглянула на него — он спал.»

«Перед выходом я ещё раз посмотрела на него. Похоже, у него начинался насморк. Но дыхание было ровным и пульс в норме — я сравнила его со своим. Я быстро надела туфли, схватила пальто и выбежала на улицу. Я торопилась вернуться.»

«Вернувшись и подойдя к двери квартиры с ключом в руке, я почувствовала что-то неладное. Дверь было никак не открыть, с ней это иногда случалось, но я ужасно испугалась. Наконец, открыв её, я бросилась в спальню. Одного взгляда было достаточно понять, что произошло нечто ужасное. Горела только одна лампа, так как люстру я выключила, когда Джими собирался лечь спать. Её свет отбрасывал зловещую тень, тишина в комнате была такая, как если бы время остановилось.»

«Первым моим движением было разбудить его. Я трясла его снова и снова, неистово. Я дотронулась до его щеки, кожа была холодная. Его губы были приоткрыты и с багрянистым оттенком.»

Моника надеялась, что, несмотря на самые ужасные опасения, Джими просто заболел.

«Я молилась, чтобы произошло чудо. Я ни вызвала скорую, ведь Джими всегда гневался, если про него узнавали что-либо лишнее, ни проверила пузырёк со снотворным — только позже выяснила, что не хватает девяти таблеток.»

«Решила позвонить кому-нибудь, кто бы дал совет, и как только я дозвонилась до одного из наших общих с Джими друзей, он сказал, чтобы я тут же вызвала скорую.»

Моника позвонила в больницу при монастыре Св.Марии, и хотя они приехали очень быстро — хоть это и показалось Монике вечностью — но было уже слишком поздно. Когда Джими привезли в госпиталь, он был уже мёртв.

На календаре было 18 сентября 1970 года. Джими было всего 27.

Заключение вынесли 21-го, патологоанатом, профессор Дональд Тир, заявил, что причиной смерти стало удушье от рвотных масс, вызванных интоксикацией барбитуратами.

Он подчеркнул, что это никак не было следствием передозировки, и, что он настаивал на этом, «совсем не из-за того чтобы не скомпрометировать Хендрикса, просто не было никаких следов от уколов иглы». У Моники было чувство, что её жизнь тоже оборвалась, и она сказала: «Он светился от счастья, когда пошёл спать. Я точно знаю, что он не брал моих таблеток снотворного, но у него было много марихуаны, когда он оправился на встречу с теми людьми.»

Народу сказали — передозировка.

Глава 10. После грозы

Мне кажется уместным здесь привести его собственный взгляд на жизнь, смерть и вечность, которым однажды он со мною поделился:

— Есть два мира — наш материальный мир, в котором мы все живём, и духовный мир, в котором только возможна вечная жизнь и безграничное счастье.

Джими пояснил мне, что один такой же реальный, как и другой.

— И до тех пор, пока ты не будешь жить по божественным законам в соответствии с Высшим Разумом, ты будешь смертен и жить в этих рамках, и реинкарнировать, вследствие того, что твой дух вечен.

И добавил:

— Как ты знаешь, в нашем материальном мире планетарный высший материальный разум обладает всевозможным в этом материальном мире знанием. Это даёт возможность науке совершенствоваться в материалистическом в рамках этого планетарного материального разума.

— Но для материальных миров предопределены периодические разрушения, и сомнительно, что наука успеет развить высшие технологии, которые позволят достичь или хотя бы связаться с планетарным высшим материальным разумом прежде, чем человеческая жадность и пороки разрушат сами себя и, таким образом, неизбежно снова появится новый материальный мир, как это уже было неоднократно.

— Материалистическая планета высшего разума населена людьми непохожими на жителей этого мира, но обладают всеми знаниями, возможными в материальном мире. Посланцы такого духовного мира периодически прибывают в эти материальные миры, чтобы познакомить их с их же разумом.

Я уверен, что Джими Хендрикс, был одним из них. На всём протяжении истории было много пророков — святых и других божьих людей — кто сообщался с нами тем или иным способом. За одними шли с верой, других убивали по невежеству или из страха перед неизвестным. Джими Хендрикса любили и уважали в музыкальной среде, но его истинные намерения остались непонятыми. Его послание — в его стихах, куда бы ни увела вас его музыка.

Поэтому, особенно в последние дни Джими делал попытки оставить что-то этому материальному миру, в котором он был так недолго. Свои последние дни на земле он провёл в

приготовлении к путешествию в духовную вечность. Также поэтому Джими постоянно говорил Монике, что через свои картины она могла бы «сообщить этому миру моё искреннее обращение и вечную любовь».

Однажды Джими сказал:

— Люди всё ещё печалятся, когда кто-нибудь умирает, своего рода сострадание по самому себе. Человек, который умер, не плачет. Когда меня не станет, я хочу, чтобы играли мою музыку, сходили с ума и чудачились и, вообще, делали всё, о чём всегда мечтали. Не хочу видеть ни одного скорбящего. Скорби, когда родится человек в этом тяжёлом мире, радуйся, когда кто-нибудь умирает, потому что он переходит во что-то более постоянное и бесконечно лучшее.

Его поведение, его ощущения в эти последние недели можно сравнить с манифестом. Все уже смирились с тем, что Англия уже давно им покинута, однако, именно в Англию Джими вернулся в поиске безмятежности и успокоения. Многие думали, что он вернулся в Англию, чтобы, приняв участие в фестивале на острове Уайт, поправить своё финансовое положение (за участие ему обещали 12 тысяч фунтов, около 30 тысяч долларов) и восприняли его как корыстного и заносчивого. Однако, и это истинная правда, Джими всегда нравились фестивали из-за их дружеской атмосферы, а вовсе не из-за денег. И, более того, даже тени корысти не было, когда Джими в среду вечером той недели, в которую он умер, он играл с Эриком Бёрдоном и его Войной в клубе Soho, принадлежащем Ронни Скотту.

Как это всё случилось на самом деле, мне рассказал сам Эрик:

— Я думал, что он засел в своём отеле, ничего не делая и ни с кем не общаясь. Похоже, он был на грани. За всё время я увидел его только в понедельник к вечеру: хочет поиграть с нами. Мы там уже с неделю играли, заявляется в тот понедельник — никакой, не знаю, чем он там так качался. Я подумал, что может быть это smack, но скорее всего, просто мадракс или что-то вроде. Он не выглядел сошедшим с вершины мира, скорее я бы сказал, вылезшим с помойки, так ведь, а?

— Говорит: «Хочу поджемовать». Я говорю: «Хорошо, приходи завтра вечером. Знаешь, накинь пиджак, не забудь гитару, будешь умницей — сыграем отличный джем». Он в ответ: «Всё, понял, ты совершенно прав». И он сделал это. В среду вечером входит в клуб безукоризненно чистый, прямо как из магазина. Вынимает свой томагавк и начинает играть. Думаю, это был последний раз, когда он играл.

— Когда кончили, говорю: «А знаешь, мы неплохо сыгрались».

На что он отвечает: «Е-е, О.К.» Сказал и исчез, со своими группиз. Вот таким мне он и запомнился, каким я видел его в последний раз: утонувшим в группиз, только махнул рукой на прощанье.

Вот и вся его надменность.

Не было у Джими определённого отношения к людям, которые вели его к славе. Джими часто задумывался можно ли им вообще доверять, и правильно ли они ведут его финансовые дела. В этой связи вспоминается одна история, которую рассказал мне Джими, и которая ярко отражает его замешательство. Хотя вся его жизнь состояла из необъяснимых случайностей, это самая странная и совершенно необъяснимая история, произошедшая с ним в Лондоне.

Как-то Джими сказал мне:

— Я готовил материал для двойного альбома, но мои менеджеры в один голос твердили мне, что совершенно не достаточно того, что слушатели ждут от меня двойника. Я не мог никак этого понять, ведь каждая моя новая пластинка становилась бестселлером. И все они стали золотыми.

— Как бы там ни было, но не только этим занята была моя голова, когда я шёл по тихой улочке наедине со своими мыслями. Как вдруг, рядом раздался визг тормозов, открылась дверца, и прежде, чем я успел сообразить, что происходит, меня схватывают четверо парней. С повязкой на глазах, с кляпом во рту меня впихнули на заднее сиденье. Понять не мог, что за чёрт сыграл со мной эту скверную шутку, я только понял, что лежу там весь в испарине, и чьё-то колено упирается мне в спину.

Странно, ведь Джими в каждый день своей жизни старался и, более того, у него выходило делать людей счастливыми. Он всегда был готов помочь, но никак не навредить другим, и это всё для него было как какой-то бессмысленный ночной кошмар.

— Меня привезли в какой-то заброшенный дом и дали понять, что могут принести мне вред. Они так и не сказали, зачем они похитили меня. Всё это очень неясно, особенно после того как, я понял, что если бы они действительно собирались мне навредить, они бы уже это давно сделали.

— Всё стало ещё более затуманено, когда я оказался спасён людьми, посланными моим менеджером. Он явно начитались книжек про гангстеров.

Джими так и не решил, было ли это подстроено самим менеджером в целях рекламы.

В любом случае реклама основывается либо на лжи, либо на искажении фактов, и это преследовало его даже после смерти. Когда пришло первое известие о его смерти, но до официального заключения патологоанатома, заголовки кричали о

передозировки героина.

Быстрые до сенсаций они опубликовали высказывания Эрика Бёрдона по поводу смерти Джими. Вот что, например, написала одна из газет:

«Потрясающее заявление, что смерть поп-звезды Джими Хендрикса была «тщательно спланирована», было сделано вчера вечером его близким другом. Это был поп-звезда Эрик Бёрдон, у которого взяли интервью для телевизионной программы Би—Би—Си «24 часа». Бёрдон, певец группы War, сказал: «Наркотики привели его к концу жизни и он переместился куда-то в другое место.» Бёрдон утверждал, что американский гитарист хорошо знал как пользоваться наркотиками, и добавил: «Джими часто представлял, как его будут артистически душить... Хендрикс хотел придумать себе какую-нибудь артистическую смерть... Вот таким он был, Джими, и жил Джими одним днём, он верил, что прав.»

Другая статья громогласно, опять-таки со слов Эрика Бёрдона, заявляла, что Джими покинул нас из-за девушки в чьей квартире он умер, по словам Бёрдона существует «записка самоубийцы», целая поэма на нескольких страницах.

«В поэме говорится, — как сказал, судя по статье, Бёрдон, — только то, что Хендрикс всегда всем говорит, только никто не внимает этому. Там было написано: «привет», там было написано: «пока». Не думаю, что Джими совершил самоубийство в общепринятом смысле. Он решил выйти по своему желанию.»

Майк Джеффрис тут же отверг версию самоубийства, и официально заявил:

«Я не верю, что это было самоубийство. Я перерыл целую гору бумаг, поэм и стихов к песням и могу предьявить вам штук двадцать таких «предсмертных записок».

Что это за «предсмертная записка» — спросите вы, конечно, была песня, которую он написал при Монике у неё дома в тот последний вечер. Ту самую, которую он попросил Моника никому не показывать, пока не придёт нужный человек, которую назвал The Story of Life.

Время для Моники Даннеман остановилось. Её брат, Герберт, пытался оградить её от газетных ищеек, заявляя прессе в надежде, что потом они оставят сестру в покое:

«Моника очень любила Джими и сейчас хочет побыть одна. Около двух лет они знали друг друга, но в Лондоне она всего шесть недель. Джими часто говорил ей, что не хочет, чтобы люди печалились о его смерти, а наоборот, хочет, чтобы были счастливы.»

Но репортёры не отставали. Её жизнь в эти дни превратилась

в лабиринт для репортёров: найти её, заставить заговорить, да ещё сказать то, что увеличит тираж их газет. В конце концов, нашёлся полный сочувствия друг, который забрал её с той квартиры, где они жили с Джими.

Этим другом оказался Эрик Бёрдон. Уже потом он рассказал мне, как ему это удалось:

— Ну, как она выдерживала атаку журналистов и всё такое. Помню то утро, как будто все сорвались с цепи, все пытались прорваться к ней, урвать не хоть что-нибудь, а всё. Всё, ты понимаешь, всё. Это судьба. Несколько дней она была с нами — у меня как раз начались гастроли и мы ввели её в нашу группу. Так что добраться до неё никому не удалось.

Вот так Моника, наконец, бежала от этих нападков, только увеличивающих боль от утраты своей первой и единственной любви. «Для меня Джими не умер. Его дух всё ещё со мной. Нет только тела», — говорила она себе, чтобы не разрыдаться.

Несмотря на это она не могла исчезнуть бесследно. Она оставалась в Лондоне, пока шло следствие. И к концу она стала раздражительной и сильно сердилась на глупые статьи и слухи вокруг Джими, хранящего молчание.

«Моя любовь к Джими — нечто глубокое и очень личное. Поэтому я не хочу говорить о наших взаимоотношениях. Это касается только нас двоих, и там нечем делиться со всем миром. Но на этой неделе я пережила шок и потрясение — потому что о Джими плохо говорили даже его, так называемые, друзья. Но теперь я чувствую, что должна ответить на некоторые вопросы, так как сам он уже не может себя защитить, и я должна это сделать ради него, ради его памяти.»

«Я заявляю, что он не был ни наркоманом, ни алкоголиком, ни секс-маньяком, и я должна сказать вестминстерскому следователю в понедельник всё, что я знаю... Настоящий Джими, каким он был за фасадом сцены, был человеком очень внимательным, мягким и скромным, искренне верящим в послание Любви, Мира, Свободы и Дружбы, которое он старался донести до людей.»

«Мы с ним обнаружили огромное сходство, общаясь и любя друг друга. Прошло всего шесть недель нашего знакомства, а Джими уже предложил нам жить вместе, но я тогда не поверила в его чувство. Как и все, я становлюсь дурой, когда слышу эти дикие истории про него.»

«Дикими? Джими был самым обаятельным и приятным человеком, которого я когда-либо встречала. Все вокруг помогали ему, потому что он был так мил. Я быстро поняла насколько искренен был Джими. Конечно, он часто уезжал и у него было

много разных дел на стороне — таков мир поп культуры. Возможно, так было, потому что я не группиз и не следовала за ним всюду как они, но я смогла найти настоящего Джими Хендрикса, завоевать его сердце: сердце, которое никому не удалось обнаружить.»

Моника изо всех сил старалась предотвратить лживые слухи такими словами:

«Джими жил ради музыки, во всём остальном он был младенцем. Он мне часто рассказывал, как группиз, проникая в его номер, дожидались его возвращения, забравшись в его постель, и как Джими приходилось просить роуд-менеджера, Джерри Стикеллза, выбрасывать их вон.»

«Ещё он рассказывал мне о своих экспериментах с наркотиками в те годы, когда многие поп-звёзды покуривали травку и экспериментировали с кислотой. Но Джими так никогда ни к чему и не пристрастился. За все восемнадцать месяцев, как я была с ним, ни разу не было случая, о котором я могла бы рассказать.»

«Рядом с ним всё время было так много людей, но никого, кто был бы близок ему. По существу, совершенно одинокая натура. Он часто повторял, что не знал, где бы он был сейчас, если бы меня не было.»

«Многое, что написано о последних четырёх днях в жизни Джими — чистый вымысел. Я провела с ним все эти четыре дня, каждую минуту, кроме одного часа в ночь его смерти, когда он отправился в Marble Arch, чтобы уладить кое-какие свои дела. Он вернулся, и по его виду было заметно, что всё прошло успешно. И стал собираться в Америку, чтобы завершить начатый альбом. Он заказал номер в отеле и авиабилет, позвонил на студию в Нью-Йорк, сказал, что скоро прилетит.»

Возможно, покажется, что Моника слишком переусердствовала в своём стремлении в одиночку защитить память о Джими от сующих всюду свой нос и вечно искажающих факты проныр-журналистов. Сплетни росли как снежный ком, ничего общего не имея с подробностями последних дней Джими. Так же поступила и Кати Этчингем, которая, возможно, лучше всех знала Джими, его вкусы и привычки (как мы об этом убедимся далее в этой главе). Но, несмотря ни на что, Моника старалась преданно и добросовестно направлять внимание прессы на безграничную доброту Джими, так что по Богу — а это самое главное — Моника поступала правильно.

«Я никогда не забуду наш последний вечер, проведённый вдвоём, когда я приготовила спагетти по-болонски и выпили бутылочку вина за ужином. Это был наш последний момент

счастья», — такими словами она завершила интервью.

Моника выросла в Дюссельдорфе, там получила две профессии: фигуристки и художника, но после несчастного случая от фигурного катания пришлось отказаться в пользу второй профессии. Этот несчастный случай произошёл незадолго до первой её встречи с Джими Хендриком. После его смерти Моника пригласила меня погостить с недельку в доме её родителей, где я смог увидеть все её незабываемые портреты Джими. Мы подолгу беседовали о Джими, которого она узнала и полюбила. Она многое рассказала мне, чего не говорила репортёрам:

— С самого начала карьеры Джими, — рассказала мне Моника, — я была его большой поклонницей, но, несмотря на это, я никогда не была на его концертах. Когда я дома слушала его пластинки, у меня всегда возникало какое-то необычное и странное чувство, я никак не могла его понять.

— Он и прежде выступал в Дюссельдорфе, но по разным причинам я не попадала на его концерты. У меня в то время был очень близкий друг, он хорошо разбирался в рок-музыке, знал почти все группы и познакомился с Джими на одном из концертов в Германии. Однажды он спросил меня, не хочу ли я сходить с ним на концерт, который должен состояться в соседнем городе, играть будут The Jimi Hendrix Experience. Я приняла предложение, подумав, что будет здорово, если я разберусь в этом странном чувстве, которое меня охватывает, когда слушаю его музыку — это от его музыки, или за этим что-то стоит. В этот день я, как всегда, много рисовала, но меня не покидало ощущение, что что-то изменится в моей жизни.

— Когда мы пришли, зал был уже почти набит и я испугалась, что наши места заняли. Но мы пробрались к ним и благополучно сели как раз в тот момент, когда притушили свет. Меня бросило в холод и я присела на краешек сиденья. Вспыхнул свет на сцене, Джими стоял на сцене, как если бы он со своей белой гитарой был один.

— Он выглядел так величественно, что я не могла понять реально ли это всё или это прекрасный сон. Он начал играть и звуки его гитары, казалось, уносили меня вместе с ним куда-то, рассказывая мне о таких вещах, о существовании которых я даже не представляла.

— В антракт, моему другу удалось провести меня за кулисы, где мы нашли Джими. Я пряталась за спиной друга, я не хотела, чтобы он подумал, что я буду восторгаться его талантам, но я испытала щенячий восторг, когда увидела, что он разглядывает меня.

Однажды, как-то в разговоре со мной, Джими вспомнил этот момент такими словами:

— Вижу, вот она стоит тут, рядом, красивые серебристо-белые волосы касаются её плеч, знаешь, невероятное чувство захлестнуло меня, оп-ля, вот я и опять! Она была так прекрасна, у меня возникло желание перейти реку и... знаешь, я вдруг подумал, что лучше повременить.

— Затем, — продолжила Моника, — друг нас представил и меня поразило, что Джими тут же спросил, приду ли я завтра на его концерт. Он должен состояться всего в нескольких милях отсюда. Я ответила, что не уверена смогу ли, но постараюсь.

— В тот вечер, на следующий день, я чувствовала, он играл только для меня. Он смотрел на меня, и наши глаза слились, Джими улыбался мне, я была на седьмом небе от счастья.

— Но я решила не оставаться до конца концерта — мне нужно было время, чтобы разобраться в своих чувствах.

Здесь стоит нам рассказ Моника прервать, и привести слова самого Джими, какими он описал мне свои переживания:

— Мне уже нужно выходить на сцену, а я думал там она или нет, были ли это только следы на ветру, дующим из вчерашнего дня. Накануне, возвратясь с концерта в свой номер, я был уверен, что это сама Судьба устроила нашу встречу, что Моника станет частью меня, наполнит мою жизнь чувством.

— Я поднялся на сцену, я ни о чём другом не мог думать, кроме: «Где она?» Я знал, если она пришла, наша встреча не обычная случайность. Мы начали играть, вот она. Никого не было для меня в этом битком набитом зале кроме Моника.

— Я уже представил, как она меня ждёт после концерта, я чувствовал, что между нами уже всё началось, всё что нужно, уже свершилось, и, соединилось, ты понимаешь меня? Я еле дождался конца биса. Я взглянул на публику. Её там не было!»

На секунду его захлестнул вихрь разочарования, но затем он подумал, что может быть, в этот момент, Моника ждёт его за кулисами. Быстро пробираясь сквозь толпу за кулисами, принимая поздравления и раздавая автографы, он вдруг понял глубину своего чувства. Моника среди них не было.

— Это озадачило меня, знаешь, — рассказал мне Джими, — это случилось со мной впервые, никогда ещё ни одна цыпочка не ускользала так сквозь мои пальцы — что делать, не знал!

Джими был в замешательстве. Оставшиеся гастроли по Германии прошли как во сне, вернулся в Англию с таким чувством, будто часть его осталась там, в Германии, позже он так описал своё состояние: «Я понял, что я не я буду, если не увижу Моника снова».

Он старался занять себя, в плане стояло возвращение в Штаты, подготовка к следующим гастроллям, пробовал писать. Но, как прежде, новые идеи не шли.

Тем временем Моника, в отсутствии Джими, стала понимать, что чувство, которое она испытала, не покидало её и решила написать Джими о своих переживаниях, и объяснить, почему она тогда не осталась после концерта.

Она ждала ответа, но ответа не было, и стала думать, что он, возможно, забыл о ней; но всё оказалось проще — Джими ездил из города в город, а письмо Моники следовало за ним. Прошло много времени, прежде чем оно догнало его.

Когда её письмо попало ему в руки, Джими обрадовался и был счастлив, нутром почувствовав, всю значимость этого для них обоих. Он тут же ответил ей, написал о своих чувствах.

Вскоре он вернулся в Англию, наполненный мыслями о Монике. Он позвонил ей в Германию и они долго говорили, оба понимая, что их связала вместе судьба. Прошло совсем немного времени и они встретились снова.

Один из знакомых Моники сказал, что собирается в Лондон по делам, и она решила ехать с ним.

Продолжим рассказ Моники:

— Я приехала в Лондон с ощущением, что здесь меня ждёт счастливая встреча. Этим же вечером мы с приятелем отправились в *Speakeasy*, добрались туда к полуночи оба голодные и уставшие.

— Мы ели и разговаривали. Вдруг я почувствовала, что кто-то стоит у меня за спиной. Я повернулась, это был Джими. Я задохнулась от волнения и прежде, чем я смогла что-либо сказать, он поднял меня на руки и поцеловал.

— Это всё было так неожиданно, я была смущена, но в объятиях Джими я почувствовала близость. Потом мы стояли и смотрели в глаза друг другу, казалось вечность, хотя я думаю, прошло всего несколько минут. Потом Джими сказал: «Я так ждал встречи с тобой, счастливее момента не было в моей жизни». Затем он увидел, что рядом со мной кто-то сидел и прошептал мне на ухо: «Это не твой парень?» Я рассмеялась и всё объяснила.

— В этот вечер мы много часов проговорили, держа друг друга за руки, узнавая друг о друге множество замечательных вещей.

Джими приятно удивило то, что я художница.

С этого момента и всё время пока Моника была в Лондоне, эти двое были неразлучны. Джими казалось, что наконец-то он мог быть счастлив, даже несмотря ни на какие другие неудачи.

Моника вернулась в Германию и стала писать чувственные и

прекрасные портреты Джими, ей это нравилось, более того, она чувствовала, что может и должна перенести на полотно всю его внутреннюю красоту, которую, возможно, другие не замечали, и это бы духовно ещё более приблизило её к нему. В этом стремлении её поддерживала мать, которой часто приходилось ездить за холстом, красками и другими материалами для Моника, в то время как Моника работала почти непрерывно, часто ночами напролёт, не нарушая нахлынувшее на неё вдохновение. Ощущение восторга, всегда возникавшее, когда она писала портреты Джими.

— И затем, — продолжила рассказывать мне Моника, — я загорелась идеей вернуться в Лондон, снять там квартиру, где я бы могла писать и быть ближе к Джими, когда он приезжал бы в Англию. Так и случилось, он сам меня об этом попросил в письме, написал, что скоро приезжает, написал, чтобы я ехала в Лондон и сняла там для нас квартиру.

— Это я и сделала, а остальное ты знаешь, — окончила свой рассказ Моника, не желая напоминать, как на неё открыли охоту журналисты в первые дни после смерти Джими.

В эти дни не только журналисты болтались поблизости, пытаясь подойти вплотную. Не избежать было и огромного числа крупных и мелких бизнесменов, с тревогой взирающих на финансовую ситуацию, возникшую в связи со смертью Джими.

Очень много разговоров было о существовании какого-то секретного завещания. Вот о чём написано в одной из статей на эту тему:

«Лондонские юристы вынуждены провести детальное расследование в делах поп-звезды Джими Хендрикса, умершего при таинственных обстоятельствах. Предметом обсуждения являются, по крайней мере, 200 тысяч фунтов, и многие тысячи фунтов гонорара с продажи пластинок в будущем. В Америке не обнаружилось никакого завещания. Нью-Йоркский суд поручил это дело адвокату С. Самюэлю Дифлако и советнику по делам мистера Хендрикса мистеру Генри Штайнгартену. Суть вопроса заключается в следующем: было ли составлено завещание в Англии или, возможно, он привёз его туда с собой из Штатов... Из официальных источников известно: «Неизвестно было ли оно вообще. На разрешение конфликта потребуется некоторое время, необходимое на рост процентов с продажи пластинок». Одновременно, американские юристы начали вести переговоры о выплате страховки в миллион долларов голливудской кинокомпании Warner Brothers, на такую сумму была застрахована жизнь Хендрикса».

В этой же статье говорится о законе штата Нью-Йорк, по

которому в отсутствии завещания всё наследие переходит во владение его отцу, так как Джеймс Аллен Хендрикс из Сиэтла, в последующем Джими, чья мать умерла в 1958, не был никогда женат.

Тем временем, продолжалась некая специфическая война, выражающаяся в полемике между Джеффрисом и Чалпиным. И на момент смерти Джими, они всё ещё не пришли ни к какому соглашению по поводу британского и европейского рынка. Однако соглашения всё же не избежать. Эд Чалпин прилетел в Лондон во вторник 15 сентября для того чтобы встретиться с Хендриксом, но усилия были напрасны. На вопросы журналистов, что Чалпин ожидал бы от этой встречи, он ответил: «Надо было обсудить гонорары и, — (что очень иронично), — будущее Джими Хендрикса... При мне были доказательства: контракт, заключённый с ним в 1965 году, за год с небольшим до его исчезновения в Англию. Он вернулся в 1967, когда уже были сформированы Опыты, и записывался снова для меня, но уже с Куртисом Найтом. Размер гонорара должен теперь установить английский суд. Три дня я пытался встретиться с Джими, но его словно прятали от меня. А потом пришло известие о его смерти.»

Тем не менее, в борьбе за наследие Джими, не было места враждебности и сплетням, погони за сенсацией и хищническому разбою. Очень немногие смогли последовать призыву Джими радоваться, но не скорбеть. Напротив, многие, многие тысячи были потрясены до глубины души и не только поклонники его таланта, но и другие звёзды. И те, кто никогда его не видели, и те, кто был хорошо с ним знаком. И те, для кого он был идиолом, и те, кто любил его как человека. Для этой полной сочувствия и человеколюбия части человечества уход Джими стал манифестом, противостоящим всей этой грязной клевете и грабительству.

Сердце взорвалось у Мика Джаггера, одного из самых близких друзей Джими, когда известие о смерти Джими настигло роллингов в середине своих европейских гастролей. Судьбе было угодно, чтобы в этот день они выступили в родном городе Моники Даннеман, Дюссельдорфе. Мик выразил своё состояние словами: «Я сражён наповал — мы все сражены. Я не могу сейчас ничего говорить, смерть унесла величайшего друга, величайшего музыканта». Вечером того дня, когда умер Джими Хендрикс благодарные мертвецы выступали в театре Филлмор—Ист и посвятили свой пятчасовой концерт ему. Печальная весть облетела весь мир, все музыканты, все деятели искусства посвятили свои песни и выступления ему. Все высказали перед своими слушателями свои переживания, то потрясение, которое они испытали, услышав известие о его смерти.

Все радиостанции, специализирующиеся на рок-музыке, в день его смерти проигрывали его пластинки, и даже, так называемые, дорожные радио по всей Америке, которые известны тем, что игнорируют рок-музыку, а иногда даже, никогда не слышавшие про существование рок-музыкантов, разбили свои стереотипы и ставили кое-какие пластинки Джими.

Мич Мичелл выразился о Джими такими словами:

«Джими вдохновлял нас и был нам музыкальным братом, личностью с неиссякаемым безграничным талантом. Его присутствие мы ощущаем до сих пор, для нас он навсегда останется живым.»

Эдди Кремер, главный инженер студии-мечты Джими Electric Ladyland сказал мне:

— Не было никого, кто бы не любил и не уважал бы его, он всё ещё среди нас, это его студия, он в каждом проводе, в каждом ползунке.

Майлз Дэвис сказал мне:

— Приятно слышать, с каким единодушием все джазовые музыканты, кто хоть раз имел счастье играть с ним, знаешь, так тепло о нём отзываются. У него была определённо джазовая направленность и он должен был стать одним из нас, одним из джазовых великанов.

Пит Таунсенд сказал мне:

— Мои мысли о Джими могут показаться немного претенциозными, но я считаю, что всё что случилось в его жизни — это так много и так мало ему было на это времени, можно сравнить только со взрывом. Вся его жизнь сжалась в 26 лет, но он успел столько, сколько другие не успевают за всю свою долгую жизнь. Полагаю, жизнь ему удалась. Сворачивалось всё, за что бы он ни брался. Он мог бы приукрасить многое, но неужели он бы это сделал? Его жизнь это непрерывное путешествие, восхождение — разве я не прав? — медленное и упорное и очень тактичное (или же это был взрыв?). Так что я думаю, если бы он не умер, скорее всего, он бы перерезал.

— Думаю, многих он шокировал. Сказать, что он был разносторонним музыкантом, это ничего про него не сказать. Я имею в виду, что если вам случалось слышать, как он играет на акустике, вы этого никогда не забудете.

— Что только не говорят про него. Большинство считают его дикой обезьяной, но, думаю, они не слышали его просто играющим на гитаре, понимаешь, о чём я, а?

— Как бы там ни было, мы потеряли настоящего музыканта, некому больше так играть.

Эрик Бёрдон говорил мне:

— Чёрная Америка проспала его. Но остались записи, остались кадры и ещё не поздно им проснуться. Думаю это должно всё же произойти.

— Надеюсь, они поймут, кем он был для них. Дай им только время. Проще простого.

А когда я встретился с Джоном и Йоко, разговор пошёл, естественно, о Джими, о его смерти, и Джон сказал мне, что считает Джими «трубадуром от рок-музыки, новатором, одной из самых влиятельных фигур нашей эпохи, совершенно самобытным».

Я спросил, как он считает, долго ли будут помнить Джими и его музыку, на что Джон ответил:

— Его будут помнить, пока музыка будет оставаться частью нашего существования, а это, я уверен, будет всегда.

В его адрес было сказано множество тёплых и любящих слов, слетающих со всех уголков нашей планеты.

Пресс-секретарь Джими, Майкл Голдштайн, написавший официальный некролог, сказал:

«Что мне сказать? Определённо нам будет не хватать Джими. Публика будет помнить его выступления, его образ. Я буду помнить его улыбку, его смешливость, его подмигивания... его шёпот. Всё, что относилось ко мне лично. Буду помнить наши долгие беседы в длинных переездах, когда мы перепрыгивали с темы на тему. Я потерял члена своей семьи. Даже боюсь подумать, что будет с рок-н-роллом, с людьми без него.»

Эрик Долфи^[2] сказал:

«Его смерть ударила по мне, ударила по Колтрейну. Не думаю, что мир сможет когда-либо снова насладиться чем-то подобным. Не думаю, что когда-либо появится такой силы артист.»

Дон Ван Влиет (капитан Бифхарт) сказал:

«Вряд ли он знал, сколько бы он мог сделать, он был слишком хорош. Считаю его одним из тех, кому отдался этот инструмент. Он не боялся экспериментировать. Но эти наркотики, дружище, знаешь, эта дурь, её следовало бы выбросить в память о Чарли Паркере, ведь так, а? Не расширить ею твоё восприятие, не отодвинуть горизонт. Странно, но многие по-прежнему так думают. Это тупик, эта дурь. Вся эта дурь, вся эта дурацкая жизнь. Но Джими не такой, он был слишком хорош. Эх, сколько бы он мог ещё сделать.»

Чарльз Ллойд сказал:

«Он был из тех молодых красавчиков, кто приезжает из глубинки, покорить мир, и я очень надеюсь, что ему не пришлось заплатить за это тем, чем заплатили Лестер Янг, Чарли Паркер и

Билли Холлидей. Ибо он был мил, мягок и робок. Ума не приложу, что привело его к такой развязке, но мне это принесло много боли. Что ты скажешь на это? Мы живём в уродливом мире. Но музыканты особенный народ, их защищает их дело. Не понимаю вполне, что это значит, но, может быть, нам не следует говорить об этом?»

Робин Трауэр из Procol Harum рассказал мне:

— Его недооценили. Они говорят: «О, он велик». Но они не понимают, а может, им не дано понять, что они упустили его. Думаю, они просто пропустили его мимо себя. Думаю, только через лет 20 они поймут его. У него не было границ, понимаешь, о чём я? Он бесконечен.

И ещё приведу слова Эрика Клаптона:

— Его смерть — горькая утрата для каждого, кто любит музыку и что-то непостижимое для меня лично, как его друга.

Кати Этчингем более всех испытала на себе потерю, которую принесла с собой смерть Джими. Возможно, не было женщины, более близкой ему. Тем не менее, она продолжает говорить о человеке, которого так сильно любила. И отвечает с великой нежностью и искренностью на самые неприятные вопросы журналистов.

«Уверена, это не самоубийство. Да, у Джими было множество проблем, но он не такой человек, чтобы из-за этого расстраиваться. Уверена, это несчастный случай.»

Она постоянно говорила журналистам о том, что могли знать только близкие, а именно, о его невероятно быстрой смене настроений. Вот он кипит от ярости, а через секунду нежен и ласков; вот он наглотался всяких таблеток и тут же совершенно нормально говорит с тобой. Пил ли он? В первое время он пил только фруктовый сок, но потом всё поменялось. Он за раз выпивал полторы бутылки виски. Наркотики? Раньше только трава, потом кокаин. Героин? О, конечно, и героин тоже. Женщины? В постели только с четырьмя одновременно. В Швеции и Германии — с малолетками, и в Америке. Ясно, что репортёров подгонял их профессиональный инстинкт, но Кати? Думаю, она сильно переживала и старалась искренне исправить ситуацию вокруг Джими. Она не играла в журналистские игры, она просто говорила им то, что они жаждали от неё услышать.

«Когда я впервые встретила Джими, он был очень тихим и пил только лёгкие напитки. Но позже он впал в зависимость от наркотиков, таких как кокаин и LSD. Волосы стали седеть и он стал замечать, что лысеет. Его интересовало всё и вся, но одно было главным — быть музыкантом. Ничего кроме игры на гитаре, но за это ему приходилось сражаться. В ноябре я вышла замуж,

конечно же, с благословения Джими, но мы продолжали с ним видаться. Он объяснил моему мужу, что всё ещё любит меня, и хотя это всё звучит странно, мы все согласились с тем, что нам с Джими стоит продолжать работать вместе. У Джими всё время были затруднения с распределением финансов и он доверял свои дела первому встречному. И я на правах любимой женщины взялась вести его финансовые дела.»

«В ту пятницу, всего несколькими часами позднее, как пришло известие о смерти Джими, Кати с мужем и владельцами звукозаписывающей компании Джими направились отпраздновать его смерть. Именно «отпраздновать», таково было желание Джими, он всем об этом говорил. «Мы выпили столько, сколько не выпить за всю жизнь, может показаться странным, но именно этого хотел Джими. Он часто говорил мне, что когда его не станет, он хотел бы чтобы все повеселились, но ни в коем случае не скорбели.»

Рассказывая о сексуальных подвигах Джими, Кати отметила «непомерный его аппетит: спал с тремя–четырьмя одновременно. Для него они были, как для многих выкурить сигарету. Именно он придумал прозвище «скорая помощь» для группиз, которые постоянно кружились вокруг, ища встречи с ним. У него был колоссальный выбор и он часто мне об этом рассказывал, особенно о тех четырёх, ожидавших в его постели. Но говорил он о них совершенно равнодушно. Часто на утро он их даже не узнавал.»

«Однажды после концерта, это было в Манчестере, я захожу в дамскую комнату и застаю его там с одной цыпочкой. Для него она никто, для меня она никто, я только говорю ему, чтобы он поторапливался, иначе мы пропустим поезд на Лондон.»

«Он не знал меры ни в чём. Он мог заглотить полторы бутылки виски (американскую кварту) за вечер. Начинал пить, когда по телевизору показывали «Coronation Street», а в полночь шли есть, там мы пили вино. Пил ещё и ещё и чувствовал, что хватит только тогда, когда падал мертвецки пьяным.»

«До того как мы познакомились он играл в группах, колесивших по Америке, сегодня здесь, завтра там, практически ничего не зарабатывая. На запястье у него шрам: однажды, ближе к ночи, он почувствовал такую безысходность, что в ванной у одного из друзей порезал себе вену бритвой. Но друг его нашёл и отправил в госпиталь. Он проклинал своего друга особенно, когда пришёл счёт за лечение, осложнивший ещё более его финансовое положение. Но всё это осталось в воспоминаниях о мире бедствия и нищеты.»

Всё более погружаясь в воспоминания, Кати продолжала:

«Никогда не знаешь, что он выкинет в следующий момент. Вот он мягок и нежен и, вдруг, перед тобой совершенно другой человек. Без видимых причин он мог разломать всё вокруг, и неважно, дома или в гостях, или ещё где или ударить первого встречного, и тоже неважно, женщина это или мужчина. У нас возникали ужасные драки без повода.»

«Один раз он сломал мне нос в трёх местах своим ботинком. Я убежала, но спустя пару недель вернулась, он спал и я его огрела по голове сковородой, которую нашла под кроватью. Проснувшись, он долго не мог понять, что произошло, я же притворилась спящей. После вспышек гнева, он всегда очень переживал, просил прощения и говорил, что не знает, что на него нашло, и во всём винил себя.»

И что только Кати не делала, чтобы это не повторялось снова и снова. Но ничто не могло остановить его. «Легче поймать ветер или вольную птицу посадить в клетку, чем уговорить Джими сделать что-то.»

«Он не желал смерти, но и не сожалел о ней. Он стремительно нёсся по жизни, бросаясь в постель с какой-нибудь красоткой, впечатление, что у него никогда ничто не болело.»

Ещё Кати рассказала о его увлечении любительской съёмкой, он даже заснял некоторые свои сексуальные подвиги. «Он не расставался с камерой, снимая всё и везде. Часто, высунувшись из окна, снимал прохожих на улице. А его идея снять фильм об очень толстых и чрезмерно худых женщинах? Он часто показывал всем свои фильмы и сам первый смеялся над ними. Иногда просил своих друзей заснять женщин, мечущихся голышом по его комнате, но многие из таких плёнок были тут же засвечены.»

Кати жаловалась, насколько беспечно Джими относился к своему телу, разрушая его всевозможными наркотиками. «У него была страсть к экспериментам. И совершенно неважно это песни, музыкальные инструменты или наркотики. Когда я с ним познакомилась, он курил травку, иногда. Позже — LSD.»

«Думаю, в том, что Джими стал так много пить моя вина. Он был мой мужчина, а мне нравилось напиваться. Многие в Англии, кто его знает, до сих пор думают, что пил он с лёгкостью. На самом деле, всё наоборот. Каждый раз он отключался первым, и нам никак не удавалось напиться вместе.»

«Знаешь, я, конечно, знала, что он гениальный гитарист, но мне не нравилось то, что он играл. Я часто ему об этом говорила. Однажды он решил научить меня играть на гитаре. Он зажимал своими тонкими пальцами струны, а меня заставлял их дёргать. Вскоре мы одновременно пришли к выводу, что я совершенно безнадёжна.»

«Джими действительно научил меня многому. Я хочу сказать, что когда мы стали жить вместе, я была слишком молодой и дикой. Я даже не знала, что значит быть чьей-либо девушкой. Даже после того как я переехала к Джими по вечерам я одевалась и выходила из дома, как это всегда делала, когда жила одна. Джими долго терпел, но однажды после того как мы вернулись после ужина, он меня запер в ванной и не выпускал меня оттуда несколько часов. Когда же выпустил, я готова была упасть, так хотелось спать. На следующий день он долго и терпеливо мне всё объяснил. Итогом стало то, что я начала понимать, что значит быть женщиной и более того, женщиной, которую любят. И я очень благодарна Джими за всё его терпение и за то, что он поставил мои мозги на место.»

«Так пролетели шесть или семь месяцев, Джими стал популярен, и это повлекло за собой множество вещей, которые мне были очень неприятны, но я ничего не могла с этим поделать.»

«Его менеджеры всеми силами старались утаить от журналистов то, что мы живём вместе. Он считали, что такая постоянная связь повредит его имиджу. Поэтому, когда журналисты приходили брать интервью к нам домой, меня прятали в спальне. В такие моменты я чувствовала себя полной идиоткой.»

«Нам потребовалось больше года, чтобы подыскать приличное жильё, и к этому времени он стал действительно знаменит. Да и место было выбрано очень удачно. Прямо за углом был клуб Speakeasy, самый популярный клуб того времени. Нам стоило сделать несколько шагов, если он хотел с кем-нибудь поиграть, или мы собирались поесть, или просто посидеть поболтать.»

«Когда Джими решил вернуться в Штаты, в том самом 1967-м, я хотела поехать с ним, это же первая долгая разлука, с тех пор как мы стали вместе жить. Но так как это были первые большие гастроли его группы, не было возможности взять меня. И Джими пообещал, что в следующий раз обязательно возьмёт меня с собой.»

«Надо сказать, что в начале наших отношений он был очень ревнив, у него бывали вспышки дикой ревности и он не позволял мне и словом обмолвиться с другими парнями. Особенно мне запомнился случай, произошедший с нами в Bag O'Nails. Мы с Джими сидели за столиком, я встала и пошла наверх, позвонить подруге. Но оказалось, что я отсутствовала немного дольше, чем он предполагал. Он в ярости взлетел по лестнице. Подумал наверно, что я треплюсь с каким-нибудь парнем. И чуть не

оторвав дверцы кабинки, вырвал из моих рук трубку и стал бить ею мне по голове. Я думала, он рехнулся, и завизжала, в то же время, пытаясь его остановить. Но, не смотря на то, что он выглядел тощим, он был достаточно силен и определённо велик для меня. Но в этот момент, как если бы это были кадры из фильма про Джеймса Бонда, в дверях клуба появились Джон Леннон и Пол МакКартни. Они тут же стали пытаться отцепить Джими от меня и, оттащив его в сторону, успокоить. Помнится, эта была первая из наших многочисленных драк.»

«Но более всего напугала меня однажды одна цыпочка. Однажды утром мы с Джими ещё мирно спали, вдруг что-то меня разбудило, я только увидела белую гитару, которой кто-то пытается меня ударить. Джими среагировал мгновенно. Он прыгнул на меня, чтобы защитить меня своим телом. Мне это показалось вечностью, но вот она вихрем вылетела из комнаты, сжимая в руках гитару, которую как она считала, купила для него. Когда мысли улеглись, Джими начал думать, как вернуть гитару, так как в то время у него была только одна она. Купить другую у него просто не было денег. Джими догнал её и спокойным голосом стал убеждать её вернуть ему гитару, но её условие было таковым, чтобы он избавился от меня.»

«Джими сделал вид, что принимает её условия, если она вернёт гитару. Затем он сказал мне, чтобы я подождала в вестибюле, но так, чтобы меня не было заметно, когда она принесёт гитару обратно. И вот, в этот же день я увидела её внизу в вестибюле, меня она видеть не могла, я сидела в тени. Джими рассказал мне позже, что ему пришлось подняться с ней в номер туда, где она напала на меня, проникнув рано утром, дав денег горничной, и попытался успокоить её единственным доступным способом.»

«Прошло время, я видела, как она ушла, но не заметила, когда она вернулась с гитарой. Слушай, я просто устала сидеть на одном месте и стала ходить по вестибюлю, так как у меня затекли ноги. Она увидела меня первой и снова набросилась на меня. Да она просто сошла с ума. За всю жизнь с Джими не было ничего тупее.»

«Каждый день приносил всё больше трудностей. Особенно это почувствовалось в Америке. Между мной и Джими как будто росла какая-то преграда. Не знаю почему, но она увеличивалась с каждым моим приездом в Америку. Ему стало казаться, что я виновата в том, что он стал терять свободу, и однажды он решил, если посадит меня на корабль, отплывающий в Лондон, то ему станет легче.»

«Но я не готова была к этому. Я только что переехала из того

отеля, где жила вместе с Джими. У меня была подруга, она жила со своим парнем в одном шикарном отеле. Парень был упакован по полной, но самое главное — они нюхали кокаин. Кокаин мне тоже нравился. И если бы я исчезла на некоторое время, я знала, Джими будет меня искать и, найдя меня у них, а я бы очень хотела, чтобы он меня там нашёл, посмотрел, как другие живут. Звучит забавно, не правда ли? Но так я тогда думала. Как бы там ни было, но однажды моя подруга перебрала, я же была в тот день в глубокой депрессии. Я бы сама никогда не съехала со своей квартиры, но когда она очнулась и увидела меня в таком состоянии, мне было приказано собрать свои вещи и переехать к ней.»

«Я догадывалась, что сделает Джими, когда обнаружит меня в таком состоянии. Он войдёт, скажет «какого чёрта», отшлёпает меня и посадит на корабль, направляющийся в Англию.»

«Тем не менее я снова прибыла в Нью-Йорк по приглашению Джими и на его деньги и Джими сделал всё необходимое, чтобы я не испытывала ни малейшего неудобства. Он даже проследил, чтобы у меня был личный шофёр, который бы меня возил по первому моему требованию. Он также попросил одного из своих лучших друзей, чтобы он возил меня всюду за ним. И он бы очень занервничал, если бы узнал, что этот парень сильно увлёкся мною!»

«Я хотела побольше узнать Гарлем, меня очень интересовало, как там живут люди. И вот однажды вечером я попросила того парня, которого приставил ко мне Джими, в один из гарлемских клубов: Smalls Paradise. Слушай, эти чёрные цыпочки тарасились на меня, будто впервые видят белую, но и чёрные парни тоже уставились на меня в недоумении. Я стала нервничать, когда оглядевшись, поняла, что я единственная белая в клубе. И я не предполагала, что поход в дамскую комнату может оказаться таким сложным. Выйдя из кабинки, встала перед зеркалом поправить волосы, меня окружили четыре чёрных цыпи, я представить не смела, что они собираются со мной сделать. Было ясно, что вошли они сюда только из-за меня и я решила, что настало время смыться отсюда. Я направилась к выходу, но одна из цыпочек преградила мне путь ногой. Секунда, и я перешагнула выставленную ногу. Слушай, наверно никто ещё, ни до, ни после меня с такой скоростью не покидал ни один туалет. Мы вылетели из клуба, я была сыта этим «Маленьким раем.»»

«Ну и натерпелась я. Вот ещё один горький опыт, но уже в Нью-Йорке. Весь день Джими пропадал на какой-то студии, думаю Record Plant. Было уже 9 вечера, или около того, когда я добралась туда. Прежде чем войти на студию, где обычно он

записывался, нужно было подняться на несколько ступенек, на них меня там уже ждали четыре белые цыпочки. Похоже, американки и скорее всего они были внутри, когда узнали, что я должна приехать, и это им очень не понравилось, потому что все знали, что я цыпочка Джими. Вот они и решили подкараулить меня снаружи.»

«Прежде чем я поняла, что происходит, они повалили меня на ступени и стали бить ногами. Дальше я ничего не помню, очнулась уже в больнице и очень хорошо помню свою первую мысль: «какое странное место, кругом одни стёкла и лица прямо перед тобой», мне это тогда показалось очень забавным.»

«По своему Джими был очень наивен, например, он всегда верил парню по имени Рок, подсовывающему ему всякую дрянь. Я тоже была полная дура. Вот, что я тебе скажу, нет, чтобы самой думать, я полностью верила всем и каждому. Особенно этой сучке Девон. Девон выстирала все мои мозги, почти доведя меня до самоубийства. Этакая бедрастая чёрная цыпа, настоящая супергруппиз, которая знала всех и которую знали все, обладала такими быстрыми мозгами, что невольно попадаешь под её влияние и слушаешься её во всём. Я уже не виделась с Джими несколько дней и несмотря на то, что меня нельзя назвать слишком ревнивой и, что я знала, что Джими не пропустит возможности приласкать какую-нибудь цыпочку, то, что Девон всё ещё была увлечена Джими и её бесконечные рассказы о его сексуальных похождениях, приводили меня в бешенство. Хорошо помню один вечер, Джими всё ещё был на студии и я была предоставлена сама себе и сидела в своём номере. Настроение было отвратительное и когда Девон, наконец, ушла, я высыпала на ладонь таблетки снотворного.»

«Сколько их там было, я не помню. Помню только, что их было там много. Но вернулся Джерри Стикеллз: то ли забыли бас-гитару, то ли ещё что-то из музыкальных инструментов. И если бы они тогда ничего не забыли, меня бы сейчас уже не было среди живых. Он нашёл меня лежащей на полу и они сказали, что жить мне оставалось совсем немного. Джерри схватил меня и отвёз в больницу, где мне промыли желудок. Джими был вне себя от ярости, когда узнал, что произошло, он обозвал меня безмозглой сукой и наговорил ещё кучу гадостей.»

«Знаешь, он был до крайности странен, он мог быть таким грубым и в то же время с ним я себя чувствовала защищённой. Но самая неприятная история случилась с нами, когда мы связались с этим комитетчиком из Чёрного Движения. Он пригласил Джими к себе домой, обещав угостить какой-то невероятной травой, естественно, Джими взял меня с собой. Что там было! Я

представить не могла, что можно так ненавидеть белых. Когда мы вошли, все уставились на меня: какого чёрта она здесь делает? Джими тоже почувствовал напряжение, но всё же, из вежливости остался покурить, но потом, также вежливо поблагодарив их, мы поспешили убраться оттуда. «Уф! — сказал он, — ну и обстановочка», и мы оба с облегчением вздохнули, когда оказались на улице. Я была сильно напугана, но я знала, что Джими никогда бы не допустил, чтобы со мной произошло что-нибудь плохое.»

В конце нашей беседы, Кати рассказала мне о том последнем разе, когда она видела его.

«Я встретила Джими накануне его смерти. Это было на Кенсингтон—Маркет. Он шел с роскошной блондиночкой, так что я не стала заговаривать с ним, тем более что он меня не заметил. К тому же я собиралась позже навестить его. Может быть, если бы я тогда с ним заговорила и он увидел меня, он был бы сейчас жив.»

Однажды я зашёл в магазин на Кингс—Роуд с намерением купить что-нибудь необычное и был несказанно удивлён, или это была опять шутка Судьбы, я столкнулся с Марианной Фейтфулл. На ней была широкополая шляпа, почти закрывающая её ангельское личико, разговор тут же зашёл о Джими и она рассказала мне о своей первой с ним встрече.

— Впервые я увидела Джими совершенно случайно. У меня был свободный вечер, и я зашла в один маленький клуб выпить чего-нибудь. Там играл Джими со своими Опытами. Это было одно из первых их выступлений в Лондоне и в клуб был полупустой, но слухи быстро распространяются и вскоре было уже не пробиться на их концерты. Они играли буквально для пустых столиков и стульев. Я села на пол и тут же почувствовала какую-то невидимую связь между мной и Джими. Мы не обмолвились ни одним словом, беседовали мы скорее телепатически, беседовали наши души. Джими как-то почувствовал, что появилась, по крайней мере, одна душа, которая его слышала и отвечала, посылая ему электрические разряды. Я была в восторге от этого чёрного, чувственного бога музыки. Но когда он стал играть зубами, это было что-то! Он был слишком хорош, просто не верилось. Весь остаток вечера я пила и всё больше тонула в его музыкальных вибрациях. Я пришла на следующий день и сказала себе, пройдёт совсем немного времени и все поймут, насколько Джими Хендрикс велик. Не может этого не случиться.

— Три вечера подряд я приходила послушать его, и каждый раз старалась не пропустить ни звука и всё более и более

погружалась в его мир. У меня много друзей в деловых музыкальных кругах и я знала, если они поближе его узнают, он не может их не заинтересовать. Но я решила пока никому не говорить и наслаждалась им все эти три вечера одна. Но потом обзвонила всех своих друзей и рассказала о нём. На него стали приходить знаменитости, реальные черепа. Но не только потому, что он был великолепным гитаристом, а потому, что он был очень чувственным и выразительным — редкое сочетание.

— В то время, когда Джими впервые появился в Лондоне, музыкальная ситуация сильно отличалась от сегодняшней. Популярность очень много значила и звёзд везде горячо принимали и ждали. Не то что теперь. И я решила сделать для Джими, что никогда ни для кого не делала. Я организовала вечеринку в честь Джими на квартире у одних из моих друзей, в тот вечер, когда мы все отправились послушать его выступление. Это был шанс и я не знала наверняка, что из этого выйдет, но он был бесподобен и всем очень понравился.

Марианна улыбулась, вспомнив что-то, и продолжила:

— Это была странная и прекрасная связь, хотя мы не были близки физически, но приятное напряжение мы всегда испытывали друг к другу. Это было что-то за гранью недозволенного, проникновение в глубинное подсознание. Думаю, каким-то образом Джими знал свой срок. И когда пришло время, он просто ушёл.

После смерти Джими я встретился с Питом Таунзендом и Эриком Бёрдоном и спросил, что они думают на счёт отношения Джими к наркотикам. В особенности меня интересовал вопрос, как, по их мнению, наркотики способствовали или тормозили, или вообще никак не повлияли на творчество Джими. Оба сошлись во мнении, что наркотики, в конечном счёте, сыграли свою смертельную роль.

Пит Таунзенд сказал мне:

— Помню, от травы Джими делался каким-то диким. Так и многие деловые люди. Они легко спиваются. Поездки, банкеты, приёмы, выпивка. Вот капкан, в который все попадают.

— Бывало, я сам так обкурюсь, что всё кругом гудит. Не думаю, были ли Джими так хорош, если бы не было всё время обкурено. Трудно об этом судить. Как-то встретились мы однажды, он был с ясной головой, так это оказался простой, милый, весёлый парень, с одной извилиной.

— Но всё же, думаю, больше на него, на его мозг, на его тело, на его душу действует то, что он выходит на сцену. В нём больше химии, чем в любом наркотике, это поймёшь сразу, как только видишь его на сцене. Ни наркотик, ни какой другой допинг, не

может сделать такого с человеком, что он делал, каким он был. Он был тем, кем был. В нём была какая-то магия, была магия и в том, что он делал. Конечно, множество людей, обкурившись попадали в другое измерение, но, думается мне, это просто способ выпустить пар.

— Я встречал много людей со сдвинувшимися мозгами, и меня это действительно беспокоит, знаешь. Я хочу сказать, если на это посмотреть чисто клинически, на смерть Джими. Да такое происходит кругом, побузили, заснули, ну, разве не так, а? Происходит с совершенно обычными людьми, с одной извилиной — напились, перебрали, заснули, а ночью стало плохо и задохнулись, понимаешь. Совершенно обычная ситуация. Типичная во все времена.

— Это случилось и с Джанис Джоплин, вполне возможно и Брайан Джонс умер также. Задохнулся — и нет тебя, и как с этим быть.

Взгляд Эрика Бёрдона немного отличался:

— По моему, — сказал он мне, — наркотики внедряются в нашу жизнь, в наше общество. Не думаю, что Джими сочинил бы всё то, что сочинил, если бы не кислота. Но если посмотреть на это с другой стороны, если бы Джими Хендрикс не родился, он бы не попробовал бы LSD, если ты, конечно, понимаешь, к чему я. Другими словами, что было первым, курица или яйцо?

— Говорят про Джими, что мозги он свои продувал кислотой и что она раздвигала перед ним пространство. Но если тебе это удаётся, ты можешь сам раздвигать его по собственному желанию. Если же нет, что-то другое должно тебе помочь, сделать то, что ты хочешь сделать. Думаю именно это и умел делать Джими. Всё для него было инструментом. Гитара — инструмент. Музыка тоже инструмент. И наркотики были инструментом.

— Думаю, он сыграл свою жизнь так же здорово, как играл на своём весле. Думаю и умер, когда захотел умереть. Так же спокойно, так же хладнокровно, как и пришёл в этот мир.

Первые дни после смерти Джими тянулись бесконечно, но вот, последние свидетели были опрошены, и было вынесено официальное заключение. Выяснили обстоятельства его смерти и газетам пришлось взять назад свою версию передозировки героином. В другом месте и в другое время Джими как-то произнёс: «Когда я умру, я хочу, чтобы меня похоронили на берегу Темзы, в Англии. Не везите моё тело в Сиэтл, там слишком холодно и сыро. И ещё я хочу, чтобы все нарядились в мои старые сценические костюмы и сплясали на моей могиле». Но тело Джими самолётом отправили в Сиэтл и похоронили там спустя

неделю после расследования. Никто не решился сплясать на его могиле. Но прошло совсем немного времени и нашёлся один, без сердца и настолько жадный, что украл могильный камень, оплаченный из скопленных отцом Хендрикса денег.

Майлз Дэвис присутствовал на похоронах Джими. Хорошо, что он решил приехать. Как он потом мне рассказывал, «в голову лезли всякие странные мысли, пока летел на самолёте в Сиэтл». С собой он взял свою трубу, ведь на похоронах обычно играет оркестр, да и Джими просил его приехать с инструментом. И даже если обстоятельства сложатся так, что не удастся исполнить желание Джими, чтобы на его похоронах сыграли джем, по крайней мере, его труба, его духовный товарищ, будет с ним.

Джем-сейшн не состоялся по просьбе семьи. И Майлз Дэвис с грустью и немного разочарованно, но понимая и уважая их желание, произнёс только «в долгий путь» своему брату и другу.

Семью, которая хотела скромных похорон понять можно, но остаётся желание Джими (и это тоже понять можно) над его могилой сыграть джем, все об этом знали, он часто всем говорил это. Возможно, Джими был бы тоже разочарован. Да и предугадать шутки Судьбы невозможно, ведь отпевание прошло в той самой баптистской церкви Dunlap, из которой его выкинули, когда он был совсем ребёнком, только потому, что был «несоответствующе одет», тогда он поклялся себе: «Пока жив ноги моей не будет в этой церкви».

Однако Джими Хендрикс всегда принимал с уважением удары Судьбы, чувство обиды было ему не свойственно.

Техническую часть работы над альбомом, уже давно им составленным, он завершил незадолго до своей смерти. И, совершенно естественно, что это музыкальное послание, а точнее, музыкальное завещание, обращённое ко всем нам, альбом, изданный в декабре 1970 года, он назвал «Плач по любви».

Его плач по любви проник во все уголки нашей планеты, тронул сердце каждого.

И я хочу завершить эту книгу его собственными словами, последними им написанными строчками. Без них наш рассказ, наша история Джими Хендрикса, как мне кажется, останется неполной.

Первая, может быть, слишком коротка и слишком высокопарна, на первый взгляд, и я думаю, многим покажется далёкой от действительности. Но выражена она ясными простыми словами, обращёнными к каждому из нас и вы ощутите биение сердца, биение его сердца в каждом слове. Всего несколько строк, но это его жизнь. И вы почувствуете, какой это огромный труд быть звездой.

История первая

Свободен ли я?! Моя свобода — в движении. Я — беглец, бегу от убеждённых в своей правоте. От желающих знать всё о тех девицах, которые их давно уже вычеркнули из своей жизни, в надежде получить от них знак. От тех, которые спросят, если я постригусь, почему я постригся? Мелко всё это. Или: где вы достали такие носки? Что? сейчас модны голубые носки? И я, невольно, начинаю тоже задавать себе вопросы: зачем я играю столько соло? Стоит ли мне говорить спасибо той девушке? Ощущение усталости ломит тело, но не физической — духовной. Огромное желание вернуть выпавшие волосы. Какая-то сила в них была заключена.

Однажды я шёл куда-то через Гайд—Парк, и только я спустился по лестнице и вышел на Кенсингтон—Хай—Стрит, молодой человек остановил меня и спросил, я ли Куртис Найт. Я сказал, что он не ошибся, и он произнёс: «Я слышал, вы пишете книгу о Джими Хендриксе, у меня есть, что рассказать вам».

На следующий вечер он навестил меня, и перед вами — его история:

История вторая. Таинственный опыт Марка Патерностро

Я — художник, и я встретил Куртиса Найта, потому что не мог не встретить его и не рассказать ему свою историю.

Когда я пишу, я использую технику брызг. Моя работа, это свободное движение моей руки. Если немного потеоретизировать, можно назвать это свободным полётом сознания без давления со стороны рассудка — своего рода импульс подсознания. Однажды я написал портрет Джими Хендрикса, в пастельных тонах, я увидел мир его глазами. Я всего лишь натянул холст и обмакнул кисть в краску. Мне оставалось только подойти к холсту, прислушаться к биению моего сердца и услышать музыку.

Только это, ничто другое, биение сердца водит моей рукой. Я накладываю первый мазок в ритме полёта, то приближаясь к холсту, то отдаляясь от него. Отхожу, и чувствую, как меня захватывает вихрь смешанных чувств и уносит в пространство света и тени.

Слева на холсте — космический корабль. Когда же я достиг верхней кромки холста, я обнаружил там образ Хендрикса. Но там было ещё одно лицо, очень похожее на моё. Это оказалось так странно для меня, я никак не ожидал, у меня и в мыслях не было, изобразить себя.

Сейчас картина передо мной, но не я её писал, а моё подсознание. Хочу сказать, вот мысль, здесь она, а не ухватить — ускользает из рук. Недели проходят одна за другой, я всё пытаюсь понять. На картине — моё будущее?

Где-то есть тропа и я должен найти её, чтобы попасть туда.

Я понял только одно, нужно ехать в Англию, только там я найду ключ к разгадке. И космический корабль с картины — это знак, который мне подаст Англия. Там я найду и прочту все те книги, что читал Джими Хендрикс. Я найду ответ, что ожидал увидеть Джими в конце своей жизни. Озарение ли, которое падёт на нашу планету? Почему я так уверен в этом? Он рядом, я чувствую его присутствие. И он ведёт нас, чтобы мы нашли в себе силы сделать то, что он задумал. Тогда только он успокоится.

Его гитара нашла путь в наше подсознание! ... Наконец-то я осознал действие энергии его гитары — её музыкальными вибрациями уравнивается взаимодействие органов внутри нас, а цель — заморозив рассудок, добиться глубочайшей концентрации. Энергия музыки пробивает пелену пространства, когда ты концентрируешься полностью на ней и начинаешь видеть её третьим глазом. Тогда душа твоя, покинув тело, отправляется в путешествие. Вы назовёте это галлюцинацией, путешествие на волнах его гитары, распространяющихся со скоростью света.

Его уже нет, а я всё слушал и слушал его музыку. Много месяцев звучал во мне его Earth Blues. «Почему только этот блюз?» — задавал я снова и снова себе вопрос. А оказалось, что ровно столько времени мне было надо, чтобы найти путь к своей душе!

Я затрясся в страхе, когда до меня дошло, что он говорил с Богом. Что случилось с моим разумом? Во мне проросло зерно сомнения — увидел ли я Бога? В самом конце этого блюза, моим разумом завладело только одно слово — Любовь. А затем он спросил меня: «Как ты думаешь, что думает Бог об этом?»

Последняя история, рассказанная самим Джими ясными выразительными образами, описывающими его философию, его отношение к наркотикам и их роли в человеческой жизни. Вот чем однажды он решил поделиться со мной, а назову её так:

Последняя история. Вечный свет за гранью твоей души.

В основном, любой наркотик — это испытание таинственностью. Я хочу начать с того, что многие слышаны о чёрной магии, о вуду, об одержимых. Так вот, наркотики — это и первое, и второе, и третье, а иногда и больше. И даже меньше, чем ничего.

Мне приходилось слышать, что доктора, долго наблюдающие за течением какой-нибудь неизлечимой болезни, вынуждены давать пациентам наркотик, стремясь облегчить их страдания и дать возможность умереть им в приятных сновидениях. Но были удивлены, тем, что пациент выздоравливал.

Также я слышал, есть люди, которые, совершая определённые древние ритуалы, могут общаться таинственным образом, сродни вечным вибрациям, которые производит ветер, и приобретают знания о том, где и кем они были в прошлых жизнях, или, наоборот, кем они станут в будущих — свиньёй, цыплёнком или кем-нибудь ещё, предначертанным им Судьбою.

Кто-то сходит с ума, следуя за солнечным зайчиком, или они достигают так глубин мудрости, куда обществу даже не заглянуть? И, может быть им, отбившимся от основного потока и осуждаемых обществом, за их, так называемое, алогичное поведение, следует замкнуться и стать отшельниками.

LSD — венец вызывающих ведения наркотиков. Мне было интересно, что может родить наше подсознание. Иногда я видел словно паутиной связанный наш мир. Иногда — небожителей в дивных золотых одеждах, пытающихся остановить людей в их стремлении к Злу, людей, преклоняющихся перед величием Зла и оттачивающих своё личное зло, каждым злым поступком, ими совершаемым.

В своих путешествиях я видел стен дыхание — яркий признак того, что ты проникаешь в самую глубину, и что ты и твоё подсознание составляют единое целое.

Я видел толпы людей в их безумном бегстве от самих себя, ловящих ртом глоток чистого цвета радуги.

В самых плохих своих путешествиях — встречал монстров столь ужасных, что не выразить словами, вообще, состояние ужаса, вызванное искусственным путём, не поддаётся описанию.

Надо сказать, что если ты думаешь улучшить своё самочувствие с помощью наркотиков, то знай, они разрушат в конечном итоге твой душевный потенциал.

К примеру, на концерте, публика получит ровно столько удовольствия, сколько сил вложено музыкантами. Тебя может увлечь магия звуков.

В библейские времена вспышка была единственным способом предупреждения о передаче божественного духовного озарения. Я убеждён, что только правда, мир и любовь — вот единственная тропа, по которой следует идти. Любое искусственное путешествие приведёт к печальному концу.

Верь в свою Судьбу и она укажет тебе путь.

Приложение 1. Кошмарное турне 1968 года

Хью «Эйч» Хоппер

Мелоди Мейкер 20.09.80 стр.14

Со школьной скамьи я находился в том странном смешении английских музыкантов, которое сейчас известно под названием Кентерберийская сцена. Во время второго турне Джими по Штатам, в феврале 1968, я был дорожным менеджером у чудаковатого трио Soft Machine.

Группа осуществляла поддержку для Опытов Джими Хендрикса, тогда как Anim Agency, где управляли Майк Джеффрис и Час Чандлер, руководило обеими группами.

Джими только что выпустил альбом Bold as Love и сорокопятку Purple Haze, которая была навеяна летним воздухом Калифорнии на фестивале в Монтерее 1967. Этот фестиваль вывел его на путь к звёздным вершинам, он получил титул «бриллиантового гитариста» среди культовых фигур нью-йоркских кафе.

В своём первом турне он поддерживал The Monkees. Дочери Американской революции выразили своё возмущение его выступлениями, охарактеризовав их как похотливые, непристойные, оскверняющие невинность молодых американцев... и вынудили организаторов убрать его из турне. По сегодняшним стандартам сексуально-сценической экстравагантности Джими был совершеннейшим джентльменом с несколько неуверенной манерой речи и необычной постановкой гитары... женственным до кончиков ногтей. Всё это привлекло к нему внимание газет, где иногда его имя извращали до неузнаваемости: однажды в театральных афишах он появился как Gerry Henpecked Exposition.

Всякое бывало. У каждого из Anim было своё собственное мнение о том, как должна делаться карьера. И так как однажды Джими в порыве чувств поджёг свою гитару в кульминационный момент концерта, то Час Чандлер решил одеть его в элегантный белый костюм и каждое выступление заканчивать подобным образом. К счастью, свободолюбивый дух Джими оказался достаточно сильным. Он продолжал жить своей жизнью, в своих образах: одевал то, что ему нравилось, играя Ночных бродяг в середине Дикой штучки...

Для меня турне почти окончилось после первого концерта. Ударник Soft Machine возмущился тем, как Билл Грэм управляет

своим Fillmore Ballroom, назвав это милитаристскими замашками, а самого Грэма — фашистом. Было это весьма невежливо, позже мы узнали, что один из членов семьи Грэма погиб в Освенциме. Нас отослали в следующий город, Феникс, дожидаться остальных, а сами остались улаживать конфликт.

Джими с группой приехал двумя днями позже. Они провели отличный уикенд. Игра их была признана превосходной, и на афишах они красовались рядом с именем Алберта Кинга. Мы сидели, окутанные тёплым зимним солнцем Аризоны, и всё вокруг представлялось в радужном свете.

Затем мы двинулись в Таксон, потом в Сакраменто, и дальше до Лос—Анжелеса. Играли в Санта—Барбаре, Анахайме, Шрине и в Калифорнийском университете. Джими привлекал к себе всё больше и больше внимание, как прессы, так и публики. Он как магнит притягивал лос—анжелесских музыкантов, которые даже создали очередь, чтобы сыграть с ним джем. Дело дошло до того, что установить должным образом аппаратуру мы и не надеялись. Оскар (дорожный менеджер Джими) и я, пошатываясь, плелись от грузовика с огромной колонкой или басовым барабаном на плечах, и как в лабиринте плутали между оборудованием и Дэвидом Кросби, Бадди Майлзом, Мики Доленза, прежде чем отыскивали свободное местечко. Джем игрался каждый день, и мы не успевали всё подключить, как они уже начинали игру.

Слава Джими долгое время служила на пользу компании Фендер, производящей Стратокастеры. Джими в основном играл на их гитарах, являясь тем самым лучшей рекламой их продукту, чем самый энергичный коммивояжёр.

В начале турне компания Фендер предоставила ему усилители и колонки, но их мощности не хватало для воспроизведения нерво—расщепляющего звука, которого добивался Джими. Через три недели турне его разочарование ещё больше усилилось. Он доходил до выступления в комнатке, где переодевался после концерта. Так продолжаться больше не могло: и вот, однажды, в Сиэтле после концерта к нему зашёл предприимчивый директор одного местного промышленника Санна и тонким деловым нюхом уловил в воздухе флюиды недовольства качеством аппаратуры. Нам доставило огромное удовольствие созерцать его прыжок, произошедший от избытка чувств, после коего он пообещал представить нам совершенно бесплатно полный концертный набор усилителей и колонок Supn на остаток турне.

И вот, когда мы с Оскаром после обычной баталии с погрузкой аппаратуры на самолёт, наспех урвав три часа на сон, прилетели в Лос—Анжелес, где должен состояться следующий

концерт, снова в заведённом порядке, арендовав грузовики, вернулись с ними в аэропорт и, собрав все уцелевшие при погрузке и разгрузке инструменты, предъявили иск за разбитые номенклатурные ценности, нас приветствовал техник из Санн, который сказал, что новая аппаратура уже полностью установлена на сцене и он надеется, что мы не возражаем.

Пошатываясь от усталости, мы прошли в полутёмный зал, и вдруг увидели целую стену мерцающих усилителей, чопорных колонок, приготовившихся обрушить бешеный шквал звуков к неописуемой радости аудитории — о! мечта роуди! О да, мы не возражали!

Джими был счастлив и это сказалось на концерте. После штормовой музыки он смеялся и шутил в артистической, а мы в это время вместе с рабочими из Санн, чьи руки заметно тряслись, собирали и упаковывали аппаратуру на сцене.

Так как санновское оборудование было предоставлено нам до конца турне, Фендер был понижен в должности и поступил в пользование Soft Machine. В результате обе группы были счастливы: до сих пор они совместно пользовались одним комплектом Фендера, и если бы с усилителями что-нибудь случилось во время первой части концерта, где выступали софты (Soft Machine), Джими был бы поставлен в крайне неловкое положение.

В Филадельфии мы арендовали у фирмы U-Haul новый фордовский грузовик с автоматической коробкой передач. Скверное дело. Мы обещали, что вернём его дней через десять в Нью-Йорке, и мы говорили правду: график турне измениться не мог. Детройт, Торонто, Чикаго, Колумбус и снова Нью-Йорк.

...Ю-Хол получил назад свой грузовик, но только спустя шесть или семь недель, раскуроченный и скрежещающий как и мы, пробежавший бог знает сколько миль: дважды в Канаду, затем снова на Средний Запад, вверх-вниз по побережью Новой Англии, как волчок. Эти неприятные хлопоты произошли из-за того, что управленческий офис в Нью-Йорке заполнил добавочными концертами всё свободное время нашего турне, обосновав это тем, что слухи о Джими множились с каждым днём.

Для Джими это было волнующее время, но для двух роуди это было карабканьем в гору, склон которой всё круче и круче, а груз на плечах всё тяжелее и тяжелее. Как только перед нами оказывались обещанные два дня отдыха, как Джерри Стикеллз украдкой, пользуясь нашим беспокойным трёхчасовым сном, изменял маршрут.

Дух угнетала не физическая нагрузка: даже с недосыпом мы всё же хорошо питались, вылепляя себе бугры мускулатуры,

чтобы справиться со всё увеличивающейся тяжестью аппаратуры, которой небольшие егозливые фирмы—производители завалили Джими по самую голову.

Нет, худшее было — дезориентация. Ночью просыпаешься и видишь перед собой дорогу, несущую тебя в следующий город на следующий концерт, а за плечами у тебя и предыдущая ночь в таком же стремительном броске, и ещё одна впереди и ещё... Останавливаешься в той же самой Холидей—Инн комнате, где ты останавливался за день до этого, правда тот город лежит за 300 миль от этого. Неплохо, а? Так было, если всё обстояло благополучно в дороге. Всё чудо турне Джими Хендрикса 1968 года заключалось не в том, что Джими донёс свою восхитительную музыку до каждого в Штатах и стал легендой в течение двух месяцев, а в том, что любой отдельно взятый концерт состоялся вообще.

В Чикаго мы вторглись в величавый отель Хилтон и из окон могли наблюдать ничтожность озера Мичиган, его сплошную ледово—серую поверхность, сливающуюся на горизонте с тяжёлым зимним небом.

Отопление в комнатах было такое удушающее, что спасаясь, мы открывали окна, свежий ветер, врываясь в наши комнаты, доносил до нас запахи и мороз канадской Арктики. Однажды мы услышали какое—то маниакальное хихиканье из комнат музыкантов: тройке Опытов нанесли визит Чикагские Гипсовые Литейщицы (Plaster Casters of Chicago). Эти трудолюбивые леди создавали коллекцию гипсовых пенисов известных рок—музыкантов, посещавших Чикаго. Они загоняли мужчину в угол, насильно возбуждали его (используя очень некрасивые методы) и оперативно делали слепок быстросхватывающимся гипсом. Одно из уж действительно подлинных новаторств американского искусства XX столетия!

Впоследствии Ноэл Реддинг с огромной радостью объявил, что его слепок не удался, так как он дошёл до изнеможения (от смеха) прежде, чем гипс схватился. (А у Джими долго не могли снять застывший гипс, потому что он не опадал.)

На следующее утро я пошёл в универсам, заменить расплющенный чемодан и обнаружил там Ноэла, производившего опустошение. У всей тройки была страсть к покупкам — кинокамеры, радиоприёмники, Hi—Fi проигрыватели и тому подобные новинки. Но Ноэл в этом отношении перещеголял всех. Когда я увидел его, он вёл серьёзную дискуссию с девушкой из косметического отдела об относительных достоинствах различных красителей для волос. Окончил он её покупкой чёрной как смоль краски и спустя два часа мы могли наблюдать его в

ресторане Хилтона, куда он явился со смоляными бровями и усами.

Какая-то истерия охватила всех. Джими, Ноэл, Мич принялись окрашивать различные части своего тела остатками краски. Эта традиция привилась очень быстро и повсеместно оставляла двухцветный след на бровях, ресницах, бачках и усах. Когда группа в гастрольной поездке, такого рода мания начинается очень быстро и имеет тенденцию к обострению. Когда каждый день в пути, единственная реальность это тесно сбитая группа людей вокруг тебя. Всё постороннее — прохожие, персонал отелей и аэровокзалов, становятся чем-то вроде картонных силуэтов, не имеющих настоящей сущности.

Джими, Мич и Ноэл имели по кинокамере идентичной модели с мощным объективом, и в аэропортах остальные пассажиры в испуге шарахались от тройки кричаще одетых пышноволосях девиц, неистово, в три камеры снимающих друг друга.

Джими не интересовали разнузданные забавы партнёров. Большую часть времени он проводил, запёршись в своей комнате, обычно с готовой на всё новой подругой, и не появлялся, пока Джерри Стикеллз не звал его на концерт или в такси в аэропорт. На своём первом американском турне Джерри получил прозвище Летучая Мышь (The Bat) за привычку неизменно находиться в полутёмной комнате с плотно задёрнутыми шторами, не показываясь до самого вечера. Он был очень замкнутым парнем, более чем кто-либо другой.

Бедный Джерри Стикеллз! На него была возложена почти невозможная задача будить музыкантов по утрам. И если, боже упаси, им предстояло лететь утренним рейсом в следующий город, Джерри не испытывал страха ни перед кем. Я частенько видел, как он, забыв о проходящей прислуге и клиентах, неистово колотил в дверь Джими, истошно вопя: «Выходи, Хендрикс, или я выломаю твою дверь!»

После гастролей Джерри закрутили проблемы другого рода: целый поток требований в признании отцовства от матерей его подкидышей, настоящих и фиктивный из всех городов страны.

Были и официальные дела. Кажется, это случилось в Детройте: какой-то рабочий театра в конце выступления Джими получил благоприятную возможность излить свою скрытую ярость и прыгнул обеими ногами на руку молоденькой девочки, протянутую на сцену. Очевидно, он подумал, что визги и вопли оваций — первый признак надвигающейся Коммунистической революции, выбрал в жертву эту девочку и, видать не без удовольствия, сломал ей руку.

Были и счета за повреждённое оборудование театральных и концертных залов. Неистовая страсть Джими большей частью выливалась в последней вещи и тут-то его полностью контролировали.

Перед последним номером, обычно это была Дикая штучка, Джими перепоясывал себя старым Стратокастером, потрёпанной моделью с облупившейся краской и когда композиция достигала кульминации — бросался в атаку на свои колонки (тоже старой модели). Для аудитории это выглядело свирепым животным нападением или жестоким изнасилованием, но гитара и вокальная колонка прошли всё турне без серьёзных повреждений. Несколько порванных струн и глубоких царапин на покрытии колонки были обычным делом.

Свою любимую гитару Гибсон Летящую Ви он никогда не повреждал, конечно, если только не был мертвецки пьян, что на сцене с ним случалось довольно редко. Во время исполнения последней вещи Джерри Стикеллз всегда находился позади колонки, укрепляя её своим солидным весом супротив атак Джими. Всё было полностью отработано и находилось под полным контролем. Обычно. Но однажды Джими проигнорировал надоевшую рутину с колонкой и двинулся к краю сцены. На последней истошно воющей ноте он пошёл вдоль фонарей рампы и начал с хлопаньем кокать их один за другим корпусом своей гитары. Группа исчезла в клубах дыма и восторженных овациях восхищённой публики.

После концерта, когда сворачивали аппаратуру, появился старый рабочий сцены. Он взглянул на обломки крушения, печально покачал головой и произнёс: «Неужели в этом есть необходимость?»

Так было: два с половиной месяца полнейшей невменяемости. Я сейчас предпочитаю вспоминать только хорошие вещи в том турне, как например, такой факт, что мы могли поручиться за своё опоздание на любой концерт. Но только одно представление было сорвано, да и то, не по нашей вине: металлический остов актового зала Чикагского университета действовал как гигантская радиоантенна и заглушал всю музыку Джими многократно услышанным и искажённым звуком той же мелодии.

А картина встречи Джими в аэропорту Сиэтла дюжиной улыбающихся родственников — мамой (мачехой), папой и громогласными сёстрами и племянницами, которые в радости устроили скачки вокруг него!

Слишком тяжело сейчас вспоминать о том, что уже через два года он будет мёртв.

Приложение 2. Рассказывает Эрик Барретт, менеджер по оборудованию

Приходит Ноэл и спрашивает:

— Чем занимаешься?

Отвечаю:

— Вот, работаю теперь с The Nice.

— А наш спорхнул, не хочешь к нам? Мы без тебя пропадём.

Я только спросил, когда ехать.

— Завтра в 10 летим в Милан

Итак, 10:00.

Звонит мне Джерри Стикеллз:

— Я в офисе, почему тебя нет?

Вот какой оборот... Я только... Быстро оделся, покидал в сумку самое нужное и... пять дней.

Джими, Мич, Ноэл и Джерри, они самолётом, чаще просто машиной. Я же и ещё трое парней колесим на грузовиках. Так, ничего особенного... Иногда Джими брал в дорогу себе цыпочку, ей хватало двух дней, это же гастрольная жизнь. Переезд, концерт, снова переезд: начинала скулить. И он отсылал её домой.

Помню, в Испании, мы все купили маски с трубкой... ласты. Все купили себе по камере, знаешь, Супер-8s... стали снимать друг друга... Может, видел кадр, где у Джими такая огромная африканская причёска, стоит в маске, выпирает его маленькая штучка с пинг-понговый шарик... на ногах ласты, готов к нырку... но всё ходит и ходит... Ты уже давишься от смеха, а волна его накрывает. Мы тогда повеселились.

Конечно, они спорили. Кто не спорит? Ноэл всё время говорил Джими, что тот играет очень громко. Джими, в свою очередь, говорил Ноэлу, что тот играет слишком громко. Мич всё время говорил, что его не слышно.

Все очень бережно относились к своим инструментам... но среди нас был один... он всё время переставлял струны... знаешь, за ним глаз-да-глаз. И ему очень не нравилось, если какой-нибудь музыкант, особенно на фестивале, заходил к нам в артистическую и трогал его гитары...

Я тогда говорил, его словами:

— Положи, пожалуйста, обратно.

Они все твердили мне в ответ:

— Я знаю Джими много лет.

На это я отвечал:

— Всё равно положи на место.

Они разочарованно пожимали плечами... Но если случайно видел это Джими, ему это страшно не нравилось.

Я спросил его:

— Что произошло? Почему?

— Я поговорил с Мичем, он вернётся.

— Мне нужны ещё музыканты, чтобы выступить на Вудстоке.

Мы покивали головами. Да я, ради него жизнь отдам, понимаешь? Мы с Мичем уже три-четыре месяца сидели в Англии, ничего не делали. Итак, мы вернулись, и были с ним как одно целое. Это может показаться странным, ведь мы такие разные. Но не было прежнего чувства радости...

Но мы это сделали, этот Вудсток. Мы приехали около часу дня, к 8 вечера мы только разгрузились. В 9:15 утра мы ещё не были готовы. Только представь, в каком состоянии мы все были, измотанные и уставшие... но они собрались духом и сделали это.

На самом деле я рад за него, что он не стремился удержать ребят.

Мы снова были на ногах, Джими, Мич, Билли Кокс и мы сделали эту Европу. Но лучше всего нам удалась Америка.

Когда мы снимали этот фильм, Rainbow Bridge, мы приехали, а там из еды только вегетарианское. А я не ем эти листья, траву, понимаешь? У них там всё для медитации, даже еда.

Когда мы с Джерри приехали, у них даже выпить не было... ни мяса, одни овощи. Мы впали в иступление. Так-то они нас встретили... Съёмочная бригада, все, все нас ждали, не могли дожждаться. Ну, мы сразу и отправились за мясом и выпивкой. Джими же, будто он этнограф, ему пришлось подсесть к этим... и начал есть все эти водоросли и червяков, Вылитый миротворец с аборигенами. Но как только мы вернулись с едой, он тут же бегом к нам, мы съели тогда целую гору жареных цыплят, а он так напился, что не мог никак войти в дом. Да, здорово мы тогда повеселились.

Мы все собирались на остров Уайт, ребята уже улетели. В этот день как раз было открытие Electric Lady Studios. Я остался с Джими, Майк обещал, что мы успеваем на последний самолёт, неважно какой. Но оказалось не всё так просто...

С трудом вытащил его из студии и запихнул в лимузин, чтобы отвезти в аэропорт. Пока мы добирались до аэропорта, его возбуждение росло: Готова студия! Он был счастлив как никогда.

Но вот, наконец, и аэропорт, он проходит через рамку, я за ним. Знаешь, он прошёл и все кто был рядом, устремились к нему, таможенники хотят с ним сфотографироваться. Все же знают, кто он, говорят:

— Можно с вами сфотографироваться для моей дочери?
и прочий мусор

Он пытается пройти, а таможенник ему:

— Металлические предметы есть?

Джими ему:

— Нет.

— Хорошо, пройдите ещё раз.

Джими возвращается и проходит рамку снова. На нём были только обтягивающие кожаные штаны и футболка, явно ничего нет. Таможенник в растерянности:

— Не понимаю, почему она звенит.

Джими возьми и скажи:

— Это мой металлический спрей для волос.

Я тут чуть не умер. Он тоже засмеялся, но таможенник не понял юмора.

Но вот мы и в самолёте. Я и Джими в огромном джумбо и ещё 13 человек первым классом. Там было всё такое... Таких хороших стюардесс я ещё не встречал, они пеклись о нас всю ночь. Он светился от счастья, мы смотрели какое-то кино.

Последние два часа до Лондона мы проспали.

Наконец Лондон. Это было здорово, потому что он не играл здесь уже два года. У трапа самолёта, похоже, собралась вся пресса страны.

— Ого, сколько их! — воскликнул я.

Он выглядел напуганным, я его часто таким видел. Я пытался пробраться сквозь толпу, он пнул мне в спину и сказал:

— Не уходи.

Знаешь, когда с ним был кто-то рядом, он чувствовал себя лучше. С ним обязательно должен быть кто-то кому бы он мог доверять. Я конечно остался.

На фотографиях в газетах среди толпы можно разглядеть и меня. Но на многих, меня отрезали. Можно сказать, это был знак.

Он забежал к нам. На нём лица не было. Сказал, что фуз накрылся. Мы заменили его после первой вещи. После второй, он сказал, что педаль вау-вау не работает. Мы заменили и её, затем заменили пару усилителей. Помню, он сказал тогда толпе:

— Мы с вами так долго, как хватит нам аппаратуры.

Все были в восторге. Он играл уже около двух с половиной часов. Забавно вышло, к этому... он как раз играл стоя на коленях... и у него лопнули штаны, он повернулся ко мне и сказал:

— Есть булавка?

Я выпал в осадок.

Всё, всё что угодно, и фуз, и вау-вау, и амп... но «булавка»!?

Я словно заглянул в ад:

— Что!?

— Нужна булавка!

Я только и мог произнести: «Минутку», он повернулся ко мне спиной -!!!

Такой широкий рукав, и он как мог, прикрывая себя этим рукавом. Он снова повернулся и я сказал:

— Вот, булавка!

Он зашёл за усилитель:

— Вот здесь держи.

— Стягивай

Я держал, пока он пытался скрепить булавкой разрыв. Потом он забежал снова. Помню рядом стояли кто-то из The Who, Джон Вольф, их гастрольный менеджер и ещё кто-то. Вигги был близок к истерике, как раз в этот момент Джими выкидывал свои штучки. Он вбежал к нам, лицо светилось, он был вне себя от счастья.

Приложение 3. Рассказывает Эйч, роуд-менеджер

Я встретил Мича на Датской [улице], он спешил на репетицию...

— ...с каким-то гитаристом и басистом.

Клуб Blaise's, куда мы пришли, был битком забит, там было полно дельцов шоу бизнеса. Даже Харрисона я там встретил. Кто-то из Роллингов. Он прошёлся по всем лондонским клубам, и The Bag O' Nails, и Speakeasy. Целую неделю играл в 'Семь с половиной', и в дискотеке St.James.

Я тогда работал у The Pretty Thing. Ясно помню, концерт в Париже The Pretty Thing завалили, а Хендрикс... я уже слышал игру этого парня, я врубаюсь в такие дела. Я сказал ребятам из группы:

— Вам бы посмотреть, как надо работать, — и ещё я им сказал, что ухажу, не могу работать на них бесплатно.

Мич был рядом и тут же предложил мне работу. Мой контракт с The Walker Brothers подходил к концу.

Мы пошли в гору и работали, работали, работали... и везде всем сносило от нас башку. То есть, хочу сказать, нас хорошо принимали.

Танцзал Imperial в Нельсоне, реальная пещера, а не танцзал. Публика, я скажу... Он играл стоя на коленях. Потом начал медленно подниматься с бешеным тремоло. Волна его начала захлёстывать, кто-то пытался вырвать гитару у него из рук. Он спас гитару, но они вырвали из неё все струны.

Лучшие концерты, это в Англии, я имею в виду те, в театре Севиль у Эпштайна.

Театр для Брайана что-то вроде хобби, он проводил там, как он сам говорил, рок-презентации. Группы он приглашал по своему усмотрению.

Однажды Маршалл попросил нас испытать его новые усилители, такие утюги 8x10 дюймов. Что-нибудь да в них не работало. Кажется, поменяли пять усилителей, прежде чем найти работающий. Но всё равно, нужного эффекта не было. Но мы всё-таки вышли из положения, этим вечером в Севиле мы направили на Джими стробоскоп. Мы решили это проделать на Wild Thing, и я объяснил местному осветителю, что мы хотим, чтобы в этот момент был погашен весь свет.

Итак, мы погасили свет, и я сфокусировал луч стробоскопа. Нигде ни лампочки, только один этот луч. Чтобы ничего не было

видно, кроме того места куда направлен стробоскоп.

Когда началась Wild Thing, он стал пытаться опрокинуть усилители. Даже пинал их ногами. Он снял с себя гитару и, размахивая ею у себя над головой, стал пытаться разбить её. Мич сидел на огромном сооружении высотой около полутора метров, и Джими с яростью молотил по нему остатками гитары. Ударная установка стала медленно накреняться, к тому же, он ещё стал пинать это сооружение ногами. Подставки начали съезжать одна с другой. В такие моменты, будто демон в него вселялся.

В тот вечер на нём был красный бархатный пиджак. Он носился по сцене, круша всё кругом, и только один единственный луч стробоскопа. Зрители вскочили со своих мест, они были похожи на приближающееся цунами. Думаю, они...

Потом он побросал остатки гитары в толпу.

У меня полопались все сосуды в голове, и это старушка Англия!

Приложение 4. Рассказывает Джерри Стикеллз, роуд-менеджер

(именно он, помогал Монике убирать номер до приезда скорой после убийства)

У нас были такие отношения, знаешь... Свою работу я знаю, Думаю, он понимал, что я не врубаюсь в его музыку... во всю эту музыкальную чушь, я так далёк от этого рок-н-ролла. Я никогда не был музыкантом и совершенно ничего не знаю об этом.

Вот так и строились наши отношения, вдали от музыки. Я честно делал свою работу. Ему было всё равно, разбирался я в музыке или нет. Может как раз поэтому, мы прожили бок о бок очень долго.

Мы были тогда в Швеции, в местечке Карлштад, на севере Швеции. Мы играли на... Как-то так смешно называлась та ярмарочная площадь... Мы сидели в артистической, ждали начала. Мы спросили переводчика, он здорово говорил по-английски:

— Кто с нами? Кто на разогреве?

Парень нам отвечает:

— Морские котики.

И как скажешь, в это поверить? Услышав странные хлопки, мы открыли дверь. Котики шлёпали лапами, необыкновенно быстро передвигаясь по сцене. На разогреве у Джими Хендрикса работали морские котики!

Ты спрашиваешь, как проходили гастроли, было ли тяжело?

Тяжело не то слово — чистейшее сумасшествие. Мы все были на грани. К концу, все так уставали, не было сил даже сойти с ума. В Денвере мы готовы были умереть.

Денвер, это наша последняя точка... После него группа распалась.

Играли на стадионе Mile High. Денверский поп фестиваль. В воздухе понесло неизвестно откуда взявшейся гарью. Не то что дышать, видеть невозможно было. Все какие-то взвинченные. Толпа вдруг стала насаждать. Сцена... Охрана? Какая охрана? Мы стояли как в открытом поле. Представь... 30 тысяч несётся на тебя со всех сторон. Осада сцены велась по всем правилам военной стратегии.

Тогда... Я сгрёб музыкантов, запихнул их в трак и... запер на замок в полной темноте среди ящиков с кабелями, стойками и прочим оборудованием. И стали пробовать пробиться сквозь толпу. Они готовы были расплющить наш грузовик. Они были

езде, на капоте, на крыше тягача. Они так покорёжили заднюю дверь, что мы не смогли её открыть, когда добрались до отеля. Всё было погнуто, помято. Только с помощью фомки и кувалды мне удалось открыть грузовик.

Почему развалилась группа? Не знаю, право. Они работали как звери. Они всё время были вместе. И на отдыхе, всё время вместе. Спали, ели, работали. Да, в общем, всё. Думаю, такое испытали на себе все гастролирующие группы... всё время вместе. Особенно, если много работы.

Помню, смешной случай...

Просыпаюсь, собираю вещи, у нас в тот день был перелёт. Все уже давно собрались. Все сидят по своим комнатам, сил нет двинуться.

— Так будем сидеть, иль всё же пойдём?

Мне бы встать и сказать: «Пошли», а я вместо этого произнёс:

— Я не встану, пока ты не встанешь.

Все как сговорились, ждали, кто первый поднимется. Так все и сидели по своим норам, пока я не соврал: «О, уже кто-то спустился к выходу».

Нам бы всем выспаться, отдохнуть, прежде чем нестись, бросаться в очередной самолёт...

К моменту, когда Electric Lady был полностью смонтирован, он казался неудовлетворённым. Наверно думал, может бросить всё это. Не видно было, что его что-нибудь интересовало, даже бросил писать

Почему проникнут таким счастьем и любовью Cry of Love?

Он...

Он заставил себя снова писать и казался очень довольным собою.

Последний раз... помниться... да, точно, за два дня до смерти. Я говорил с ним накануне того вечера. Он позвонил, спрашивал, свободен ли я, и смогу ли я его встретить... хотел добить Cry of Love. Собирался приехать... а его привезли в ящике...

Приложение 5. Регенерированные записи Джими Хендрикса

Michael Lydon

журнал *Роллинг Стоун*, январь 20, 1968

Новый альбом *Got that Feeling*, напечатанный на массе Capitol: Джими Хендрикс играет, Куртис Найт поёт — совсем не свежий Хендрикс. На обложке нет ни аннотации, ни дат, только фотография с фестиваля в Монтерее, не имеющая отношения к представленному материалу — все номера записаны до фестиваля, до того как Хендрикс стал знаменит и до того как раскрылся его талант. Некоторые из них, может быть даже трёхлетней давности.

Пластинка отражает творческие поиски Хендрикса и раскрывает его затруднения, как музыканта. Более того, несмотря на то, что она отражает ранние элементы его стиля, впоследствии развитые им, из-за низкого качества записи она даже не может представлять исторический интерес.

В альбом вошли 8 из тридцати, подготовленных для Capitol Нью-Йоркским продюсером Эдом Чалпиным.

Чалпин возглавляет PPX Industries, которая занимается перепечатыванием лучших американских пластинок и распространением их в Южной Америке.

Хендрикс, который играл в группе *Curtis Knight and the Squires* около трёх лет назад, мог записать их по контракту с PPX или по контрактам с другими звукозаписывающими компаниями: Sue или RSVP. Ныне контракты с Sue и RSVP выкуплены его менеджером.

Ник Венет, сотрудник Capitol, ответственный за выпуск этого альбома, сообщает, что у него нет никаких идей на счёт предоставленного материала:

«Я не верю ни одному сказанному Чалпиным мне слову, поэтому и не поместил на конверте аннотацию.»

По его мнению, большинство номеров записаны «несколько лет назад». По косвенным признакам (по использованию вау-вау педали, впервые спроектированной год назад) можно с уверенностью сказать только о двух, что они записаны в Нью-Йорке в мае 1967 года, это *Hush Now* и *Get That Feeling*.

Венет не предъявил строгих требований к качеству альбома. По его словам, Чалпин предполагает издать ещё три, в которые войдут оставшиеся 22 номера. Но Венет считает, что только отобранные им 8 номеров имеют право быть «спасёнными».

«Нам пришлось, несмотря на существенную потерю качества, перемикировать и переписать плёнки, предоставленные Чалпиным," — сказал он.

Компания Warner Brothers/Reprise, которая собирается издать в январе альбом действительно свежего Хендрикса на основе ныне действующего с ним контракта, грозит судом, если Capitol не приостановит продажу. Альбом *Got that Feeling* может нанести ущерб продаже их альбома и повредить репутации Хендрикса.

Однако Capitol предъявила всё ещё действующий контракт, заключённый между Хендриком и РРХ Эда Чалпина, и объявила, что она распространяет совершенно легальный продукт. Представители компании заявили, что они не принимают обвинения ни в неэтичности, ни в регенерации старого материала в коммерческих целях.

«Мы не собираемся ни с кем обсуждать нашу деятельность," — заявил исполнительный продюсер Capitol.

«Пластинка продаётся хорошо и ни от кого не поступало жалоб, кроме как от нескольких типов из Сан—Франциско, — сказал Ник Венет, — мы не говорим, что это новый материал. По моему мнению, это очень ценные ранние работы Хендрикса. И если бы людям они не нравились, они бы не покупали эту пластинку.»

Приложение 6. Интервью с Девон Вильсон

interview by Daphne Davis

интервью взяла Дафна Дэвис

Как заполучить Мика Джаггера, одновременно живя с Джими Хендриком? Или как это удалось одной зеленоглазой группиз, когда она пыталась улизнуть от полиции после выступления Роллингов в Мэдисон—Сквэр—Гарден, «Ведь Мик обычно окружён этими тощими, костлявыми блондинками, этими типичными англичанками.»

Никому непонятно как Девон это сделала. Расположившись в роскошной берлоге Джими в Вест—Виллидже, она готова с радостью поделится своими достижениями. Квартира Хендрикса превращена в современный Казбах с восточными коврами, диванами с балдахинами, гобеленами и медными кальянами. Словно полная луна в небе над Марракешем, проплывают жасминовые воскурения в мягко—голубом свете. Обыкновенный послеполуденный отдых для Девон, Джими и Колетт (марокканской подружки Девон и личного кутюрье Джими). Звёздный рок—менаж—а—труа — супермузыкант/супергруппиз/супердизайнер.

Джими в растерянности, не зная, что захотеть, может немного поревновать? Ведь интервью берут не у него — у Девон. Звонок в дверь. Наверно бакалейщики. Колетт пошла открывать, Джими скрылся в спальне. Девон приняла позу среди гаремных подушечек а-ля Оззи Кларк и звёздное кино Девон закрутилось.

«Я встретила с Камнями пару лет назад на их пресс—конференции, состоявшейся в клубе Playboy Club, где я тогда работала. Сначала я сошлась с Брайаном Джонсом. Мне он более всего близок по духу, чем остальные камни. Это был истинный перекаати—поле.

«О том, что они собирались в прошлом году приехать к нам на гастроли, я узнала от Мика. Он позвонил мне и пригласил в Филадельфию на концерт. Затем неделя, проведённая вместе в Нью—Йорке. Шесть замечательных дней, шесть незабываемых ночей. Со мной им скучно не было. Колетт не отпускала меня к Мику, пока не воплотит на мне свои тряпичные фантазии. Все цыпочки вокруг умирали от зависти. Друзья мне потом звонили, поздравляли: «Ты сделала всех! Обошла на несколько кругов!»

«Что по этому поводу думал Джими? Хотя ему всё это нравилось, он ревновал. Они очень похожи, Мик и Джими. В тот

вечер Камни выступали в Нью-Йорке и я приготовила ему сюрприз на день рождения. Отмечали в его берлоге. Я привела Мика, на нём был костюм Зута в белую и чёрную клетку и кольцо на пальце с невероятной величины рубином, какие носила раньше чикагская мафия. Этот день рождения Джими запомнился всем, всем было фантастически весело.

«Мы с Миком, в общем, ничего особенного не делали. Я иногда заходила к себе в гостиницу или навещала подруг, а он, он не любил клубы. Ему нравилось больше сидеть в своём номере и заказывать еду туда. Кофе, тосты и «жвачку». Однажды вечером мы смотрели какой-то старый фильм с Эрролом Флинном и болтали.

«Мик — личность очень сексуально наэлектризованная. Особенно выразительны его губы и глаза. Думаю, в них заключена большая часть его сексуальной привлекательности, или я неправа, а? Он рассказал, что он без ума от четырнадцатилетних девочек, похожих на мальчишек, и от 30-летних женщин, не считая меня, конечно. Думаю, он увлекался очень тяжёлыми сумеречными путешествиями, которые немного отразились и на нас. Знаменитые модели его забрасывали телеграммами, цыпочки непрерывными звонками, а группиз предложениями своего тела. Он знал, что он привлекателен для женщин. Самый величайший секс-символ этих лет. Я слышала о нём множество рассказов, но мой самый правдивый из них. Я дразнила его этими рассказами и он мне ответил на это, что секс ему больше не интересен. Но добавил, что всё ещё готов принять чьё-либо предложение.

«Думаю, он имеет в виду, что он приехал на гастроли в Штаты вовсе не для того, чтобы переспать со всеми малолетками. Многих моих знакомых, признанных группиз, он знает уже давно. По его словам, они для него, как эксперименты с разными наркотиками.

«Знаете песню Stray Cat Blues? Он рассказал мне, что в ней он описал какую-то одну из своих цыпочек, чего обыкновенно никогда не делал, но эта его сильно зацепила. И рассказал, что в Калифорнии, как-то раздался звонок и кто-то поблагодарил его, сказав, что она очень польщена, что он написал про неё песню. Он был сильно удивлён тем, как она смогла узнать себя. Но когда она рассказала подробности, удивлению его не было границ.

«Он говорил мне, что чувствует блюз кожей, думаю, потому что он сильно погружён в себя. Он врубается во всё, что делают Айк и Тина, Тай Махал и Джими. Обо мне он тоже написал песню.

Мать её — пастушка
Где её отец?

Мир покинул он давно
Каждой чёрной -
В наследство долги
А каждому белому -
Только спеть блюз

«Он говорил мне, что ему нравится гастролировать. Но только Нью-Йорк Камням понравился больше, чем Калифорния. Как он сказал, там все настолько были накачены, что попали в другое пространство и им было не до музыки. Публика в Мэдисон—Сквер—Гардене была более восприимчива.

«Для меня The Beatles это как наши Supremes. А Камни — они жёстче. Они похожи на людей, которые похожи на свою музыку. Само название группы (есть такое растение — перекасти поле) является символом свободы, судьбы и искренности.

«Думаю, Мик был бы отличным мужем. Он любит детей. Он очень заботится о четырёхлетнем сыне Марианны. Не понимаю, почему они до сих пор не поженились.

«Что мне особенно нравится в Мике так это то, что он никогда не встаёт рано. Мы и так можем всё успеть сделать, даже если встаём в 2 часа дня.

«Итак, что я собираюсь сделать в ближайшем будущем? Не знаю, но ближайшем будущем я собираюсь, может быть, выйти замуж за Джими... Вы поместите на обложку мою свадебную фотографию?»

Приложение 7. Эд и Сэм Чалпины

рассказывает инженер Студии 76 Эда Чалпина
журнал *Goldmine*

Недавно один парень по имени Мик Патрик попросил меня посодействовать переизданию старой пластинки My Father The Pop Singer Сэма Чалпина, у меня были огромные сомнения в моей компетентности как звукоинженера. Вызывает сомнения результат желаемого качества, так как многое было сделано не мною, а другим звукоинженером. Но, должен признаться, я там был тогда, когда они сводились, моё имя стоит на обложке и я ещё жив, чтобы рассказать...

Но то, что Студия 76 принадлежала Эду Чалпину, это отдельная история. Я никогда не слышал, чтобы за ним кто-нибудь стоял, я не знал, как он пришёл в музыкальный бизнес и как стал владельцем студии 76. Позже я узнал, что у него был имеющий силу долгосрочный контракт с Джимми Хендриксом, задолго до того, как тот стал звездой. Как мне сказали, благодаря этому контракту он разбогател, но это уже случилось двумя годами позже. Студия 76 в основном использовалась как перегоночная, оборудованная относительно дешёвым 10-и канальным магнитофоном и иногда использовалась для записи демонстрационных плёнок исполнителями, даже не подозревающими, что можно найти студии с более качественной аппаратурой за те же деньги. Коппельман и Рубин располагались этажом ниже и время от времени Гэри Кляйн приводил к ним кого-нибудь и те записывали их по-быстрому. Церковные хоры, шлифовщики электрооргана, Дориан Бёртон с 25-ю долларами подъёмных от Атлантик—Рекордс писал у нас демо, вы же сами ему сделали имя, мы только...

А вот и сам Эд Чалпин. Каждые две недели, когда выходят музыкальные коммерческие журналы, он штудирует горячие списки, находя группы и песни, наиболее быстро взбирающиеся наверх, бежит стремглав в пластиночный магазин Colony, скупает их все и даёт им послушать, с тем чтобы вместе выбрать, что можно было бы выгодно растиражировать. Затем несут они её к аранжировщику — их весёлому приятелю, который разбивал её на 8–10 голосов, и доводил до минимального количества требуемых инструментов. Ему хватало на всё это одного вечера. Наутро мы уже писали и укладывались в два заезда.

На нас работала группа музыкантов, мы же оплачивали их счета за жильё. На выбранные песни мы обязательно накладывали дорожку с ритм-сексцией. Затем три-четыре трубы и дело

сделано. По необходимости — немного струнных. Струнные и трубы обычно мы дублировали. К концу дня у нас была вполне сносная копия, сделанная непревзойдённо быстрым способом, какого не знала ещё Америка.

На следующий день мы писали вокал. У Эда была целая картотека вокалистов, умеющих копировать стиль и берущих за свой труд мизер. Итак, запись уже почти полностью готова, оставалось лишь наложить дорожку с голосом. Хорошо помню одного парня, у него был сильный шотландский акцент, он записал у нас в надежде на успех сочинённую им песню Brandy, позже её обессмертил Барри Манилоу, сменив «брэнди» на «мэнди». Все певцы были профессионалами и довольно приличными и могли кого угодно заткнуть за пояс. Желание у них было у всех одно, забрать свои 150 долларов, чиркнуть подписью и хлопнуть дверью. Нам оставалось добавить подпевку и смикшировать. Говорил ли что-нибудь Эд Чалпин, приходил ли он или уходил — неважно, к концу второго дня мы имели смикшированную окончательно копию и дело сделано.

На следующий день Чалпин садился на телефон и проигрывал запись по телефону своим иностранным заказчикам. Лаборант делал копии, наша секретарша отсылала бобины, а я возвращался к своим с переменным успехом попыткам в очередной раз избавиться от 60 Гц шумов и интерференционных щелчков в новом проекте. Весёленький бизнес, а? На самом деле очень умно придумано. Уж поверьте мне, за качеством мы не гнались. Критерием были скорость и дешевизна. Наш бизнес процветал. Каждые две недели наши мастертейпы продавались много раз.

В течение недели наши раскалённые докрасна снаряды распродавались на улицах Венесуэлы, Южно—Африканской республики и во многих уголках Севера и Запада, где люди никогда бы не смогли услышать оригинал. По всей стране было множество независимых частных заводов, бизнес которых держался на проворстве и сообразительности и Чалпин снабжал их 100%-м материалом и стилями, доказавшими его безошибочное чутьё. Мы выпускали откровенный хлам, но говоря их языком, а Эду Чалпину нравились такие люди, шлак продавался. За несколько лет такой работы у нас составила́сь целая библиотека таких «бестселлеров» — 100, 200, а то может быть 300 штук.

А теперь вот звезда сезона, отец Эда, Сэм Чалпин.

Нам бы во всём винить миссис Миллер за её фиаско. Кто такие эти мистер и миссис Миллер — это тоже отдельная история. Достаточно сказать, что она была очень пожилой дамой,

честолюбивой певицей вырванной из неизвестности ловким аранжировщиком, составившим альбом из каверов так, что она даже не поняла, в какой афёре она приняла участие и где будет продаваться её «бестселлер». (Так вышло, но она записала сработанную мной *Mary In The Morning*. Может ли спеть пожилая дама за юную девушку? Может ли Бог что-то напутать?)

Подводя всех под общий знаменатель (но ведь он всё же давал шанс тем, у кого совсем не было денег), Эд Чалпин решил, что если миссис Миллер оказалась столь популярна, то почему бы подобное не проделать со своим отцом — Эд был совершенно уверен, что отец денег с него не возьмёт. Оригиналы — вот они, студия — своя, бесплатный певец — вложений ноль! Это то, что я назвал бы беспроцентным доходом с продажи, слова, которые ласкают слух.

Клянусь жизнями моих детей, Эд заставил плакать своего отца, и не один раз, в течение этих сессий. Мне больно было за ними наблюдать, за это его можно было бы судить. Теперь бы Эда арестовали за издевательство над стариком, и я бы первым бросил в него камень.

Но, так или иначе, нам удалось записать три номера полностью и Эд попросил меня по-быстрому смикшировать и перенести их на плёнку. Он тут же отправил её на Атлантик—Рекордс. Это же Атлантик, о, святой Пётр, что за демон в него вселился? Он отправил своего отца в самую Мекку. Он отправил его позор на Атлантик. Что это, шутка? Мне не постичь, как они смогли открыть перед ним двери, неправдоподобные нервы нужно иметь, чтобы проиграть это им. Наверно солнце спряталось за луной в этот момент, но он их этим заинтересовал. Правильно ли это? Дикая ошибка. Через два часа он вернулся, держа в руках договор на пластинку за подписью *Ahmet Ertegun*. Мальчики и девочки, в тот момент я понял, что уже ничего в мире никогда не сможет меня удивить. Оглядываясь назад, я могу только сказать, что у Эда хранятся несколько очень интересных фотографий Ахмета с верблюдом. Это до сих пор меня приводит в трепет и я призываю всех, кто про это знал сказать мне, был ли Ахмет Эртеган трезв в тот момент. Но однажды, мне подвернулась работа...

...и я ушёл со Студии 76 в *Sounds* на Бродвее. Раз я плёлся по улице, настроение хуже некуда, купил даже Ролекс у уличного мошенника, хотя он и предупредил меня, что они украдены. 25 долларов за них отдал. Они выглядели вполне, да и шли безотказно. Эду они приглянулись, а я тогда был на мели, вот и продал ему их за 35. Пару месяцев спустя мы столкнулись с ним на Бродвее и он начал кричать на меня, что я продал ему

фальшивку. Я не знал, что ему ответить, но у меня многое накипело и я сказал: «После того, что ты проделал со своим отцом, у меня руки чешутся набить тебе морду — давай пройдемся»...

Приложение 8. О том, как Эд Чалпин пытается продать на аукционе права, которых у него нет

из ститьи «Джими Хендрикс на заре нового десятилетия»

Раш Эванс

журнал *Goldmine*, 4 апреля 2011

Элвьер фон Лир из DragonSlayer Films LLC и Лоренс Миллер из Purple Haze Records Ltd объяснили Раймонду Милльену из Ocean Tono почему наследию Майкла Франка Джеффери не принадлежат права на Джими Хендрикса, как это заявляет Эд Чалпин, распорядитель этого наследия.

На что Раймонд Милльен сказал: «Наследование это право, только дураки его покупают.»

Перечислим события, которые произошли до 6 сентября 2000 года, когда Эд Чалпин стал распорядителем наследия Майкла Франка Джеффери:

5 марта 1973 года

Погибает Майкл Джеффери в авиакатастрофе.

15 марта 1973 года

Права на распоряжение наследством переходит его жене Гиллиан Розмари Джеффери. Заверенная британским нотариусом бумага показывает, что налог на наследство составил чистый ноль.

6 ноября 1974 года

Права на распоряжение наследством переходит Франку Алберту Эдуарду Джеффери. Заверенная британским нотариусом бумага показывает, что налог на наследство составил 2000 английских фунтов.

6 сентября 2000 года

Права на распоряжение наследством переходят Эду Чалпину. Заверенная британским нотариусом бумага показывает, что налог на наследство составил чистый ноль. Purple Haze Records Ltd (Co reg. 4320394)

24 ноября 2000 года

Интересы Эда Чалпина представляет британская адвокатская контора Харботтл и Льюис, к ним в помощь подключена ещё одна британская адвокатская контора Расселлза. Это произошло после того, как Эд Чалпин вступив в права распоряжаться наследием, заявил, что «в целях предупреждения возможных заявлений на права и в связи с обнаруженными нами пробелами в реестре

Майкла Джеффери на владение правом на записи Хендрикса.» «В частности, вопрос о правах на наследие небезызвестной компанией ЯМЕТА, владельцами которой являлись Час Чандлер и Майк Джеффери.»

5 ноября 2001 года

Эд Чалпин предлагает учредить в Британии компанию Purple Haze Records Ltd и посылает оцифрованный вариант Axis Bold As Love, на обложке стоит название ЯМЕТА, кем спродюсирован.

9 ноября 2001 года

Как и задумывал Эд Чалпин, основана Purple Haze Records Ltd. По мысли Чалпина такая британская компания была нужна ему, чтобы вынудить Experience Hendrix LLC на судебную тяжбу, в ходе которой мог бы быть обнародован реестр песен Хендрикса, который они сохраняют в строжайшей тайне.

1 марта 2002 года

Посылается письмо адвокатской конторе Харботтл и Льюис, представляющей интересы Эда Чалпина/PPX Enterprises Inc и наследия Майкла Джеффери, распорядителем которого является Чалпин, с просьбой проверить данные помещённые на обложке компакт-диска Axis Bold As Love, где среди прочих значится ЯМЕТА.

4 марта 2002 года

Адвокатская контора Харботтл и Льюис пишет ответное письмо, в котором советует им «если вы ищите какие-нибудь нарушения авторских прав, то последнее, что вам бы нужно знать это то, что все авторские права принадлежат ЯМЕТЕ, которая является просто оговоренным символом. И мы надеемся, что вы продолжаете думать, что всеми правами владел Майкл Джеффери.» Именно так британские адвокаты Чалпина советовали компании Purple Haze Records Ltd незаконно подменить авторские права.

5 июля 2002

Суд выносит решение: «Эд Чалпин/PPX Enterprises Inc не имеют права ни на какие издания записей с участием Джими Хендрикса ни в каком виде (не считая оговоренных 33-х, в которых Джими Хендрикс является участником группы). Начало процесса 14 мая 2001 года.

29 июля 2002 года

Эд Чалпин распорядитель наследия Майкла Джеффери с 6 сентября 2000 года посылает факс: «У меня никогда не было прав начать» и «Я действительно верю в то, что компания заплатившая 40 тысяч долларов в праве требовать предоставить в собственность мастертейп, которой, как вы знаете, у меня нет и я не смог достать.» Таков был ответ американскому дистрибьютору,

интересующемуся о правах на Rainbow Bridge Concert, изданный компакт-диск наследниками Майкла Джеффери.

7 и 14 ноября 2002 года

После проигрыша в суде Эд Чалпин передаёт лицензию на выпуск Axis Bold As Love album и the Rainbow Bridge Concert компании Purple Haze Records Ltd.

(Заметьте, Эд Чалпин стал распорядителем наследия Майкла Джеффери 6 сентября 2000 года. И если наследники Майкла Джеффери обладают такими правами, какие им приписывает Чалпин, то почему он проиграл суд? Всё что от него требовалось в суде, это предъявить права, которыми обладали наследники Майкла Джеффери по его словам.)

20 января 2005 года

Нью-Йоркский суд заслушал дело о споре между Максвеллом Т. Козном, предыдущим распорядителем наследия Джеффери, и компанией Warner Bros. Warner Bros искала способ получить причитающийся им гонорар от наследников Джеффери и наследника помощника распорядителя Эдуарда Чалпина. По решению суда наследники Джеффери и Эд Чалпин обязаны выплатить 143 тысячи 321 доллар и 38 центов.

Вместо того чтобы представить наследников Джеффери в выгодном свете и обжаловать решение суда в Лондоне, Чалпин по-прежнему не представляет никаких очевидных доказательств.

Представители компаний Dragonslayer Films LLC и Purple Haze Records LTD уверены, что Эд Чалпин, представляющий интересы наследников Майкла и Эдуарда Джеффери не обладает теми правами, о которых всем заявляет и которые пытаются продать на аукционе Ocean Tomo. Если бы они действительно обладали бы этими правами, они бы не проиграли в британском суде и смогли бы с лёгкостью продать лицензию, требуемую в Штатах на издание альбомов Хендрикса.

Приложение 9. Вечный огонь Джими Хендрикса

Эд Чалпин 1971 Нью-Йорк

аннотация на конверте

Pickwick International Inc. Ltd. / HALLMARK SHM732

Джими почти всегда называл себя не иначе, как Опыты Джими Хендрикса, но мысль заключается не в этом, а в том, что он всё время мечтал вернуться к тем замечательным годам, когда он записывался с Куртисом Найтом. Сейчас все говорят о нём, как о сверхзвезде из группы Опыты Джими Хендрикса, мы же нашли записи тех лет, на которых он называл себя совершенно по-другому — Звучание Джими Хендрикса. Большинство номеров записаны с июля по август 1967 года. Самое интересное в том, что Джими записал их в пику «Государственной церкви». Его проблемы с правосудием не решила даже его смерть, и эти номера сейчас можно рассматривать, как живых подсудимых.

Группу Звучание Джими Хендрикса создал я, я был и первым продюсером Джими. А произошло это так.

1967 год стал самым тяжёлым для него годом — его всё время таскали по судам — но он считал очень важным для себя забегать ко мне на студию, он только там чувствовал себя свободно и мог полностью отдаться своим желаниям, он иногда даже слушал мои советы. И вот однажды, это было как раз месяц спустя после его невероятного успеха на фестивале в Монтерее, он, вместе с Куртисом Найтом разбудил меня в два часа утра и потребовал, чтобы мы тотчас же отправились ко мне на студию, называющуюся «Пространственный звук». Было ли это одним из его опытов, которые он постоянно ставил над своей жизнью?

Один из номеров, записанных на той сессии — Баллада о Джими — стал ещё одной загадкой для всех тех, кто, также как и сам Джими, интересуется оккультными науками и вообще всем сверхъестественным. В первый раз он записал эту песню в 1965 году, за пять лет до своей смерти, в тот же месяц и точно в то же время. В последних строчках звучали такие слова:

Пять лет

Он сказал

Но он не ушёл

А всего лишь умер

Этот номер вошёл в альбом, который сейчас выйдет на Декке. Декка также выпустит его сорокопяткой.

Очень интересна инструментальная версия Love Love и Hush Now, так как там он впервые применил педаль вау-вау. Если внимательно прислушаться к игре Джими, увидите как он звуком гитары имитирует голос Куртиса, хотя в некоторых местах он сам ему подпевает. Номера How Would You Feel? и You Don't Want Me — самые первые коммерческие номера группы Звучание Джими Хендрикса, звучание, которое Джими создал вместе со мной. Сейчас такой стиль стал уже популярным и критики придумали ему название — психоделический — жгучий и жёсткий рок.

После сессии, на которой участвовали и другие музыканты, Джими переписал все партии сам — он старался добиться наилучшего звучания — в итоге, кроме барабанщика Рэя Лукаса не осталось ни одного другого исполнителя.

Джими верил, что только вместе с голосом Куртиса звук его гитары даст полную психоделическую картину. Теперешние поклонники Джими знают его как гитариста, но благодаря этой пластинке, они ещё и узнают, что Джими вместе со мной открыл «Новую эру». Мне говорили, что Джими был разочарован всем тем, что случилось потом, но я убеждён, что время, проведённое на моей студии, было и остаётся самым для него счастливым.

Приложение 10. Заключительное, но не последнее слово

Кати Этчингем

Как только такси свернуло с Гросвенор–Сквер на Брук–Стрит, я увидела огромную толпу и сердце моё сжалось. Ну, конечно же, мы приехали слишком рано. У меня всё похолодело от ужаса.

— Попроси его остановиться, — сказала я Нику не своим голосом, каким-то писклявым и незнакомым.

— Вы не могли бы притормозить здесь?

Водитель остановился сразу за Клариджем. Впереди опрокинутые ограждения, полицейские с рациями, камеры, микрофоны, толпы любопытных, оттеснённых на тротуар с проезжей части, чтобы дать проехать машинам, запрудившим Бонд–Стрит.

Я сделала два глубоких вдоха и постаралась успокоиться. Меня мелко трясло. Я уже повторяла мою речь много раз, но из предосторожности попросила Ника напечатать её на больших листах, я не надеялась, что мой голос не подведёт меня перед такой большой толпой. Думаю, если бы я стала читать, мне бы удалось обуздать его. Всего несколькими часами ранее, я перешла Альпы, отчаянно сражаясь с непослушным замком бус, как всегда всё случалось в последний момент. Вся моя энергия, растраченная за последние месяцы, покинула меня сразу, как только всё завершилось. Встречи, добывание денег, организация охраны, пригласительные билеты и другая суeta в подготовке такого важного события оставили меня взволнованной, но без сил. Всё кругом изменилось за эти тридцать лет, прошедшие с того дня, когда я впервые ступила на Брук–Стрит, которая стала нам такой родной, мне и Джими.

— О.К., — кивнула я Нику. — Я готова.

Машина тронулась и мы медленно двинулись по направлению к толпе, моё сердце рвалось наружу.

Мемориальная доска была ещё завешена. Перед домом №23 по Брук–Стрит, где мы с Джими жили вместе, уже выстроились приглашённые. Многие репортёры зашли за ограждения, люди, которым не достались приглашения, разместились в окнах дома напротив.

Снаружи ограждений часть журналистов как виноградными гроздьями облепили хрупкую фигуру Эла Хендрикса и Жени Райт, дочери новой японской жены Эла, он женился, когда Джими уже был в Англии. Все удивлялись почему у Эла не оказалось

пригласительного билета и Жени с удовольствием разясняла журналистам, что отца Хендрикса забыли пригласить. Я собственноручно выписывала все пригласительные билеты, я помнила любую мелочь в подготовке этого события и отлично помнила, что и Эл, и Леон были приглашены. Я не прислала приглашение Жени, потому, что не хотела, чтобы это событие стало рекламой ею основанной компании. В предыдущие месяцы мы обменялись множеством неприятных писем и факсов, но я оставалась непреклонной. Американские поклонники Джими, которые приехали по моим предложениям, рассказывали мне, что Жени треплется и распускает нелепые слухи обо мне.

— Вы лжёте, — вступились за меня, — Эл был приглашён!

Когда семье Хендрикса впервые удалось взять в свои руки контроль над его наследием, все обрадовались. Но настроение поклонников Джими изменилось, когда однажды «семейная компания» Experience Hendrix выпустила в продажу стулья по цене 4 тысячи долларов за штуку, с портретом Джими на сиденье! Кресла-качалки и мячи для гольфа с портретами Хендрикса! Пошли публикации, что он вовсе не умер от передозировки, что мы все, коронер, патологоанатомы и все остальные глубоко не правы.

И вот теперь, четверть века спустя после смерти Джими, каждый хочет откусить кусок от его пирога. Сталкиваются характеры. Сталкиваются взгляды на жизнь. Музыкальная индустрия тех лет привлекает к себе разных людей, многие из них черпают в 60-х новые музыкальные идеи, но другие... другие стремятся превратить то время в деньги и быть, по словам Куртиса Найта, «у блюда». Вот почему я убедила совет по Британскому Наследию поместить мемориальную доску именно в Англии, так как здесь он оставил о себе наиболее яркий след.

Это не заняло у них много времени, несмотря на то, что Джими был первой рок-звездой, память о которой они бы хотели увековечить мемориальной доской. В будущем это быстро переросло в цепь ярких событий. Конечно не обошлось без недовольных, бурную деятельность развели Джеффри Виткрофт из Дейли Экспресс, искусствовед Брайан Сивелл и Клайв Аслет, редактор Деревенской Жизни, которые посчитали, что вводить в Британское Наследие рок-звезду было бы «пособничество глупцам» с последующей деградацией общества. К счастью, их призывов никто не услышал и все пришли к выводу, что это неплохая идея.

Журнал Mojo помог мне организовать фуршет для нескольких сотен человек, очень не хотелось, чтобы праздник попал в чужие руки. Похоже проснулись все проходимцы и паразиты, поэтому

нам пришлось нанять охрану. На празднике я видела лица, которых не встречала уже целых тридцать лет, осколков эры, которую можно описать словами песни: «Надеюсь я умру прежде, чем состарюсь.» Джими, как и многие другие его поколения, полностью подтвердил эти слова, наполнив до краёв баки с горючим, на огне которого варятся мифы и легенды бурлящего Лондона тех лет.

Я увидела много молодых лиц, музыкантов современных групп, всех их хорошо знали мои сыновья-подростки. Для меня же они казались загадочными. Несколько поколений музыкальных талантов сменилось с тех пор, как мы жили с Джими на Брук—Стрит. Но сколько ещё будет музыкантов, его поклонников и дельцов большого бизнеса, которые будут выворачиваться наизнанку, только чтобы извлечь для себя выгоду из его песенного материала.

Но даже сегодня, когда это стало историей и Фонд Генделя намеревается превратить нашу старую квартиру в музей, старые соперники всё ещё продолжают бродить по миру. Я попросила четырёх гитаристов, тех кого хорошо знала, помочь сдёрнуть покрывало: Пит Таунсенд, Джефф Бэк, Джимми Пейдж и Эрик Клаптон. Пит и Джефф согласились с радостью, но Джефф в последнюю минуту исчез. Джимми Пейдж отказался сдёргивать покрывало, но сказал, что ему очень приятно моё к нему внимание. Люди Эрика ответили мне, что его сейчас нет в стране. Я была поражена, как много наших старых друзей даже не пошевелили пальцем, чтобы ответить на приглашение, в то время как современные «плохие мальчики», такие как например Oasis, оказались образчиками хороших манер, они проявили уважение и все мне прислали ответы и поздравления. В конечном счёте, клуб Emporium на Кингсли—Стрит, известный нашему поколению как Valbonne, наполнился знакомыми лицами, старыми и молодыми, несмотря на то, что многие из списка приглашённых, такие как Стинг, отправились на вечеринку, устраиваемую Элтоном Джоном в этот же вечер. Семья МакКартни не смогли приехать, потому что они были где-то на отдыхе, но прислали огромный букет цветов и открытку с добрыми пожеланиями Джими и всем, кто пришёл его навестить.

Наконец, находясь уже внутри клуба Emporium — тосты, фото — мои нервы постепенно стали оттаивать, но я всё ещё была далека от того, чтобы прийти в себя, каждый из этих нескольких сотен гостей хотел поговорить со мной в этот вечер.

Так много за эти годы было опубликовано всякого фантастического о Джими людьми, чей интерес к нему ограничивался собственным желудком, что я решила прервать

моё 20–летнее молчание и записать мою версию тех событий. Это будет не совсем рассказ о Джими, а скорее обо мне самой и о наших друзьях, с кем знакомились в те далёкие дни, о тех, кого уже нет с нами, и Кит Мун, и Брайан Джонс, и Час Чандлер. Рассказ о том, какого было жить в то исключительное время.

Суррей 1998

Curtis Knight

Jimi Hendrix

A Star Book Published in 1975 by W.H.Allen & Co.Ltd.

ISBN 0 352 300047 7 (UK)

Утраченные страницы восполнены из 3-го стереотипного издания, осуществлённого американским издательством Praeger Publishers, Inc., 1976.

ISBN 0-275-19880-4 (US)

ISBN 0-275-89620-X pbk (US)

Перевод: sasikainen

notes

Примечания

Надо THE TAMS - эта опечатка по-видимому типографская, так называемая "народная этимология". Автобус с членами группы THE TAMS прибыл в Канзас-Сити между 8-м и 16-м октября 1964 года уже без Хендрикса. 8 октября он ещё играл с ними в Цинциннати, по дороге в Канзас-сити он и потерялся и смог вернуться в Атланту, только когда его подобрала в безымянном городке группа Gorgeous George Band и вместе с ними и с Сэмом Куком, выступив в Мобайл, штат Алабама, отправился на гастроли Суперсоник Аттракшн. *Примечание переводчика.*

Ну это Куртис загнул, Долфи умер раньше чем Хендрикс стал известным. Как я понимаю Куртис готовя книгу всё записывал на библиографические карточки а потом их расставлял по порядку. В одном месте я обнаружил что пара карточек слиплась, а другая которая была рядом перескочила вперёд, так что не мудрено что могут быть ляпы, это мог сказать кто-нибудь другой. Спросил у Кати Найт-МакКоннелл, она не знает, думаю это слова джазового саксофониста Роланда Кирка. *Примечание переводчика.*